

ЛЕСНАЯ И ЛЕСОСТЕПНАЯ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХИ РИМСКИХ ВЛИЯНИЙ И ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Конференция 4
ЧАСТЬ 1

0 3 cm

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
И ПРИРОДНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «КУЛИКОВО ПОЛЕ»**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**ЛЕСНАЯ И ЛЕСОСТЕПНАЯ ЗОНЫ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В ЭПОХИ РИМСКИХ ВЛИЯНИЙ
И ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
НАРОДОВ**

Конференция 4

ЧАСТЬ I

ТУЛА • 2015

УДК 902/904
ББК 63.4
Л50

Утверждено к печати ученым советом учреждения
Российской академии наук Института археологии РАН

Редакторы:
И. О. Гавритухин
к.и.н. А. М. Воронцов

Рецензенты:
д.и.н. А. М. Обломский
к.и.н. Н. В. Лопатин

Л50 **Лесная** и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Часть 1 / Ред. А. М. Воронцова, И. О. Гавритухина. — Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2015. — 311 с.: ил. + 12 с. цв. вкл.

ISBN 978–5–903587–42–1

Сборник научных статей по итогам работы четвертой конференции с одноименным названием, которая прошла в ноябре 2012 г. в Туле. На страницах издания представлены результаты обсуждения актуальных проблем и новые материалы, связанные с изучением судьбоносных, но еще слабо исследованных, периодов в истории Восточной Европы, выделяемых в эпохи римских влияний и Великого переселения народов (середина I—IV и конец IV—VII вв. н.э.). Значительное место уделяется публикации результатов изучения Окско-Донского региона.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978–5–903587–42–1

© Государственный военно-исторический
и природный музей-заповедник
«Куликово поле», 2015

ГОРОДИЩЕ ВЕЛЕГОЖ НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ ВЕРХНЕЙ ОКИ

Памятник расположен в Заокском районе Тульской области, менее чем в 2,5 км от русла р. Оки, в бассейне небольшой речки Скнижка. Несмотря на то что эта местность в настоящее время застроена многочисленными базами отдыха и дачными поселками, расположенное в лесу городище не было известно ни специалистам, ни грабителям. Оно было выявлено сотрудником Центра по охране и использованию памятников истории и культуры Тульской области Олегом Ниязбеговичем Заидовым в мае 2012 г. при обследовании территории, отводимой под очередной дачный поселок. Городище находится в 150 м от ближайшей дачи нового поселка, и существовала реальная опасность его разграбления. Поэтому уже в июле 2012 года была организована экспедиция по его изучению¹.

Здесь публикуются материалы исследований городища Велегож, проводившихся в 2012 г. археологической экспедицией Государственного музея-заповедника «Куликово поле» под руководством авторов данной статьи по открытому листу Е. В. Столярова. На городище изучены слои, относящиеся к поселению типа Упа 2 (I век до н.э. — I век н.э.), к мощинской культуре (IV–V вв.) и древнерусскому времени (XI–XII вв.). Находки и сооружения, относящиеся к древнерусскому времени, были опубликованы Р. Н. Модиным [Модин, 2015]. Далее в статье рассматриваются только ранние горизонты. Ряд находок анализируются отдельно в статьях, входящих в настоящий сборник и являющихся приложениями к данной публикации. Импортные фибулы и некоторые детали ременных гарнитуров рассматриваются в статье И. О. Гавритухина, янтарные и стеклянные полихромные бусы из клада рассматриваются в статье А. В. Мастыковой, стеклянные монохромные бусы и бусы с металлической прокладкой из него же — в статье О. С. Румянцевой.

Топография памятника

Велегожское городище расположено на краю северной части ареала памятников типа Упа 2, на границе с дьяковской культурой (рис. 2); в системе памятников мощинской культуры оно относится к группе поселений Окско-Донского водораздела (рис. 1).

Городище находится в 1 км к северо-востоку от села Велегож и расположено на мысу при слиянии двух оврагов, по одному из которых протекает безымянный ручей, левый приток р. Скнижка, правого притока р. Оки (рис. 3). Площадка овальная в плане, размерами 70×40 м, высота ее от дна оврагов в месте их слияния 10–15 м. С наполь-

ной (южной) стороны она защищена валом высотой до 3,5 м и рвом глубиной до 3 м. На площадке городища в 18 м к северу от подножия вала выделяется небольшое повышение высотой до 0,5 м. Раскопом 1 в этом районе изучена система из трех рвов, относящихся к поселению типа Упа 2. Возможно, это повышение маркирует нивелированные в древности укрепления этого времени. Городище покрыто лесом; с руководством лесничества удалось согласовать вырубку деревьев только толщиной до 10 см, что создало трудности при разметке раскопов. Края площадки городища подвержены сильным осыпям, в ходе работ по их обследованию был собран обширный подъемный материал. Основная масса находок в осыпях и на поверхности памятника относится к мощинской культуре (рис. 4–8). Это предметы, связанные с ременными гарнитурами, детали налобных венчиков, фибулы и их части, булавки, подвески, бляшки-нашивки, а также различные железные предметы и фрагменты других бронзовых украшений. К горизонту памятников типа Упа 2 можно отнести только находку практически целого экземпляра грузика «дьякова типа» (рис. 8: 1).

Общая характеристика исследований на площадке городища

Всего было заложено три раскопа общей площадью 150 м²: раскоп 1 (76 м²) — в приваловой части и представляющие собой единую площадь раскопы 2 (48 м²) и 3 (26 м²) — в северной, мысовой части (рис. 3).

Слой городища в основном имел мощность 0,2–0,3 м и представлял собой светло-серую рыхлую гумусированную супесь, насыщенную корнями деревьев, что сильно затрудняло проведение зачисток. Качественные горизонтальные зачистки были возможны только на уровне материка, сложенного красно-коричневым суглинком, имеющим большую плотность. Заполнение выявленных объектов, в том числе наземных построек, представляло собой более темную супесь с включением угольков, что позволило проследить их контуры в профилях и планах. Постройки мощинской культуры располагались в верхнем горизонте культурного слоя, в материк были заглублены только хозяйственные и столбовые ямы. Постройки поселения типа Упа 2 располагались в нижнем горизонте культурного слоя и частично были заглублены в материк.

Раскоп 1

В северной и центральной части раскопа культурный слой имел мощность до 0,2–0,3 м; в южной (приваловой)

¹ Благодарим за помощь в организации работ администрацию Государственного мемориального историко-художественного и природного музея-заповедника В. Д. Поленова и лично Юрия Петровича Чернорота.

части его мощность начинает возрастать (рис. 9). Большинство материалов, полученных из раскопа, относится к древнерусскому времени — постройки 1, 4, 4а, 5, яма 2 и, видимо, ряд столбовых ям к югу от постройки 1 (рис. 9). Из культурного слоя и из заполнения этих объектов происходит ряд индивидуальных находок и керамический материал, относящиеся к мощинской культуре и памятнику типа Упа 2.

С поселением **мощинской культуры** связано 11 индивидуальных находок и представительная подборка керамики (рис. 11; 12; 14). Особенно интересен комплекс постройки 5 (рис. 14: 9–16). В ее заполнении найдены крупные фрагменты мощинской посуды, развал мощинской миски и небольшое количество мелких фрагментов древнерусской посуды. Возможно, они попали в ее заполнение в ходе распадки площадки городища, которая могла осуществляться крестьянами в XVIII–XIX вв. Тем не менее однозначно интерпретировать ее как мощинский комплекс нельзя.

Из изученных построек однозначно к мощинской культуре относится только постройка 3, вошедшая в раскоп частично (рис. 9, на юге). Размеры исследованной части составили около 2х1,7 м. Котлован постройки заглублен в нижележащее заполнение рва № 1. С постройкой связаны (рис. 13) фрагмент ножа (№ 19) и небольшое количество керамики, значительная часть которой вторично обожжена.

Керамика, связанная со слоем памятника **типа Упа 2**, малочисленна и сильно фрагментирована (рис. 15–16). Из сооружений к нему относятся три рва и небольшая округлая в плане яма № 3 (рис. 9; 10), содержащая всего три фрагмента грубой лепной керамики (рис. 15: 13).

Рвы (рис. 9; 10), судя по всему, представляют собой остатки укреплений поселения типа Упа 2, которое было заметно меньше по площади, чем современное. Ров № 1, наиболее близкий к существующему сейчас валу, имеет глубину до 0,96 м. В заполнении рва были найдены фрагмент грузика «дыкова типа» (рис. 15: 1) и несколько фрагментов лепной керамики типа Упа 2 (рис. 15: 9–12). Ров № 2 расположен на расстоянии менее 1 м от рва № 1 и имеет глубину до 0,5 м. Находок в нем найдено не было. Ров № 3 расположен на расстоянии около 10 м к северу от рва № 2 и имеет глубину около 0,8 м. В заполнении рва было найдено керамическое орнаментированное пряслице овального сечения (рис. 15: 2), несколько фрагментов лепной керамики типа Упа 2 (рис. 15: 14), фрагменты керамики и железная булава, относящиеся к мощинской культуре (рис. 14: № 12, 1–2). Судя по всему, рвы были засыпаны в период существования мощинского поселка, о чем говорят находки мощинской посуды в заполнении рва № 3 и то, что ров № 1 перекрыт мощинской постройкой 3.

Раскопы 2–3

Раскоп 2 был разбит в мысовой части площадки после находки в заложенном там шурфе клада женских украшений, относящегося к мощинской культуре (рис. 33–40, рис. 43–51 (цв. вкл.)). Подробное описание металлических изделий, входящих в клад, будет дано ниже, описание стеклянных и янтарных бус приводится в статьях А. В. Мастыковой и О. С. Румянцевой, включенных в настоящий сборник. Немедленно после находки был заложен раскоп 2, в систему которого включен шурф. Раскоп 3 непосредственно примыкает с севера к раскопу 2, поэтому материалы обоих раскопов рассматриваются вместе.

В ходе работ в мысовой части площадки городища сооружений древнерусского времени обнаружено не

было. Все выявленные объекты (рис. 17–19) относятся к мощинской культуре (постройки 1–2) и памятникам типа Упа 2 (постройки 3–5).

Из культурного слоя происходит ряд индивидуальных находок, относимых к мощинской культуре без особых сомнений (рис. 20) или предположительно (рис. 21), керамика мощинской культуры (рис. 22), две находки (рис. 28: № 9; 29: 20), относящиеся к горизонту поселения типа Упа 2, и керамика этого периода (рис. 29: 1–19).

С уровня верха культурного слоя в рамках раскопа 2–3 удалось проследить и исследовать две **постройки мощинской культуры** (рис. 17).

Постройка 1 (рис. 17: юг) была исследована не полностью. Это наземное прямоугольное в плане сооружение, вытянутое по оси северо-восток — юго-запад. Размеры изученной части постройки — около 4,8х3,5 м. Слой заполнения постройки имеет мощность до 0,28 м. Вероятно, конструктивно с постройкой связаны столбовые ямы № 9 и 14 (рис. 18; 19). В ее заполнении найдены две металлические бусины, фрагмент пряслица (рис. 23: № 18, 32, 61) и много фрагментов керамики (рис. 24).

Рядом с постройкой 1, в 0,7 м к западу от нее, расположена хозяйственная яма № 11 (рис. 17–19). Она круглая в плане (диаметр 0,66 м), заглублена в материк на 0,24 м. В верхней части заполнения ямы были найдены крупные фрагменты керамики, в большинстве своем вторично обожженные (рис. 27: 1–12). Наличие небольшой круглой хозяйственной ямы рядом с наземной постройкой типично для мощинской культуры [Воронцов, 2013. С. 35. Рис. 36].

Постройка 2 (рис. 17: север) была исследована практически полностью. Она представляет собой наземное подпрямоугольное в плане сооружение, вытянутое по оси северо-восток — юго-запад, размером около 6,3х4 м. Заполнение постройки имеет мощность до 0,12 м. Конструктивно к постройке, видимо, относятся столбовые ямы А, № 17–20, а также более крупная материковая яма неясного назначения № 4 (рис. 17–18).

Из заполнения происходят десять индивидуальных находок (рис. 23: № 24, 26, 28, 36, 37, 40, 42, 43, 44, 48) и представительный керамический комплекс (рис. 25–26). Значительная часть крупных фрагментов керамики вторично обожжены.

В 1,5 м к юго-востоку от постройки 2 находится яма 1, в которой был обнаружен упомянутый клад женских украшений (рис. 18–19). Яма имеет округлую в плане форму, диаметр 0,18 м, глубину от уровня материка — 0,07 м.

В нижней части культурного слоя удалось проследить и исследовать три **постройки памятника типа Упа 2** (рис. 18–19). Все они частично перекрыты постройками мощинской культуры.

Постройка 3 представляет собой (юг на рис. 17; 18) наземное прямоугольное в плане сооружение, вытянутое по оси северо-запад — юго-восток. Размеры постройки — около 3,5х1,8 м. Ее пол заглублен в слой светло-серой супеси до 0,08 м. Яма 7, вероятно, представляет собой часть котлована постройки 3, заглубленную в материк; конструктивно к этой постройке относятся столбовые ямы № 10, 12 и 13 (рис. 18–19). С постройкой 3 связана находка черешкового серповидного ножа (рис. 28: № 20). Керамический материал, происходящий из постройки, представлен 38 мелкими фрагментами грубой лепной керамики (рис. 30).

Постройка 4 (север на рис. 17–19) представляет собой наземное квадратное в плане сооружение, разме-

рами 2,6х2,6 м. Ее пол заглублен в слой светло-серой супеси до 0,06 м. Конструктивно к постройке относятся столбовые ямы №21, 22 и яма 23 (канавы Г-образной формы). Наличие канавы, вероятно, связано со срубной конструкцией стен постройки, однако не исключает варианта крепления столбов каркаса (с плетневой конструкцией стен) в горизонтально лежащей нижней балке.

В заполнении постройки найдены оселок (рис. 28: №47); два отщепа (рис. 28: №52–53), бронзовое изделие (рис. 28: №54), а также 21 фрагмент грубой лепной керамики (рис. 31).

Постройка 5 (запад на рис. 17–19) представляет собой наземное прямоугольное в плане сооружение, вытянутое по оси северо-запад-юго-восток. Ее размеры — 3,6х1,9 м. Пол заглублен в слой светло-серой супеси до 0,06 м. Конструктивно с постройкой связаны столбовые ямы 3, 15А и 16. В заполнении ямы 15А был найден черешковый двушипный наконечник стрелы и др. (рис. 28, №25, 41). В заполнении постройки найдены 28 фрагментов грубой лепной керамики (рис. 32).

Поселение типа Упа 2

Постройки памятников типа Упа 2 были выявлены только в раскопах 2–3, в мысовой части городища, которая являлась в то время жилой зоной. Она была защищена системой оборонительных укреплений (ров № 1–3), обнаруженных раскопом 1. То есть территория поселения была гораздо меньше, чем в последующее время. Открытые на городище Велегож постройки, представлены двумя вариантами, выделенными ранее при публикации материалов этой группы памятников [Столяров, 2012б].

К первому варианту (сооружения подквадратной в плане формы с заглубленным в слой или материк котлованом, размерами от 2х2,3 м до 3,1х3,2 м) относится постройка 4, размерами 2,52х2,12 м. Аналогичные постройки известны на городище Торхово, селище Упа 2, селище Супруты 1.

Ко второму варианту (сооружения прямоугольной в плане формы с заглубленным в слой или материк котлованом, небольших размеров) относятся постройки 3 и 5 имеющие размеры 3,5х1,8 и 3,6х1,9 м соответственно. Аналогичная постройка, размером 3х1,8 м, изучена на городище Лобынское. Вероятно, к этому же типу относится одна частично изученная постройка на селище Супруты 1.

Все постройки поселений типа Упа 2, за исключением одной, имеют одинаковую ориентировку: вытянуты по оси северо-запад-юго-восток. Только одна постройка с селища Супруты 1 вытянута по линии юго-запад-северо-восток. Велегожские постройки вписываются в общее правило. В отношении них интересно ещё одно наблюдение — в слое и заполнении построек отсутствуют фрагменты обмазки, которые являются частой находкой на памятниках типа Упа 2.

На памятниках типа Упа 2 до работ на городище Велегож отсутствовали **хронологические индикаторы**. Верхнюю хронологическую границу этих древностей определяет горизонт римского времени Окско-Донского водораздела — памятники типа Ново-Клейменово, в нескольких случаях перекрывающие слой памятников типа Упа 2. Памятники типа Ново-Клейменово датируются II — 1-й половиной III в. [Воронцов, 2007. С. 57; 2008. С. 44]. Исходя из этого, и опираясь на анализ керамического комплекса и традиций домостроительства, памятники типа Упа 2 были предварительно датированы последними веками I тыс. до н.э. — I в. н.э. [Столяров, 2012б].

В ходе работ на городище Велегож были получены материалы, которые позволяют уточнить хронологические рамки существования памятников типа Упа 2.

«**Грузик дьякова типа**» (рис. 8: 1) был найден в осыпи склона городища. По классификации К.А. Смирнова точно его определить нельзя. Он наиболее близок грузикам типов 5–7. Верх грузика закруглен, а боковая поверхность постепенно переходит в большой диск диаметра 8 см. Край основания орнаментирован насечками. Близкие ему типы «грузиков» датируются в пределах I в. до н.э. — III в. н.э. Датировка основана не только на стратиграфическом положении этих типов грузиков в культурном слое Троицкого городища, но и на том факте, что они встречаются вместе с двушипными наконечниками стрел [Смирнов, 1971. С. 96]. Это подтверждается и материалами городища Велегож. В отношении датировки таких грузиков (массивных, что определяется по сумме диаметра основания и высоты) ценно наблюдение Н.А. Кренке [Кренке, 2011. С. 56–66]. По его мнению, массивные формы грузиков преобладают в нижнем горизонте верхнего культурного слоя Дьякова городища. Датировка горизонта — I в. до н.э. — I в. н.э. Но такие грузики известны и позднее в среднем горизонте верхнего культурного слоя Дьякова городища, который имеет датировку I–II вв. н.э. В дальнейшем наблюдается тенденция к уменьшению размеров грузиков и унификации их формы. Таким образом, грузик с городища Велегож может быть датирован в рамках I в. до н.э. — II в. н.э.

На городище был также найден небольшой фрагмент грузика во рву № 1 (рис. 15: 1). К сожалению, определить его тип не представляется возможным.

Пронизка, изготовленная из белого металла (рис. 28: №9), была найдена в культурном слое раскопа 2, в 1 м к западу от постройки 3 (рис. 18). Она стержневидная, овального сечения, с задними перекладинами, орнаментирована двумя рядами прорезных треугольников. По типологии Р.Д. Голдиной и А.А. Красноперова, разработанной для пронизок из захоронений могильника Нырғында I, она относится к типу IV, подтипу 2, варианту 1 и датируется II–III вв. Нырғындские пронизки отличаются от велегожской только отсутствием орнаментации [Голдина, Красноперов, 2012. С. 32–33. Табл. 22: 1–9]. Близкие по типу пронизки с памятников чегандинской культуры датированы В.Ф. Генингом I–II вв. [Генинг, 1988. С. 39. Рис. 4]. В материалах Тарасовского могильника аналогичные изделия относятся к среднему этапу чегандинской культуры, то есть ко времени основания могильника — I–II вв. [Голдина, 2004. С. 307–308]. Интересен факт отсутствия подобного рода украшений в материалах могильников западного вятского варианта пьяноборской культурно-исторической общности [Лещинская, 2014]. Необходимо отметить, что в Приуралье в пьяноборскую эпоху наряду с пронизками широкое распространение получают пластинчатые прямоугольные накладки с петельным креплением, орнаментация которых аналогична орнаментации пронизки с городища Велегож [Казанцева, 2012. С. 47]. Такие накладки есть и в комплексах первых веков нашей эры на территории Западной Сибири [Агеев, 1992. С. 43]. Территориально самыми близкими находками подобного типа являются 2 экземпляра сдвоенных рубчатых «накладок-колодок» из перекопов верхнего слоя Дьякова городища. Как отмечает Н.А. Кренке, близкие по форме накладки представлены в древностях Прикамья на поздних этапах пьяноборской культуры [Кренке, 2011. С. 71. Рис. 139: 852–84, 23–83]. Таким образом, наиболее вероятная датировка пронизки — I–II вв.

Наконечник стрелы (рис. 28: №25) был найден в яме 15а постройки 5 (рис. 18). Он черешковый, двушипный плоский, изготовлен из листа цветного металла (бронзы?) и тщательно обработан с последующей заточкой края пера. Наконечники стрел этого типа, только сделанные из железа, известны по материалам погребений Андреевского кургана, где датируются I в. [Степанов, 1980. С. 30. Табл. 27, 1–19, 54]. На памятниках дьяковской культуры Москворечья (городища Троицкое, Щербинское, Кузнечники и др.) они зафиксированы в верхних горизонтах первых веков н.э. [Смирнов, 1974. С. 33]. В Молого-Шекснинском междуречье плоские двушипные наконечники стрел с заточкой края пера происходят из «домиков мертвых» — могильников дьяковской культуры рубежа эр. [Башенькин, 1996. Рис. 4: 1, 3, 7; 2004. Рис. 9: 1–2]. По мнению В. В. Ставицкого появление двушипных наконечников стрел на памятниках дьяковской культуры связано с экспансией андреевско-писеральского населения, объединение которого предприняло военный поход в Северное Причерноморье [Ставицкий, 2013. С. 130, 136]. В Верхнем Поочье двушипные наконечники стрел являются распространенными находками на памятниках типа Ново-Клейменово II — 1-й половины III в., где, возможно, продолжают традицию, зафиксированную в материалах Андреевского кургана [Воронцов, 2013. С. 20–21. Рис. 65б, 1–2, 18].

Серповидный нож (рис. 28: №20) был найден в заполнении постройки 3 (рис. 18). Этот тип ножей распространен на обширной территории лесной и лесостепной зоны Европейской части России в течение длительного промежутка времени с V–III вв. до н.э. по II–III вв. н.э. [Дубынин, 1974. С. 227].

Керамический комплекс, связанный с поселением типа Упа 2, происходящий из слоя и объектов раскопок 1–3 на городище Велегож, малочислен. В настоящей публикации приводятся прорисовки всех найденных профильных частей. Фрагменты сосудов представлены грубой лепной гладкостенной керамикой. Найдена только одна стенка с текстильными отпечатками (рис. 30: 8).

В большинстве своем это фрагменты горшков с толщиной стенок не превышающей 4–7 мм и «закраинами» у основания днищ (рис. 15: 8; 16: 11–12; 29: 11–12; 30: 7, 10–11). Известны находки фрагментов мисок (рис. 15: 11, 15–16). Основной способ орнаментации венчика — пальцевые вдавления, иногда с отпечатком ногтя (рис. 15: 4, 14; 16: 2–3, 5–6; 30: 3–4, 6; 32: 6, 9). В нескольких случаях край венчика орнаментирован насечками (рис. 29: 3–4) либо лишен орнаментации (рис. 15: 9–10; 16: 7; 29: 7; 30: 2; 31: 2, 7). Стенки, как правило, орнаментированы пальцево-ногтевыми вдавлениями или защипами, которые образуют в некоторых случаях ряды (рис. 15: 5, 7; 29: 10, 14, 17–18; 30: 1, 9; 31: 5).

Типологически определяемые сосуды относятся к 4 вариантам.

1) Слабопрофилированные горшки с прямым почти вертикальным или несколько отогнутым наружу коротким венчиком и слабовыраженным плечиком (рис. 15: 4, 6; 16: 4–6; 29: 3; 30: 3; 31: 2, 8).

2) Округлобокие горшки с отогнутым наружу изогнутым венчиком. Максимальное расширение тулова приходится на середину высоты или несколько выше (рис. 16: 2–3; 29: 1; 31: 1, 7; 32: 1, 3, 7, 9).

3) Округлобокие горшки с прямым отогнутым наружу раструбообразным венчиком. Максимальное расширение тулова приходится на середину высоты или несколько выше (рис. 16: 1; 31: 1).

4) Округлобокие открытые горшки, так называемые тюльпановидные (диаметр венчика больше или равен диаметру наибольшего расширения тулова). Венчики сосудов — отогнутые наружу, дуга профиля между шейкой и бочком выражена в большинстве случаев слабо (рис. 15: 14; 29: 10; 30: 2).

Таким образом, наиболее вероятная широкая датировка горизонта поселения типа Упа 2 на городище Велегож — I в. до н.э. — II в. н.э. К сожалению, полученные материалы не проясняют проблемы происхождения этого культурного явления, но позволяют приблизиться к определению его хронологических границ. Городище Велегож стало четвертым известным укрепленным памятником типа Упа 2, наряду с городищами Страхово, Лобынское и Малевка. Изученный керамический материал и выявленные постройки вписываются в предложенную ранее характеристику данного культурно-хронологического горизонта [Столяров, 2012].

Поселение мощинской культуры

Плохая сохранность слоя и отсутствие случаев пересечения разновременных построек не позволяют опереться на **стратиграфические данные** для выделения хронологических горизонтов поселения мощинской культуры на городище.

Необходимо отметить, что на 150 кв. м., изученных раскопами, зафиксировано только три наземные **постройки** (если все-таки отнести к ним постройку 5 раскопа 1, то их количество возрастет до четырех). Обычно плотность застройки площадки мощинских городищ выше [Воронцов, 2013. Рис. 13, 36, 59]. Наиболее вероятно, что это связано с недолгим периодом существования поселения, хотя возможно, что на каком-то этапе площадка городища была подвергнута расчистке, как это прослежено на примере городища Борисово [Воронцов, 2013. С. 59. Рис. 45].

Велегожские наземные постройки размерами 4,8–6,3х3,5–4 м и расположенные в непосредственной близости от них круглые в плане хозяйственные ямы (яма 11 из раскопа 2) типичны для мощинских городищ 2–4 культурно-хронологических горизонтов (т.е. как IV в., так и гуннского времени) [Воронцов, 2013. С. 30, 35, 39].

Все изученные постройки имеют следы пожара — содержат фрагменты сосудов, подвергшихся вторичному обжигу. О внезапном окончании жизни на мощинском поселении, возможно в результате штурма, свидетельствует найденный в раскопе 2 клад и обилие находок этого периода на площадке и склонах городища.

Велегожский клад

Наиболее интересным комплексом среди находок, происходящих с городища, является клад, найденный в раскопе 2 (рис. 33–40, рис. 43–51 (цв. вкл.)). Клад был сокрыт в небольшой ямке №1, выкопанной в непосредственной близости от постройки 2, изученной раскопами 2–3 (рис. 17–19). Постройка содержала подвергшуюся вторичному обжигу керамику и индивидуальные находки, некоторые из которых близки найденным в кладе (рис. 23: №24, 26, 28, 36, 37, 40, 42, 43, 44, 48; 25; 26).

Здесь рассматриваются только металлические изделия из клада и дается его общая характеристика. Бусы из него проанализированы А. В. Мастыковой и О. С. Румянцевой (см. их статьи в настоящем сборнике). Значительная часть металлических находок была обработана И. А. Сапрыкиной с целью определения химического состава металла (см. ее статью в настоящем сборнике).

Первую категорию металлических находок, представленных в кладе, можно интерпретировать как остатки налобного венчика. К ней относятся бронзовые (определение И. А. Сапрыкиной) **спиралевидные пронизки** (8 экз.; рис. 33: 1–8) и **пластинчатые обоймы с кольцами** (3 экз.; рис. 33: 11–13). Аналогичные пластинчатые обоймы с кольцами найдены в заполнении расположенной рядом с местом находки клада постройки 2 (рис. 23: № 28, 43) и на склоне городища (рис. 4: 13–18). В постройке 2 также найдена спиралевидная пронизка (рис. 23: № 44).

На других мощинских памятниках тоже известен ряд находок пластинчатых обойм с кольцами (рис. 41). В трех случаях (курган 1 Шаньково, городища Щепилово и Петровское) они сохранились полностью, в трех случаях (городища Щепилово и Акиньино²) сохранились кольца, которые, вероятно, являются частью таких обойм [Булычев, 1899. Табл. II: 1–2; Изюмова, 1952; Воронцов, 2013. Рис. 14: 7]. Во всех случаях, когда можно определить контекст находки, они связаны с комплексами 4-го культурно-хронологического горизонта, датированного концом IV–V в. [Воронцов, 2013. С. 37–44]. Бронзовые спиралевидные пронизки также являются частой находкой на мощинских памятниках, и, безусловно, их использование не ограничивается налобными венчиками. Поскольку мы практически не располагаем погребальными комплексами мощинской культуры, проследить традицию использования налобных венчиков по ее материалам трудно, но можно отметить, что уже в одном из наиболее ранних комплексов — мощинском кладе — налобный венчик присутствует [Булычев, 1899. Табл. XII: 7].

Многочисленные аналогии таким налобным венчикам известны в рязано-окских могильниках, где они характерны для женских погребений периодов 2а и 2б по И. В. Белоцерковской, то есть для комплексов конца III — начала V в. [Белоцерковская, 2007. С. 193. Рис. 7: 27]. Тем не менее там есть ряд комплексов, относящихся к категории престижных, в составе которых такие венчики существуют вплоть до середины VII в. [Белоцерковская, 2012. С. 59. Рис. 3: 1; 4: 1; 6: 25, 27, 30]. И. В. Белоцерковская указывает, что в составе венчиков было от 5 до 10 обойм высотой 1,3–2,3 см и предлагает хронологическое деление обойм по их ширине — 0,6–0,9 см у экземпляров IV в., 0,9–1,1 см у экземпляров V — 1-й половины VI в., 1,1–1,7 см у образцов 2-й половины VI — VII в. [Белоцерковская, 2012. С. 59]. В Велегожском кладе известно только три обоймы, причем их высота составляет 0,9–1,2 см, что несколько меньше, чем у рязано-окских образцов. Ширина обойм из клада — 0,9–1,0 см — соответствует образцам V — 1-й половины VI в. Обоймы, происходящие из постройки, расположенной рядом с местом находки клада, имеют близкие параметры: высоту 1,1–1,2 см при ширине 0,9–1,0 см (рис. 23: № 28, 43). Обоймы, происходящие со склона городища, имеют другие размеры — высоту 0,9–1,0 при ширине 0,5–0,7 см (рис. 4: 14–16, 18). Таким образом, они ближе к образцам IV в. из рязано-окских могильников. Именно к этой группе относятся находки с других памятников мощинской культуры (рис. 41Б: 1, 3, 4). Так что, возможно, период массового использования таких налобных венчиков в мощинских древностях синхронен аналогичному периоду в древностях окских финнов и датируется в рамках IV в.

По всей видимости, к головному убору можно отнести две серебряные (определение И. А. Сапрыкиной)

подвески-лунницы (рис. 34: 1–2). Аналогий им на территории Верхнего и Среднего Поочья найти не удалось. Вероятно, они являлись височными подвесками. Наиболее близкая аналогия происходит с позднеантичного некрополя Ланиште (Воеводина, Сербия), датируется IV в. и экспонируется в музее города Крулевец.

Не удалось подыскать аналогии и двум серебряным (определение И. А. Сапрыкиной) **проволочным спиралям** (рис. 33: 9–10). Обе они имеют близкий диаметр — 3,8–3,9 см, изготовлены из круглой тонкой (диаметр ок. 0,1 см) проволоки, свернуты в шесть витков, при находке были вдеты друг в друга. При расчистке внутри спиралей были обнаружены ведековидные подвески и спиралевидные пронизки (рис. 46: 3 (цв. вкл.)).

Следующей, массовой, категорией находок (18 экз.) в кладе являются **ведерковидные подвески** (рис. 34: 3–19). Фрагмент одной сильно корродированной подвески прикипел к золотостеклянной бусине (рис. 38: 2). Все они однотипные, пять хорошо сохранившихся экземпляров (рис. 34: 3–7) выполнены из бронзы (определение И. А. Сапрыкиной), корпуса двух подвесок (рис. 34: 8–9) изготовлены из серебра (определение И. А. Сапрыкиной). Материал, из которого изготовлены остальные подвески, пока не определялся, поскольку для аппаратного определения состава металла необходимо провести их реставрацию. Хорошо сохранившиеся экземпляры имеют пластинчатую дужку и круглое донце, у большинства экземпляров сохранившееся отдельно. Практически все подвески имеют внутри заполнение — коричневатую массу органического происхождения. Большинство подвесок производят впечатление «раздувшихся», вероятно в результате воздействия органики. На двух экземплярах (рис. 34: 3, 10) органическое заполнение выходит за пределы корпуса и остатки донцев сохранились снаружи корпуса прикипевшими к органике. Только в одном случае фрагмент донца сохранился на своем месте — вставленным в корпус подвески (рис. 34: 8). Высота подвесок вместе с дужкой составляет 1,7–1,8 см, диаметр — 0,8–0,9 см. Корпус аналогичной подвески найден на склоне городища (рис. 6: 3).

Кроме этого случая, на мощинских памятниках известен только один комплекс, содержащий ведековидные подвески, — клад, найденный на городище Картавецово [Воронцов, 2013. С. 40, рис. 73: 12–14; 2014. С. 319–320, рис. 2: 7–8]. Этот комплекс имеет полные аналогии по нескольким категориям вещей (в том числе и ведековидные подвески) в Елшинском кладе, найденном в Пронском районе Рязанской области. Он датирован VII в. на основании входящих в него предметов, известных вкладах круга Мартыновки [Ахмедов, 2014. С. 282–283]³. Принадлежность Елшинского клада требует специального исследования, поскольку он найден в плохо обследованном регионе (бассейн верховьев р. Проня) на границе ареалов памятников мощинской культуры и рязано-окских могильников. В Картавецовском и Елшинскомкладах большинство ведековидных подвесок имеют при близком диаметре (0,7–0,9 см) большую, чем в Велегожском кладе, длину (2,3–3 см), а одна подвеска из Елшинского клада имеет гораздо большие размеры — 4,2 см при диаметре 1,4 см. Эти различия, скорее всего, объясняются значительной разницей в датировке комплексов.

Таким образом, на памятниках мощинской культуры ведековидные подвески являются очень редкой катего-

² Материалы готовятся к публикации А. М. Воронцовым и И. О. Гавритухиным

³ Благодарю Илью Рафаэлевича Ахмедова за предоставленную дополнительную информацию

рией находок, причем в двух случаях их находки связаны с комплексами VII века.

Редки они и в материалах рязано-окских могильников. Все случаи находок ведерковидных подвесок в них были подробно рассмотрены И. В. Белоцерковской [Белоцерковская, 2012. С. 33–35]. Всего известно четыре комплекса, в трех из них подвески входили в состав женского убора (Кораблино, погр. 16 и 76, Заречье, погр. 99), в одном случае — в состав уздечного набора (Заречье, погр. 55). Интересна приведенная датировка комплексов: Кораблино, погр. 76 — IV в., Кораблино, погр. 16 и Заречье, погр. 99 — V в. в целом, Заречье, погр. 55 — 2-я половина V в.

По наблюдениям И. В. Белоцерковской, все рязано-окские комплексы, включающие импортные вещи, в том числе ведерковидные подвески, «производят впечатление неординарных», содержат изделия из серебра и престижные поясные наборы. Это и малочисленность подобных находок позволяют ей включить данную категорию находок в число «импортных, инородных вещей» и предположить, что импортным подвескам могли отводить роль статусных вещей, подчеркивающих особое место их владельцев в местной иерархической системе [Белоцерковская, 2012. С. 35–36]. Интересно, что в мощинских древностях в обоих случаях они также входят именно в статусный набор, который включает изделия из серебра.

Появление этой категории находок на Верхней и Средней Оке, вероятнее всего, связано с влиянием черняховской культуры, где они относятся к массовым категориям находок [Гопкало, 2008. С. 63–65]. Следы этого влияния прослеживаются как на мощинских, так и в рязано-окских памятниках [Белоцерковская, 2012; Воронцов, 2013. С. 29–32]. Интересно, что подавляющее большинство их находок на Верхней и Средней Оке связано с комплексами, датированными позднее финала черняховской культуры, то есть временем, когда эта категория находок выходит из моды на юге Восточной Европы. Поскольку ведерковидные подвески бытовали на протяжении всего периода существования черняховской культуры, не исключая ее финала [Гопкало, 2008. С. 109], представляется вполне вероятным предположение И. В. Белоцерковской о том, что они попали на Оку вместе с группами носителей черняховской культуры после прекращения ее существования в гуннское время [Белоцерковская, 2012. С. 36].

Кроме стеклянных и янтарных бус, в кладе были найдены три **бронзовые бусины** (определение И. А. Сапрыкиной) (рис. 34: 20–22) и две **бусины из свинцово-оловянистого сплава** (определение условно) (рис. 34: 23–24).

Одна из бронзовых бусин (рис. 34: 20) имеет бочонковидную форму, диаметр около 2 см, диаметр отверстия 0,4 см, ширину 1,2 см в верхней части и 1,3 см в нижней. Бока бусины закруглены. Две другие бусины имеют сечение в виде трапеции со скругленными верхней и нижней сторонами (рис. 34: 21 и 22) и диаметр около 1,6 см. У первой отверстие имеет диаметр 0,4 см, а у второй отверстие имеет форму неправильного овала размерами 0,6х0,4 см. При том что бочонковидная бусина и две другие различаются диаметрами, торцы бусин имеют одинаковый диаметр — около 1,4 м, что позволяет поместить их рядом, например, в составе ожерелья.

Одна из бусин, изготовленных из свинцово-оловянистого сплава, имеет бочонковидную форму диаметром 1,6 см, шириной 1,7 см и отверстие диаметром около 0,5 см (рис. 34: 23). Диаметр боковой площадки со-

ставляет 1,2–1,3 см. Вторая имеет плохую сохранность (рис. 34: 24), поэтому можно сказать только то, что она приблизительно той же формы и размера, что и первая.

Большое количество металлических бусин найдено в ходе работ на Велегожском городище. Среди подъемного материала со склонов городища их насчитывается 8 (рис. 6: 12–19), одна из которых изготовлена из свинцово-оловянистого сплава (определение условно), остальные бронзовые (определение условно). Из раскопов 2 и 3 их происходит 10 экз. (рис. 20: № 2, 4, 10, 13, 49, 55, 56, 60; рис. 23: № 18, 61), одна из 10 бусин изготовлена из свинцово-оловянистого сплава, остальные из бронзы (определения условны). Большинство этих находок, как и найденные в кладе, имеют либо бочонковидную форму, либо сечение в виде трапеции со скругленными верхом и низом. Исключение составляют две бусины, имеющие битрапечиевидное сечение (рис. 6: 15, 16).

На других памятниках мощинской культуры подобных находок нет, нет таких массивных металлических бус и в женском наборе рязано-окских могильников. Единственная аналогия — это семь бронзовых бусин битрапечиевидного сечения, входивших в мощинский клад [Булычев, 1899. С. 19. Табл. XI: 20]. К сожалению, в коллекции они не сохранились; по высказанному И. В. Белоцерковской мнению, вероятнее всего, они были частью гривен.

Последней категорией металлических изделий из велегожского клада являются два латунных (определение И. А. Сапрыкиной) **спиральных многовитковых браслета** (рис. 35). Они имеют по 13 оборотов, их диаметр составляет 5,5–6 см, изготовлены из трехгранного дрота, оба конца уплощены на протяжении около 2-х оборотов, заканчиваются петлями, на которых подвешены несомкнутые овальные кольца длиной 18–2 см и шириной 1,7 см, имеющие овальное сечение. Одно из колец утрачено, по всей видимости, в древности, поскольку концевая петля одного из браслетов разогнута. Второе кольцо от этого браслета сохранилось отдельно, оно, вероятно, выпало, поскольку концевая петля слегка разогнута. Браслеты уже в древности были сломаны, поскольку их части были вдеты друг в друга (рис. 45 (цв. вкл.)), при расчистке они распались на 22 фрагмента, на прорисовке они графически реконструированы, причем первый браслет удалось собрать не полностью. Пластинчатые окончания браслетов украшены гравированным зигзагообразным орнаментом.

На памятниках мощинской культуры аналогий им неизвестно. На дьяковских памятниках И. Г. Розенфельдт учтено 9 экземпляров спиральных многовитковых браслетов на четырех памятниках [Розенфельдт, 1982. С. 88]. К сожалению, современных разработок по хронологии данных находок не существует.

В рязано-окских могильниках известно три комплекса с такими браслетами — погребения 69 Кузьминского могильника (2-я половина — конец IV в.), 7аВ Никитинского могильника (конец IV — начало V вв.), 119 могильника Заречье (начало — 1-я половина VII в.) [Белоцерковская, 2012. С. 66]. Кроме того, известны случайная находка на территории Борковского могильника и два случая имитации многовитковых браслетов большим количеством обычных — в погр. 247 Никитинского могильника (1-я половина VII в.) и погр. 110 Шатрищенского могильника (VI в.) [Белоцерковская, 2012. С. 66]. Важно, что в погр. 69 Кузьминского могильника и погр. 119 могильника Заречье такие браслеты встречены вместе с налобными венчиками, аналогичными реконструируемому венчику из Велегожского клада. В погребении 7аВ

Никитинского могильника вместо целых использованы фрагменты спиральных браслетов в 3-4 оборота. Таким образом, их могли носить и в сломанном виде. По мнению И. В. Белоцерковской, спиральные браслеты в рязано-окских древностях были импортными и служили индикатором «довольно высокого» статуса их владельцев [Белоцерковская, 2012. С. 66]. Исходя из датировки приведенных комплексов, они бытовали со 2-й половины IV до середины VII в.

Определить узкую дату для Велегожского клада на основании датировок входящих в него металлических изделий невозможно. Материалы рязано-окских могильников показывают, что аналогичные украшения могли сосуществовать в комплексах начиная со 2-й половины IV в. вплоть до середины VII в. Единственным довольно слабым основанием для сужения датировки может являться ширина обойм от налобного венчика, характерная для экземпляров V в. Датировка бус (см. статьи А. В. Мастыковой и О. С. Румянцевой в настоящем сборнике) тоже неоднозначна. Значительная их часть датируется временем от середины III до конца IV в., в то же время есть экземпляры, датирующиеся более поздним временем. К числу таких относится рубленый бисер красного глухого стекла (кон. IV — нач. V в.) и крапчатые бусы (не ранее 2-й четверти V в.). Таким образом, можно определить наиболее вероятное время формирования комплекса клада в рамках 2-й пол. IV — сер. V в., а его выпадение определить временем около середины V в.

Изучая **наборы** из днепровских кладов эпохи Великого переселения народов, О. А. Щеглова предложила их деление на клады мастеров и клады-ларчики [Щеглова, 1999]. Первые содержат сломанные и деформированные изделия, в числе которых встречаются импортные вещи, металлические слитки и пластины, полуфабрикаты, иногда инструменты. В состав клада-ларчика входит содержимое семейной «укладочки», в которой обычно хранятся 1–2 праздничных (или обрядовых) убора, надеваемых лишь в особых случаях, и отдельные реликвии [Щеглова, 1999. С. 291]. Велегожский клад, безусловно, относится к кладам-ларчикам и содержит один обрядовый женский убор (учитывая парные браслеты и подвески-лунницы, один налобный венчик). Кроме того, в нем, возможно, содержатся реликвии — предметы, сохранявшиеся в семье на протяжении нескольких поколений. Это может объяснить неоднозначную хронологию набора бус (см. статьи А. В. Мастыковой и О. С. Румянцевой в настоящем сборнике).

Такая оценка характера клада позволяет в какой-то мере сравнивать его с женскими погребениями рязано-окских могильников, поскольку, по мнению И. В. Белоцерковской, в них также представлены комплексы обрядового характера, не позволяющие реконструировать повседневный женский костюм [Белоцерковская, 2012. С. 55]. По нашему мнению, сравнение не может быть полным, поскольку в погребениях сохраняются детали полного костюма, где наряду с «сокровищами», обычно хранящимися в подобных «ларчиках», вероятно, присутствуют детали одежды, носившиеся повседневно.

По солидарному мнению А. В. Мастыковой и О. С. Румянцевой (см. статьи в настоящем сборнике), Велегожский клад с таким количеством янтарных дисковидных и грибовидных бус — исключительная находка для лесной и лесостепной зоны Центральной России. Поскольку в Велегожском кладе присутствуют изделия из серебра, полихромные и янтарные бусы, его содержимое явно следует отнести к престижному женскому убору.

Как видно из приведенных выше аналогий, значительная часть набора металлических изделий из клада, а также рассмотренные О. С. Румянцевой бусы из красного глухого стекла и золотостеклянные находят полные аналогии в рязано-окских комплексах, причем вполне могут сосуществовать в одном комплексе. Однако говорить о том, что рассматриваемый набор принадлежал женщине высокого социального статуса, переселившейся на Верхнюю Оку именно из Среднего Поочья (то есть от окских финнов), нельзя. В комплексе отсутствуют такие типичные для женских погребений рязано-окских могильников вещи, как гривны, перстни, пряжки, застёжки-сюльгамы. Можно только предположить, что эти вещи использовались в повседневном костюме и остались на хозяйке клада. Тем не менее рязано-окское влияние на формирование этого комплекса однозначно просматривается.

Находка этого клада подтверждает высказанный И. Р. Ахмедовым тезис о проникновении в 1-й половине V в. на территорию Верхней Оки группы среднеокских финнов, которое маркируется находками рязано-окских крестовидных фибул [Ахмедов, 2012. С. 109–11. Рис. 2]. Из приведенных им находок две такие фибулы связаны непосредственно с городищами мощинской культуры — Чертово и Нижняя Городня. Еще об одной находке (рис. 41А: 4), связанной с городищем Петровское, стало известно недавно. Необходимо отметить, что крестовидные фибулы, как и предметы, аналогичные найденным в Велегожском кладе, связаны именно со статусным набором финнов Среднего Поочья.

Другие индивидуальные находки

Окские фибулы с кнопкой. С Велегожским городищем связаны находки двух бронзовых (определение условно) окских фибул с кнопкой (рис. 5: 3; 6: 1). К сожалению, обе находки происходят со склона площадки городища и не соотносятся с конкретными комплексами. По типологии И. Р. Ахмедова, они относятся к типу 2Б, наиболее многочисленному и широко распространенному среди фибул этой серии [Ахмедов, 2008. С. 10–12, рис. 2–3]. Он представлен относительно крупными фибулами (длина 7,3–8,8 см) со слабопрогнутым литым бронзовым корпусом треугольного сечения, с плоской кнопкой овальной или каплевидной формы.

Первая фибула (рис. 5: 3) сохранилась практически полностью, ее длина — 8,9 см, ширина у головки — 3,4 см, у ножки — 1,1 см, высота приемника — 0,8 см, толщина корпуса — 0,5 см. Кнопка каплевидная, длиной 2,4 см, шириной 2,0 см. Ось пружины железная, длиной 5,1 см, с одной стороны на ее окончании надет узкий бронзовый цилиндрок, на другой стороне симметричный цилиндрок утрачен. Пружина сохранилась не полностью, по всей видимости, она была обломлена в древности; тети́ва, как и у всех фибул этой серии, продета во второе отверстие в стойке. Фибула снабжена железной иглой, по всей видимости вторичной, не связанной с пружиной. Ножка в районе начала кнопки выгнута в сторону, обратную изгибу корпуса, причем для этого сделаны две насечки поперек ребра корпуса, здесь же фиксируется пятно окислов, вероятно, образовавшееся от нагревания этой части фибулы.

У второй фибулы (рис. 6: 1) отсутствует игла, длина корпуса — 8,8 см, ширина у головки — 3,2 см, у ножки — 1,0 см, высота приемника — 0,8 см, толщина корпуса — 0,5 см. Кнопка каплевидная, длиной 2,4 см, шириной 1,8 см. Ось пружины железная, длиной 4,8 см, заканчивается двумя массивными бронзовыми кнопками. Две аналогичные кнопки отдельно от фибул найдены

на склоне площадки городища и одна в слое в раскопе 2 (рис. 5: 4–5; 20: 52). Пружина сохранилась полностью, тетива продета во второе отверстие в стойке.

Кроме памятников мощинской культуры, где такие фибулы встречены в слое памятника или в комплексах, не имеющих надежных оснований для точной датировки (находки с городища Поречье и кургана 3 Шаньково (рис. 42: 4, 8)), или являются подъемным материалом, как, например, находка с селища у Чертова городища (рис. 42: 5), фибулы этого типа найдены на рязано-окских могильниках и памятниках типа Чертовикское—Замятино на верхнем Дону (рис. 42: 3, 6, 7, 9).

На основании находок из рязано-окских могильников, И. Р. Ахмедов предложил для фибул типа 2Б датировку в рамках 1-й половины — середины V в. [Ахмедов, 2008. С. 12]. Не противоречит такой датировке находка вне комплексов с поселения Ксизово 8, относящегося к памятникам типа Чертовикское—Замятино, хронологические рамки которых — конец IV—V в. [Гавритухин, 2015. С. 216, табл. 1].

Для понимания окских фибул с кнопкой необходимо учитывать их особое значение для носителей мощинской культуры. По сути дела, это единственная категория находок, присущая исключительно им. Появившись уже на этапе ее формирования в середине III в., они используются, по крайней мере, до 2-й половины V в., несмотря на массовый импорт на Верхнюю Оку более «модных» изделий черняховских ремесленников [Гавритухин, Воронцов, 2008]. Судя по достаточно многочисленным находкам окских фибул с кнопкой со следами ремонта (вторичные иглы, следы ремонта приемников, как на рис. 42: 1, 5), эти фибулы использовались довольно долго. Учитывая все это, мы считаем, что в более правильно датировать тип 2Б окских фибул с кнопкой в рамках конца IV—V вв., то есть несколько шире, чем предложено И. Р. Ахмедовым.

Железные булавки. Со склона городища Велегож происходят три железные булавки (рис. 5: 6–8), еще одна булавка найдена в заполнении рва №3, изученного раскопом 1 (рис. 14: №12). Такие находки типичны для памятников мощинской культуры V—середины VII в. [Воронцов, 2014. С. 313–318, рис. 1; 3: 6–16].

Первая булавка имеет тордированную верхнюю часть, квадратную в сечении, завиток на конце, круглую в сечении нижнюю часть (рис. 5: 6). Длина сохранившейся части составляет 7,5 см. Ее ближайшие аналогии происходят с мощинских городищ Акиньюшино (подъемный материал), Серенск и Дешовки (раскопки Т. Н. Никольской) [Воронцов, 2014. Рис. 1; 3: 7; Никольская, 1966. Рис. 1: 5; Фролов, 1970. Рис. 1: 5].

Остальные велегожские булавки характеризуются гораздо более мелкими размерами (4–4,9 см), прямоугольным сечением верхней части, круглым сечением нижней и отсутствием завитка на конце (рис. 5: 7–8; 14: №12). В одном случае (рис. 5: 8) верхняя часть булавки в сечении немного прогнута. Их ближайшие аналогии известны на городище Акиньюшино, где они найдены в стратифицированных комплексах середины V—середины VII в. [Воронцов, 2014. Рис. 3: 8–12, 15–16].

Бляшки-нашивки из свинцово-оловянистого сплава. Среди подъемного материала присутствуют две такие круглые бляшки-нашивки (рис. 6: 4, 5). Аналогии им происходят с городищ Дуна, Лужки, Акиньюшино [Воронцов, 2014. С. 313. Рис. 1; 4: 21–29]. В ходе работ 2015 года такие бляшки были найдены на городище Петровское, расположенное в низовьях Упы (рис. 41А: 4). Все их характеризует наличие на обратной стороне прямого

узкого канала для нитки, перекрытого литыми перемычками, число которых варьируется от одной до трех. На лицевой стороне обязателен рельефный ободок по периметру, в большинстве случаев состоящий из полусферических выступов, реже гладкий. Средняя часть бляшек в большинстве случаев плоская, лишь на двух экземплярах выпуклая.

Для их датировки важны находки с городища Акиньюшино, поскольку они были найдены в стратифицированных комплексах. Анализ стратиграфического положения построек и комплексов находок из них позволяет предложить для бляшек этого типа дату в рамках середины V—начала VI в. Конечно, эта выборка мала и не исключена и более широкая датировка таких нашивок. Отсутствие таких бляшек на большинстве изученных мощинских городищ может быть обусловлено материалом, из которого они изготовлены, — свинцово-оловянистым сплавом, поскольку изделия из него в большинстве случаев не сохраняются [Щеглова, 1999. С. 291–292].

Колоколовидные привески. На склоне Велегожского городища найдено шесть крупных бронзовых объемных литых беспетельчатых колоколовидных привесок (рис. 6: 6–11). На других памятниках мощинской культуры они не известны. В Москворечье такие вещи найдены на Дьяковом городище — в верхнем слое и перекопах [Кренке, 2011. Рис. 144]. В рязано-окских могильниках такие подвески в составе затылочных кистей широко распространены в V в. и в отдельных случаях встречаются в комплексах VI—1-й половины VII в. [Белоцерковская, 2007. Рис. 7; 2012. С. 63, рис. 4, 5].

Плоские трапециевидные подвески. Три таковые найдены на склонах городища Велегож, одна происходит из слоя, еще одна — из заполнения постройки 2, изученной раскопами 2–3 (рис. 6: 20–22; 20: №22; 23: №40). Все они имеют небольшие размеры, приземистые пропорции, на двух сохранились проволоочные кольца для подвешивания, причем одна подвеска двойная (на одном кольце повешены две подвески). Такие подвески — типичная находка для поздних памятников мощинской культуры [Воронцов, 2013. Рис. 72: 3–4].

Прочие индивидуальные находки. На склоне площадки Велегожского городища найдены четыре черешковых **наконечника стрел**, предположительно отнесенные к находкам, связанным с горизонтом поселения мощинской культуры (рис. 7: 2–4, 8). Они имеют ромбовидное перо с низкими плечиками и близкое к квадрату сечение массивного черешка. От более поздних экземпляров, характерных для древнерусского времени, их отличают отсутствие упора в верхней части черешка, ярко выраженная асимметричность плечиков пера. Три из наконечников имеют линзовидное сечение пера (рис. 7: 3, 4, 8), один — треугольное (рис. 7: 2). Близкая аналогия им происходит из относящейся к гуннскому времени ямы 42 с мощинского городища Воротыньск [Массалитина, 2008. Рис. 1: 2].

Одной из многочисленных находок на городище являются **железные четырехгранные шилья** (рис. 7: 1, 9; 23: №26), на одном из них (рис. 27: №39), найденном в яме 15, сохранились остатки деревянной рукояти. В большом количестве аналогичные шилья встречены в комплексах середины V—середины VII в. на городище Акиньюшино.

В слое раскопов 1 и 2 были найдены **пластинчатые кресала** с расширенным концом и петлей в верхней части (рис. 11: №15; 20: №59), многочисленные **битрапециевидные глиняные пряслица** с широким каналом

(рис. 11: №4, 18, 23, 28; 20: №8, 12, 15, 17, 31, 45; 23: №24, 32, 36, 37, 48). С городищем связаны ряд фрагментов бронзовых и железных изделий (рис. 7: 5, 6; 8: 2–8; 11: №2, 6, 13, 17, 29), **железные ножи** и их фрагменты (рис. 7: 7, 11; 11: №3, 5; 13: №19), **железный рыболовный крючок** (рис. 7: 10).

Керамическая посуда

Керамический комплекс, происходящий из слоя, построек и ям мощинской культуры, изученных раскопами 1–3, состоит в основном из небольших фрагментов сосудов и немногочислен (рис. 12–14, 22, 24–27). Он включает лепные сосуды с грубой поверхностью, с лощеной поверхностью, сковороды. Доля лощеной керамики составляет 6–7%, в некоторых комплексах (например, яма 11 из раскопа 2) доходя до 10%.

В небольшом количестве в слое и в значительном количестве в изученных объектах встречена керамика, вторично обожженная в ходе пожара. Именно среди этой части находок сохранились наиболее информативные профильные части (рис. 13: 1–4; 26: 1–20, 27: 1–5, 7–10). Судя по всему, эти комплексы маркируют финал жизни поселения, с этим же горизонтом связаны большинство индивидуальных находок и найденный рядом с постройкой 2 клад. В настоящей публикации приводятся прорисовки всех найденных профильных частей сосудов.

Для анализа форм сосудов использовалась типология, разработанная для памятников мощинской культуры Окско-Донского водораздела [Воронцов, 2013. С. 24–26, рис. 10, 11]. Среди керамики с грубой поверхностью преобладает тип V.3, характерный для памятников 4-го культурно-хронологического горизонта (кон. IV–V в.) (рис. 12: 17, 38–40; 13: 2–3; 22: 18–22; 24: 16, 21; 25: 6, 20; 26: 5, 6, 17; 27: 3–5, 7). В меньшем количестве присутствуют тип VI, также характерный для этого горизонта (рис. 24: 20; 25: 22; 26: 16), тип I.2, характерный как для 3-го (2-я пол. IV в.), так и для 4-го (кон. IV–V в.) культурно-хронологических горизонтов (рис. 25: 1; 4; 26: 1, 9), тип V.1, характерный для 2-го и 3-го культурно-хронологических горизонтов (кон. III–IV в.) (рис. 26: 8), а также типы V.2 и III. 1 (рис. 22: 1; 24: 2), характерные практически для всего периода существования мощинской культуры, за исключением наиболее раннего ее горизонта. Керамика с лощеной поверхностью представлена ребристыми мисками типа III (рис. 12: 28–30; 13: 5; 14: 6–8; 22: 32–36; 24: 31–33; 26: 32–36), характерного для 2-го, 3-го и 4-го культурно-хронологических горизонтов (кон. III–V в), мисками типа IV (рис. 12: 25; 14: 9; 24: 34; 26: 21–22, 26; 27: 6), характерного для всех горизонтов мощинской культуры, и единичным фрагментом миски типа V (рис. 26: 30), характерного для 2-го и 3-го культурно-хронологических горизонтов (кон. III–IV в).

На городище встречены только единичные фрагменты груболепных горшков, имеющие орнаментацию, что показательно для слоев мощинских городищ гуннского времени [Воронцов, 2013. С. 42]. В числе орнаментированной керамики: фрагменты венчиков с косыми насечками по верху (рис. 12: 1–3; 24: 2, 11), фрагменты сосудов с отпечатками перевитой веревочки по краю венчика и верху плечика (рис. 12: 18; 14: 10; 22: 10; 27: 3), единичный фрагмент стенки с прочерченным орнаментом в виде ромбов (рис. 24: 23).

Таким образом, основной керамический материал можно датировать гуннским временем, однако в нем присутствуют немногочисленные формы, которые приписываются комплексам 3-го культурно-хронологического горизонта (2-я половина IV в.).

Хронология

Характер и хронология поселения мощинской культуры могут быть определены на основании следующих соображений.

Отсутствие случаев перекрытия друг другом изученных построек и низкая степень заселенности площадки в целом говорят в пользу его недолговременности. Изученные постройки имеют следы пожара. Это и находка вблизи одной из них клада говорят о гибели городища в результате нападения. Обилие находок в слое городища и на его склонах подтверждает эту гипотезу. Таким образом, мощинский слой городища Велегоже, наиболее вероятно, представляет собой остатки недолго просуществовавшего и погибшего в результате нападения поселения.

Анализ находок, проведенный выше и в статьях И.О. Гаритухина, А.В. Мاستыковой и О.С. Румянцевой в настоящем сборнике, позволяет выделить две группы вещей, имеющих основания для достаточно узкой датировки. К первой относятся предметы, наиболее вероятное время бытования которых, скорее всего, IV в., хотя не исключена и их датировка гуннским временем. К числу таких, например, относятся фрагменты двух фибул (рис. 5: 1–2), обоймы пряжек (рис. 4: 4, 5), некоторые типы изделий из красного глухого стекла (рис. 36: 20–45, 37: 1). Ко второй группе относятся предметы, характерные для гуннского времени. К их числу относятся две овальные пряжки с хоботовидным язычком (рис. 4: 1–2), подвесной крепежный наконечник (рис. 4: 3), окские фибулы с кнопкой типа 2Б по И.Р. Ахмедову (рис. 5: 3; 6: 1), рубленный бисер из красного глухого стекла (рис. 36: 19), крапчатые бусы (рис. 39: 2–4). При этом вещей, однозначно датируемых временем позднее середины V в., среди находок нет.

Керамический материал, главным образом происходящий из сгоревших построек и, безусловно, в основном связанный с финалом жизни на городище, относится к гуннскому времени, хотя и содержит немногочисленные формы, наиболее характерные для 2-й половины IV в.

Таким образом, наиболее вероятное время возникновения мощинского поселения в Велегоже — 2-я половина IV в., а время его гибели — начало или 1-я половина V в.

Направления культурных связей реконструируются следующим образом. Наряду с вещами из «окского» мира, такими как большинство металлических изделий клада, детали налобных венчиков, колоколовидные и трапециевидные привески, среди находок присутствуют серия вещей черняховского происхождения (фрагменты фибул, ведерковидные подвески), отдельные вещи, связанные со степным кругом — позднесарматской культурой и кочевниками гуннского времени (некоторые части ременных гарнитуров). Наиболее яркими вещами являются крапчатые и янтарные бусы из клада. К сожалению, определить их происхождение и пути их попадания в комплекс в настоящее время не представляется возможным.

Литература

- Агеев Б. Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992. 140 с.
- Ахмедов И. Р. Окские фибулы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула, 2008. С. 7–27.
- Ахмедов И. Р. Окские крестовидные фибулы как индикаторы этнокультурных процессов в Центральной России эпохи Великого переселения народов // Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. №3. Самара, 2012. С. 107–123.
- Ахмедов И. Р. «Лик славы». Согдийская находка из Елшинского клада // Славяне и иные языки... к юбилею Натальи Германовны Недошивиной. Сер. Труды ГИМ. Вып. 198. М., 2014. С. 282–288.
- Башенькин А. Н. «Домик мертвых» Куреваниха-XX на р. Мологе // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996. С. 141–150.
- Башенькин А. Н. Усть-Бельский археологический комплекс на р. Кобоже: 20 лет исследований // Чагодощенская земля: культура, история, люди: Материалы краеведческой конференции, п. Чагода, 9–10 января 2004 г. Вологда, 2004.
- Белоцерковская И. В. Культура рязано-окских могильников. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 9. М., 2007. С. 186–212.
- Белоцерковская И. В. Об одном типе женского костюма окских финнов гуннского и постгуннского времени // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. Тула, 2012а. С. 55–78.
- Белоцерковская И. В. О предметах черняховской культуры в женском инвентаре рязано-окских могильников // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гузиной. Труды ГИМ. Вып. 191. М., 2012б. С. 27–37.
- Булычев Н. И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899. 85 с.
- Воронцов А. М. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела. Тула, 2013. 176 с.
- Воронцов А. М. Поздний период существования мощинской культуры // КСИА. Вып. 235. М., 2014. С. 311–327.
- Гавритухин И. О. Фибулы эпохи Великого переселения народов, найденные в Ксизово // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V в.). РСМ. Вып. 16. М., 2015. С. 212–240.
- Гавритухин И. О., Воронцов А. М. Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые, подвязыные и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула, 2008. С. 28–89.
- Генинг В. Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. Пьяноборская эпоха III в. до н. э. — II в. н. э. М., 1988.
- Голдина Р. Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. 1. Ижевск, 2004. 318 с.
- Голдина Р. Д., Красноперов А. А. Конструктивная и хронологическая классификации материалов Наргындинского I могильника II–III вв. н. э. // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. — XV н. э.): хронологическая атрибуция. Сборник статей. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25. Ижевск, 2012. С. 9–104.
- Гопкало О. В. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев, 2008. 252 с.
- Дубынин А. Ф. Щербинское городище // Дьяковская культура. М., 1974. С. 198–281.
- Изюмова С. А. Отчет С. А. Изюмовой о раскопках городища у д. Щепилово Тульской обл. в 1952 г. // АИА. 1952. Р-1. №761.
- Казанцева О. А. Красноярский могильник I–V вв. н. э. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья. Ижевск, 2012. 180 с.
- Кренке Н. А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. М., 2011. 548 с.
- Лещинская Н. А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н. э.). Сер. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск, 2014. 472 с.
- Массалитина Г. А. Мощинская культура // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. АИА, Р-II, №2567. М., 1994. 253 с.
- Массалитина Г. А. Керамические комплексы нижнего слоя городища Воротыньск // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула, 2008. С. 111–129.
- Модин Р. Н. Древнерусский горизонт городища Велегож (материалы раскопок 2012 года) // Археология Подмоскovie: Материалы научного семинара. Выпуск 11. М., 2015. С. 184–197.
- Никольская Т. Н. К этнической истории бассейна Верхней Оки // КСИА. Вып. 107. 1966. С. 9–16.
- Розенфельдт И. Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М., 1982. 180 с.
- Смирнов К. А. К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища // Древнее поселение в Подмоскovie. Сер. Материалы и исследования по археологии СССР. №184. М., 1971.
- Смирнов К. А. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М., 1974. С. 7–89.
- Смирнов К. А. К вопросу о связях племен городищ и дьяковской культур с населением степи и лесостепи // СА. №4. 1991. С. 53–61.
- Ставицкий В. В. Западный компонент в материалах Андреевского кургана // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. №3 (27). С. 126–141.
- Степанов П. Д. Андреевский курган: к истории мордовских племен на рубеже нашей эры. Саранск, 1980. 108 с.
- Столяров Е. В. Отчет об археологических исследованиях в Заокском и Кимовском районах Тульской области в 2012 году. Часть 1. Раскопки на городище Велегож Заокского района. 2012а // АИА. Р-1. Б/н.
- Столяров Е. В. Памятники типа Упа 2 // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. Сб. статей. Тула, 2012б. С. 79–118.
- Фролов И. К. Нижний слой городища у дер. Серенск // Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 80–82.
- Щеглова О. А. Женский убор из ладов «древностей антов»: готское влияние или готское наследие? // Stratum plus. №5. 1999. С. 287–312.

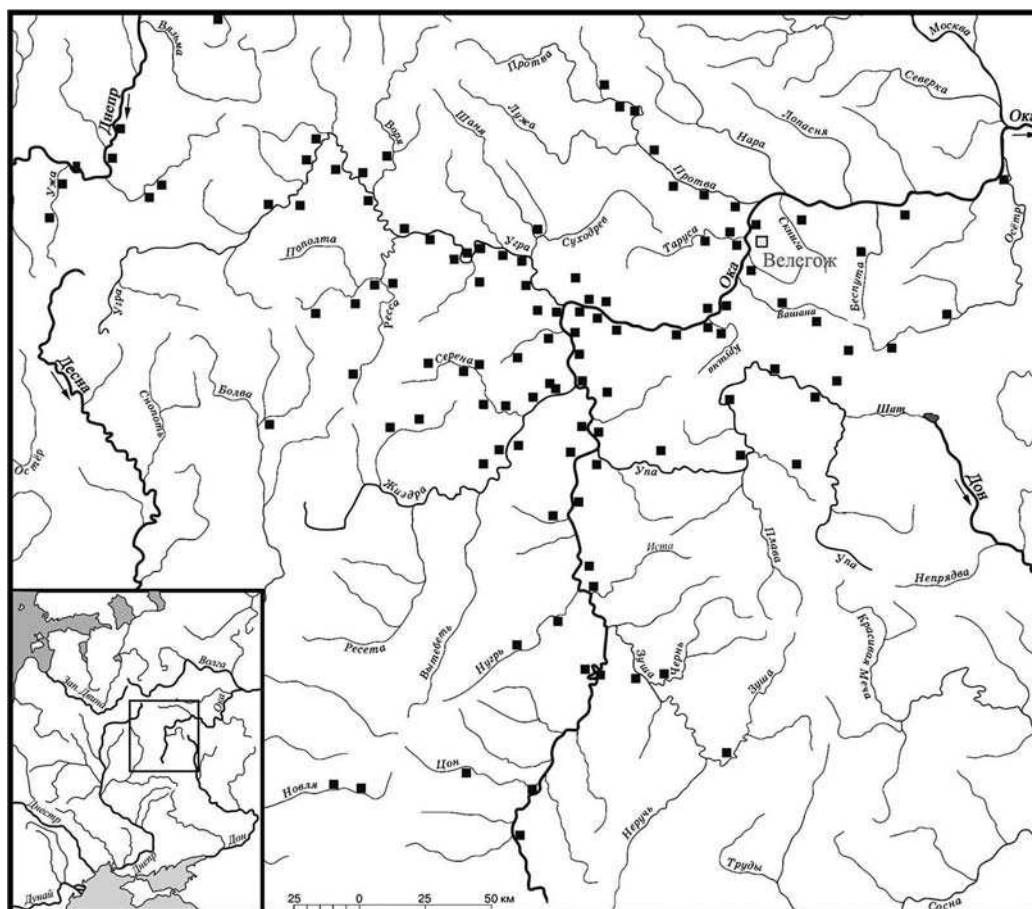

Рис. 1. Городище Велегож в системе памятников мощинской культуры

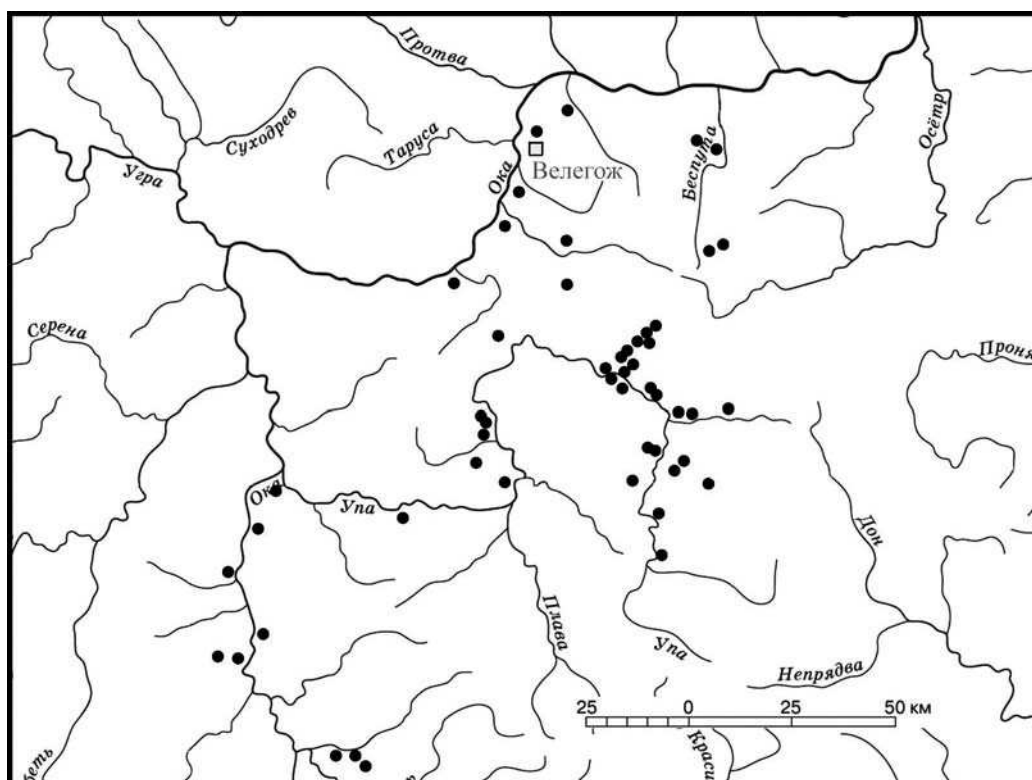

Рис. 2. Городище Велегож в системе памятников типа Уга 2

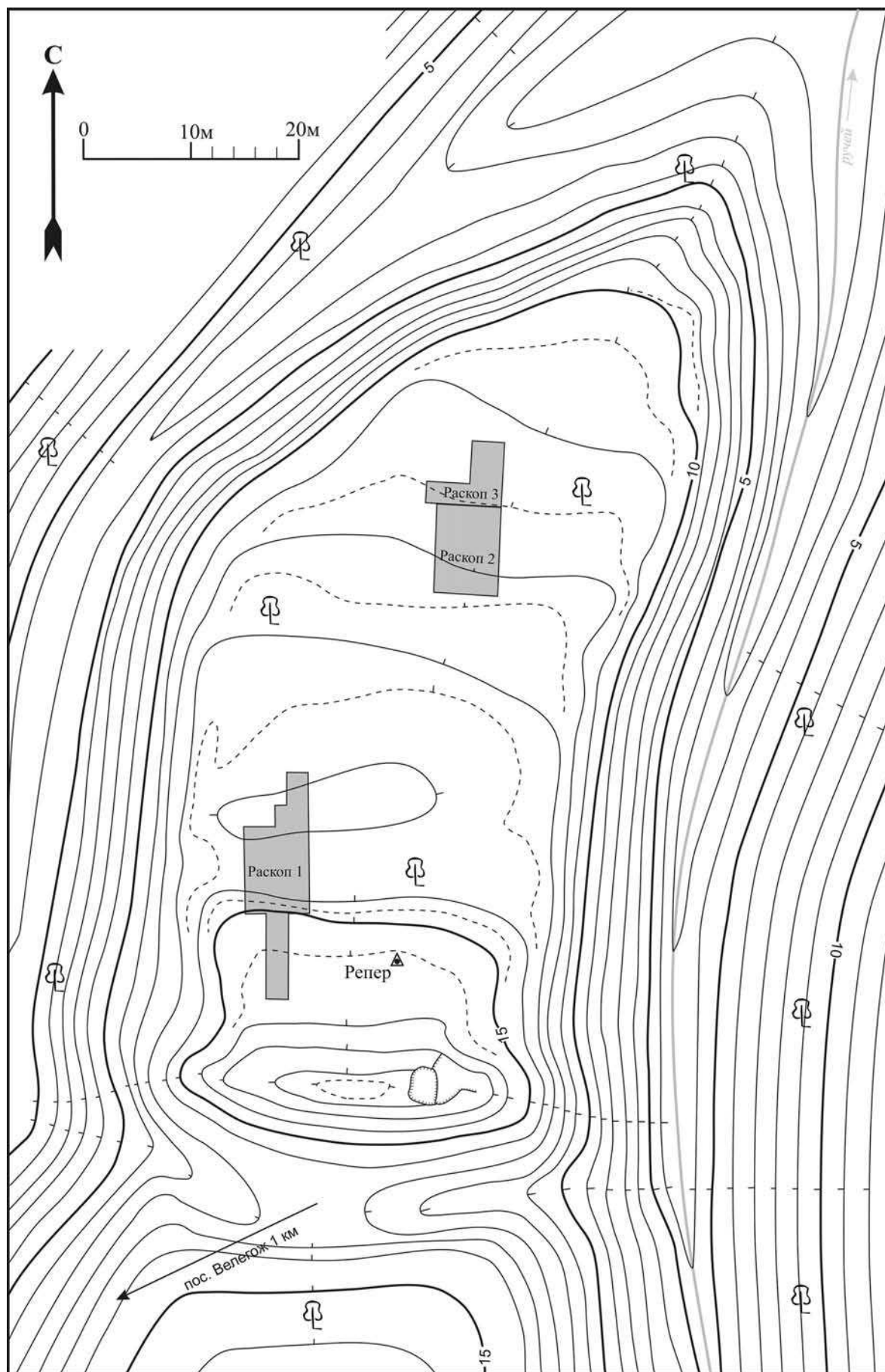

Рис. 3. Городище Велегож, инструментальный план с нанесенными раскопами 2012 года.
Съемка А. М. Воронцова

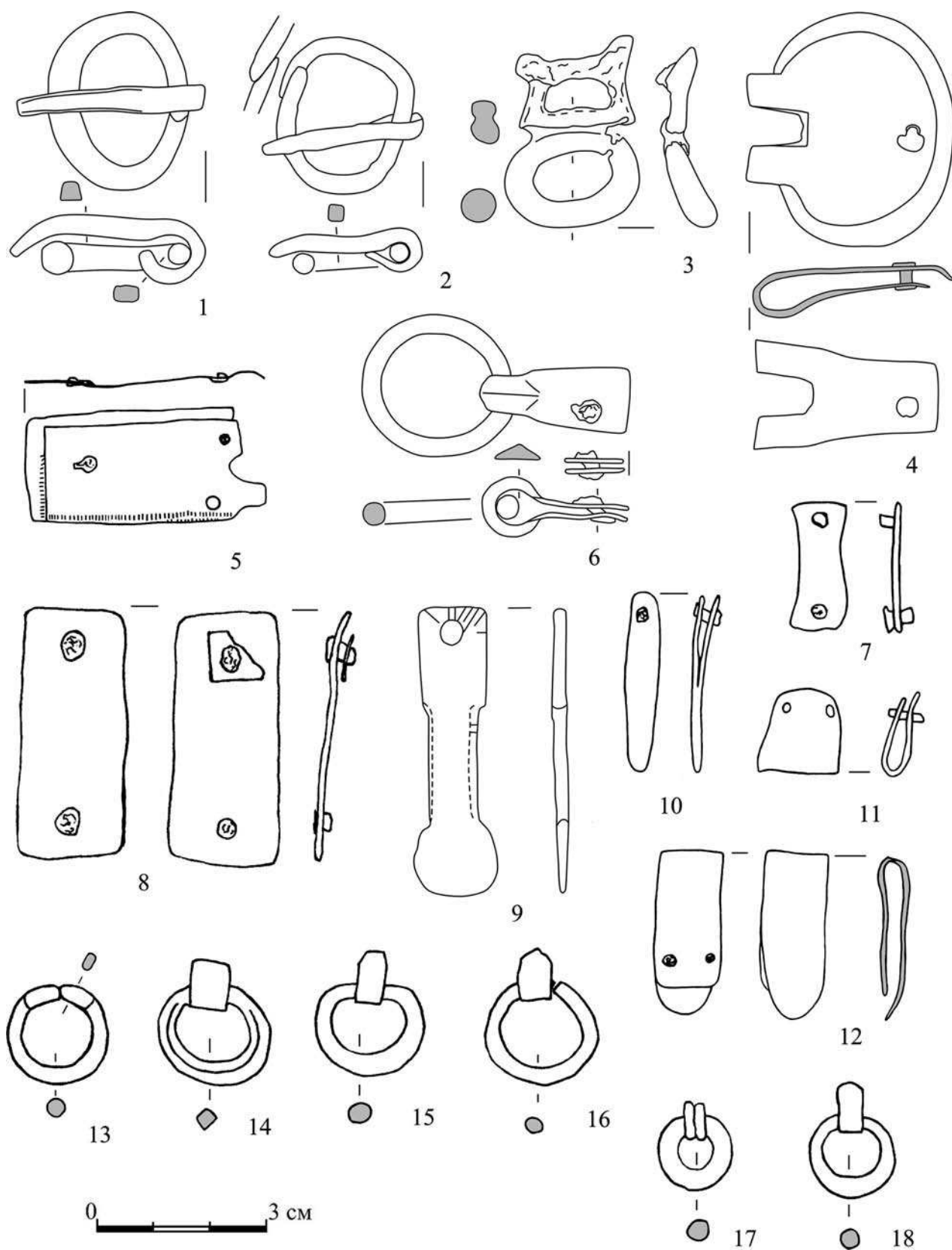

Рис. 4. Городище Велегож, подъемный материал. Находки, относящиеся к мощинской культуре. Части ременных гарнитуров и детали налобных венчиков.

1, 2, 9 — железо; 3–8, 10–18 — бронза.

1–4, 6, 9 — рисунки И. О. Гавритухина; 5, 7, 8, 10–18 — рисунки А. М. Воронцова

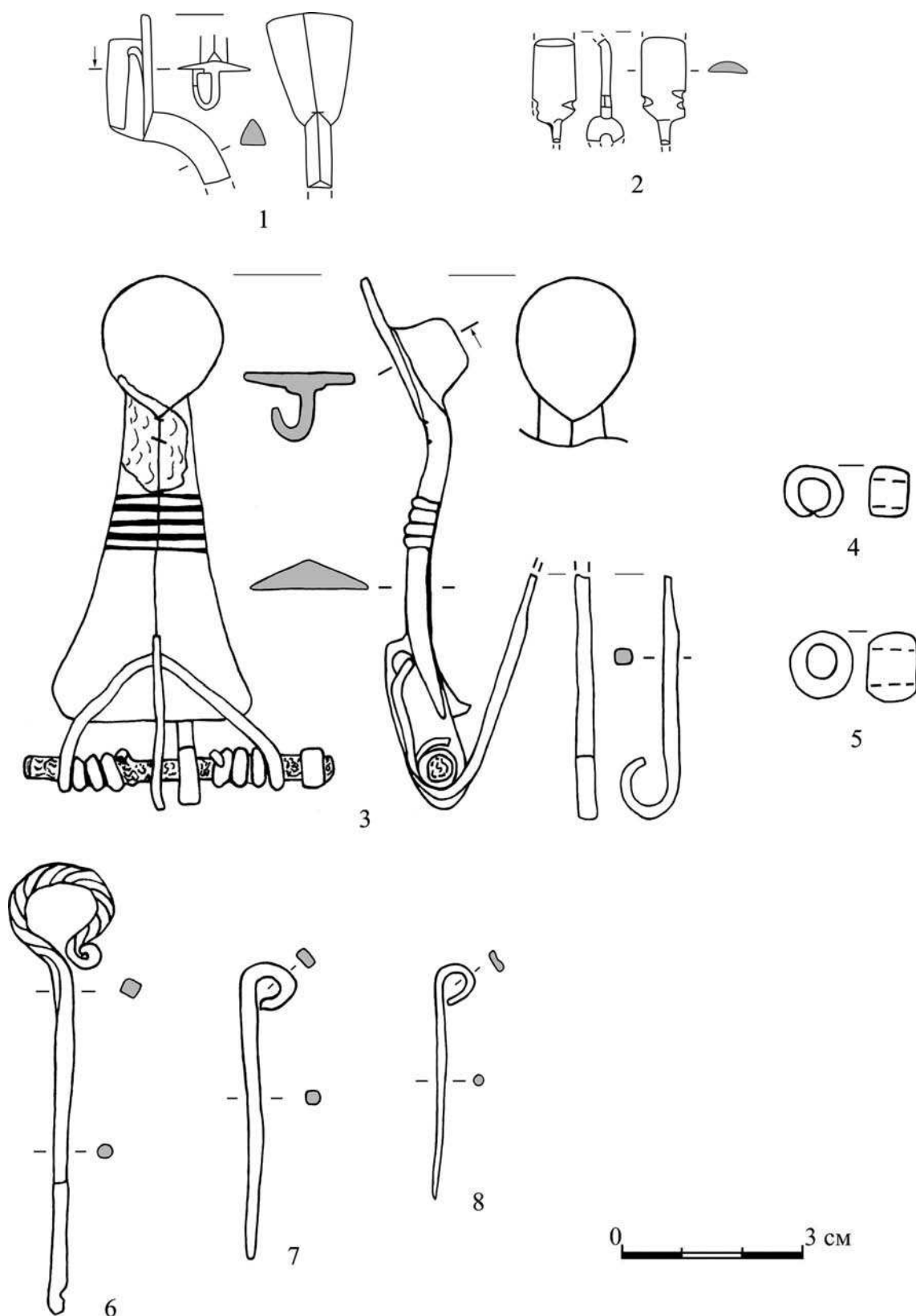

Рис. 5. Городище Велегож, подъемный материал. Находки, относящиеся к мощинской культуре. Фибулы и, вероятно, кнопки от фибул, булавки.

1–5 — бронза; 3–8, 6–8 — железо.

1–2 — рисунки И. О. Гавритухина; 3–8 — рисунки А. М. Воронцова

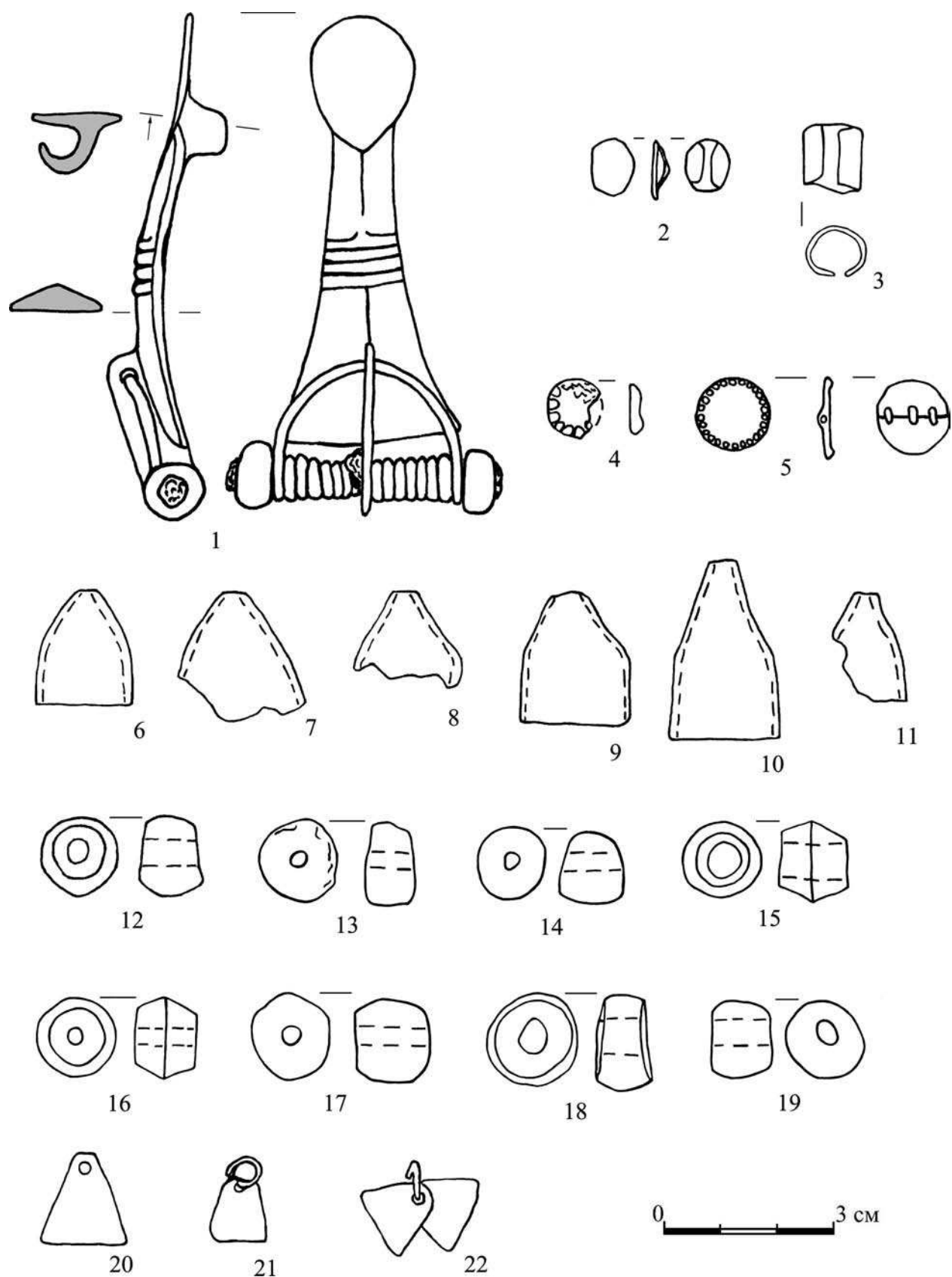

Рис. 6. Городище Велегож, подъемный материал. Находки, относящиеся к мощинской культуре. Фибула, бляшки-нашивки, подвески, бусины.

1-3, 6-12, 14-22 — бронза; 4, 5, 13 — свинцово-оловянистый сплав.

Рисунки А. М. Воронцова

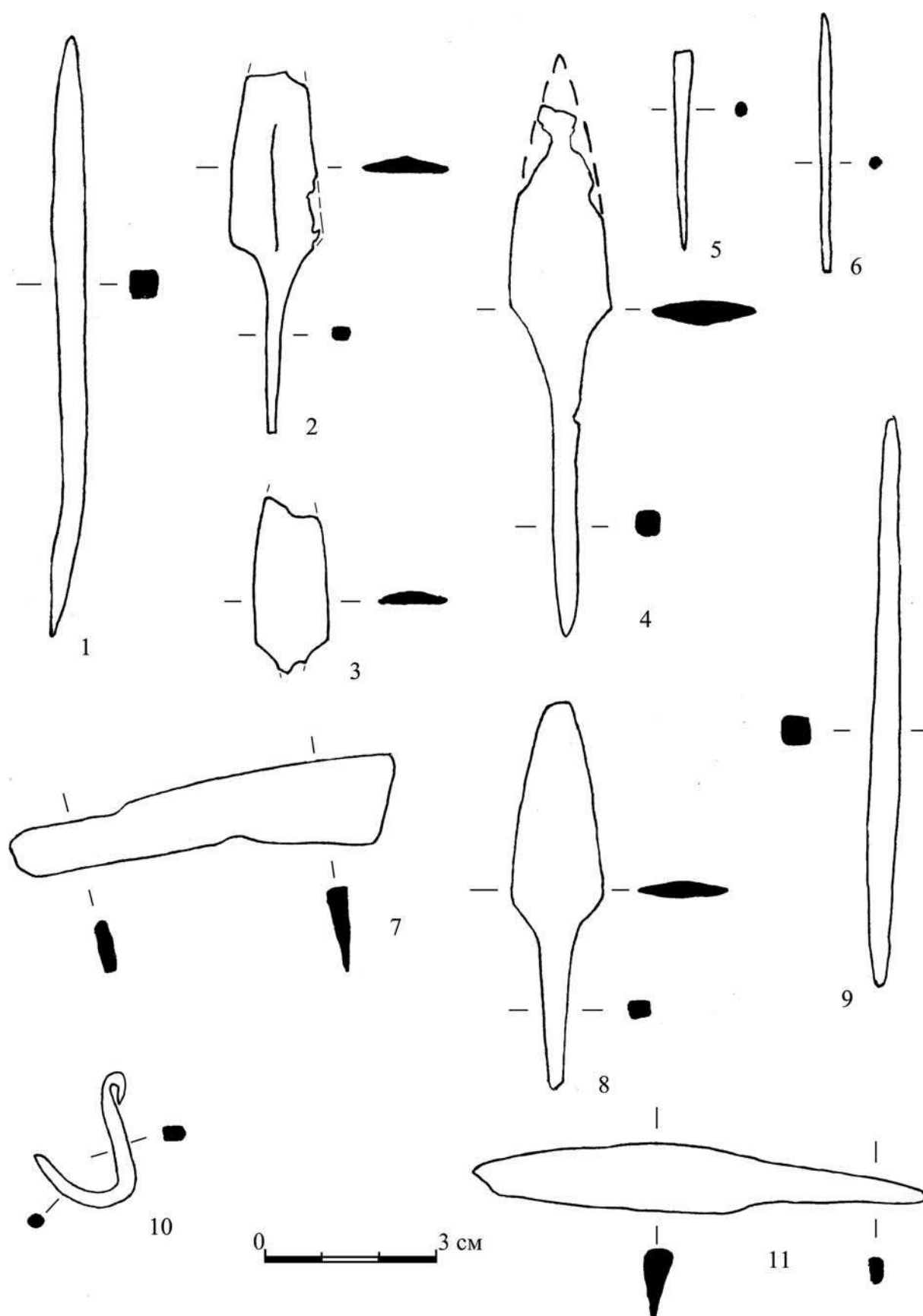

Рис. 7. Городище Велегож, подъемный материал. Железные предметы.
Рисунки А. М. Воронцова

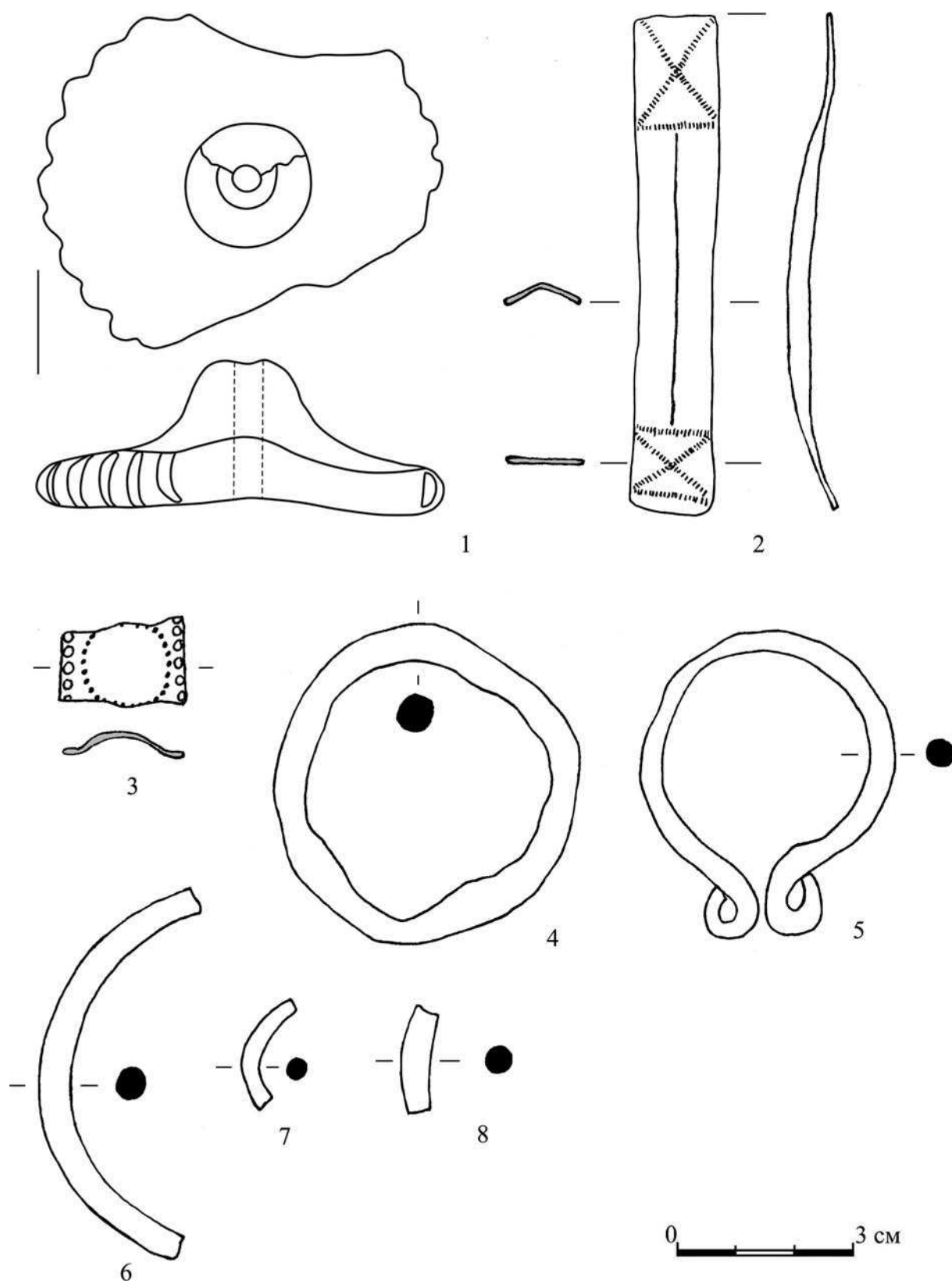

Рис. 8. Городище Велегож, подъемный материал. Глиняный грузик (1), фрагменты бронзовых украшений (2–3), железные предметы (4–8).

1 — рисунок Е. В. Столярова; 2–8 — рисунки А. М. Воронцова

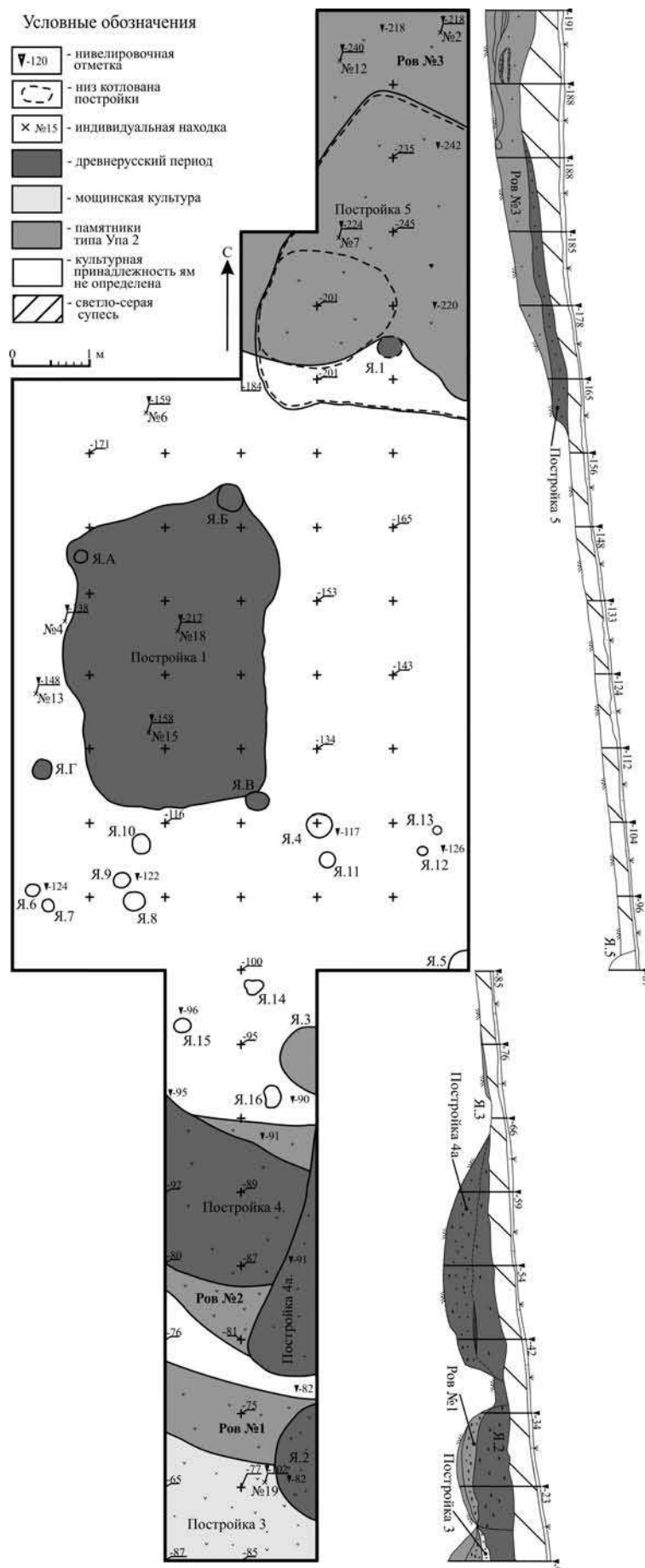

Рис. 9. Городище Велегож, раскоп 1. План на уровне построек верхнего горизонта, стратиграфия

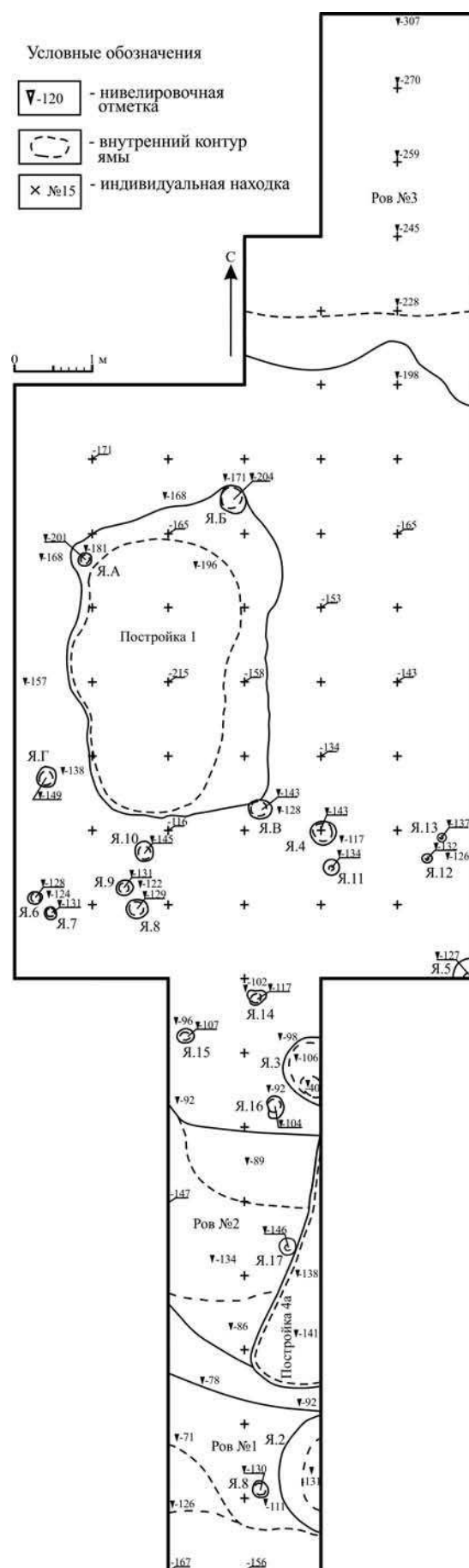

Рис. 10. Городище Велегож, раскоп 1. План на уровне материка

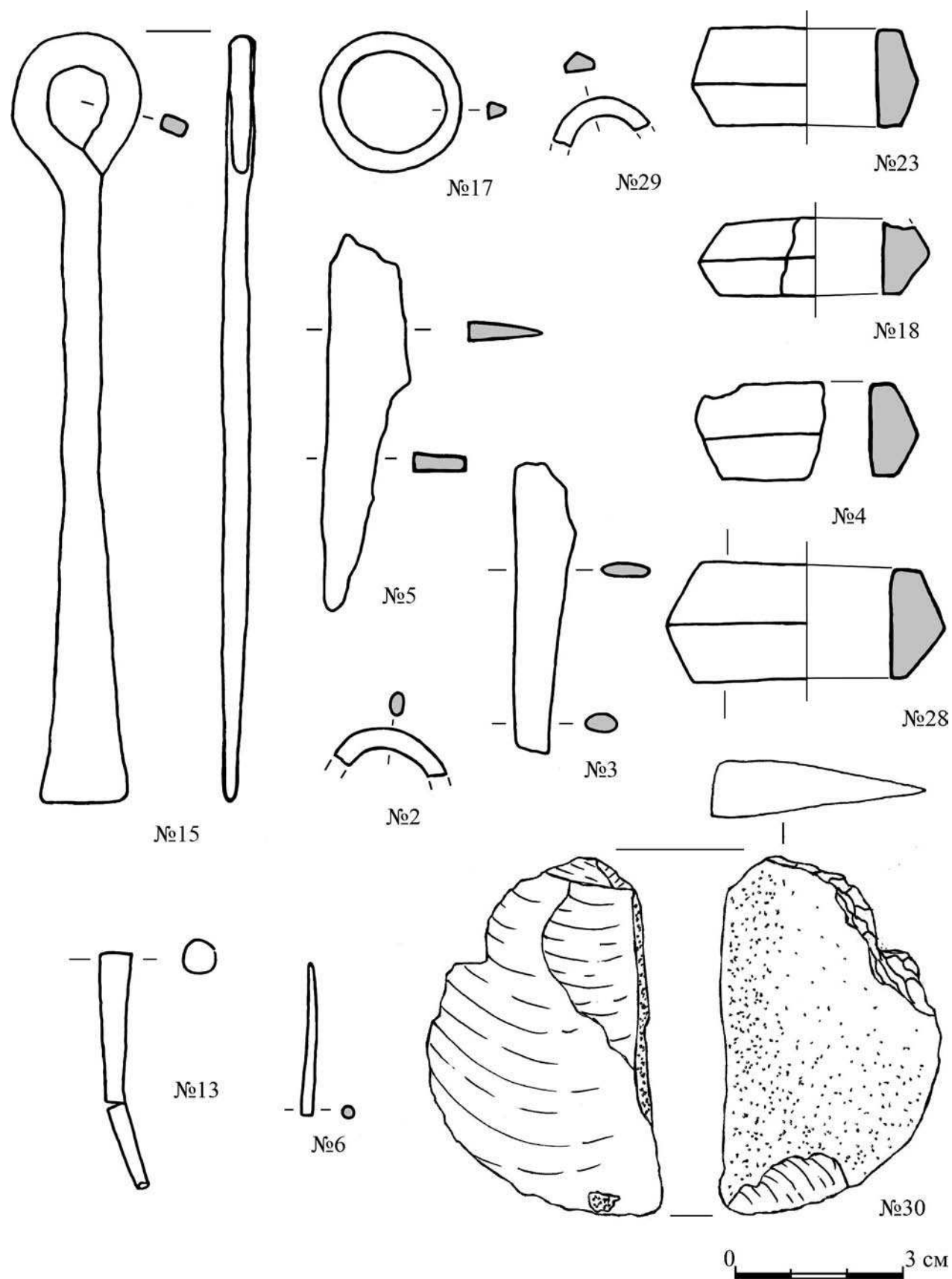

Рис. 11. Городище Велегож, раскоп 1, находки из слоя и древнерусских построек, относящиеся в основном к мощинской культуре.

№3, 5, 6, 15 — железо; №2, 13, 17, 29 — бронза; №4, 18, 23, 28 — глина; №30 — кремль.

Рисунки А. М. Воронцова; кроме №30 — рисунок А. М. Колоколова

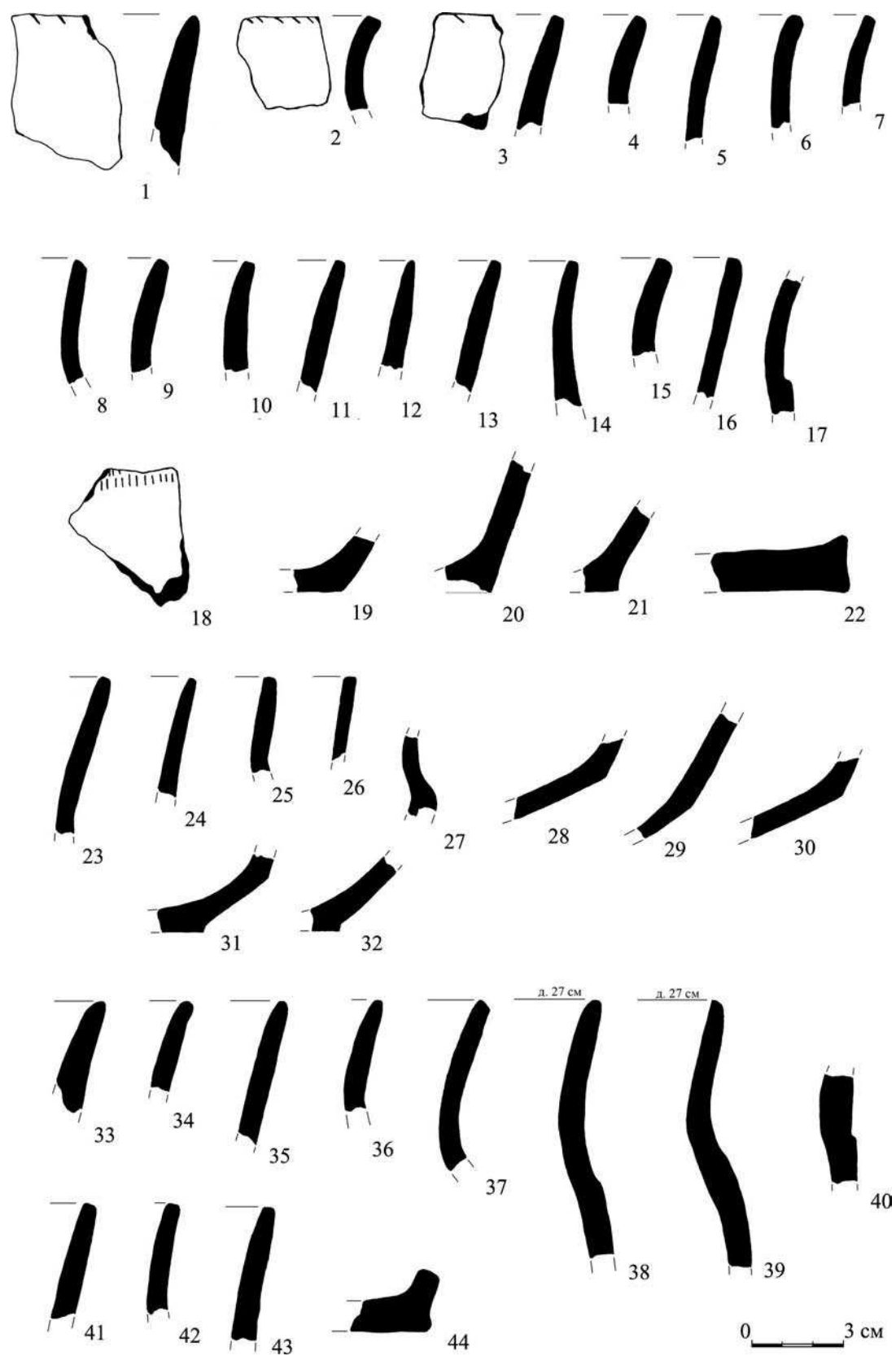

Рис. 12. Городище Велегож, раскоп 1, керамика мощинской культуры из слоя (1–32) и из древнерусской постройки 1 (33–44).

1–21, 33–40 — грубая лепная; 23–32, 41–43 — лощеная лепная; 22, 44 — сковороды.

Рисунки А. М. Воронцова

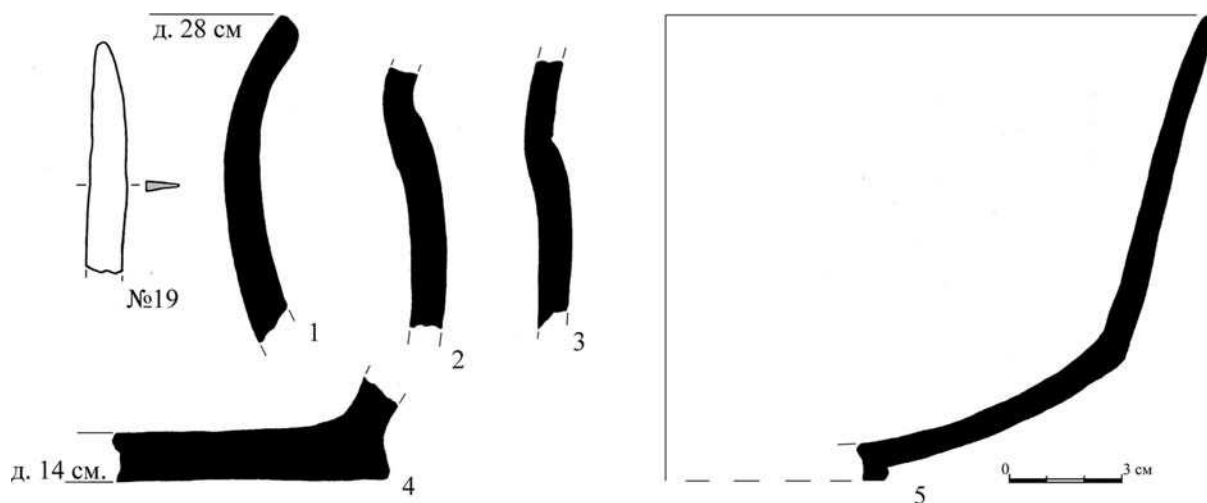

Рис. 13. Городище Велегож, раскоп 1, железный нож (№19) и керамика из постройки 3, относящейся к мощинской культуре.

1 — грубая, деформированная в ходе вторичного обжига; 2–4 — грубая лепная; 5 — лощеная лепная.

Рисунки А. М. Воронцова

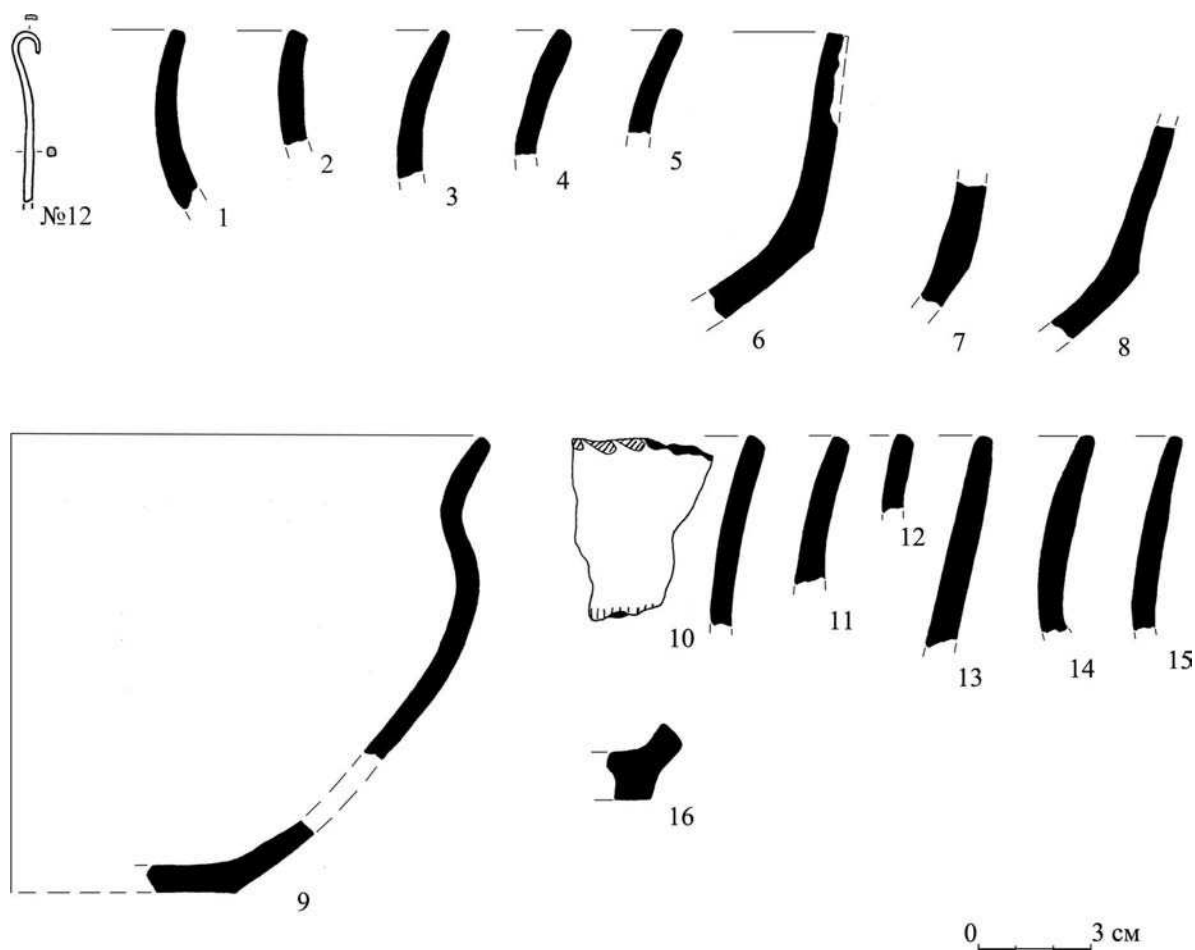

Рис. 14. Городище Велегож, раскоп 1, железная булавка (№12) и керамика мощинской культуры из заполнения рва №3 (1–2), и мощинская керамика из древнерусских построек 4 (3–8) и 5 (9–16).

1–5, 10–12 — грубая лепная; 6–9, 13–15 — лощеная лепная; 16 — сковорода.

Рисунки А. М. Воронцова

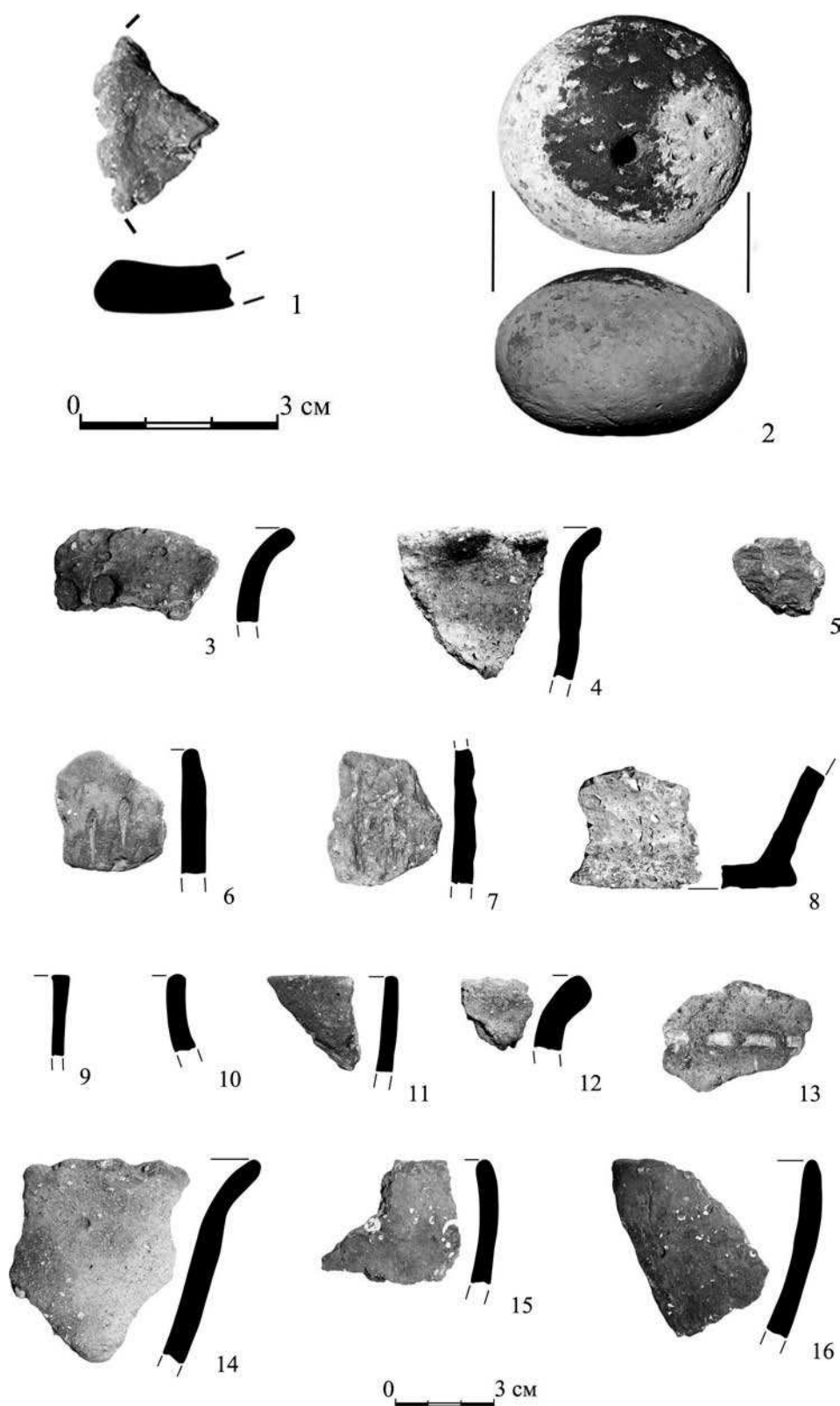

Рис. 15. Городище Велегож, раскоп 1, керамика памятника типа Упа 2 из подъемного материала (3–5), слоя (6–8), заполнения рва № 1 (1, 9–12), заполнения рва № 3 (2 и 14), ямы 3 (13) и древнерусской постройки 5 (15–16).

Рисунки Е. В. Столярова

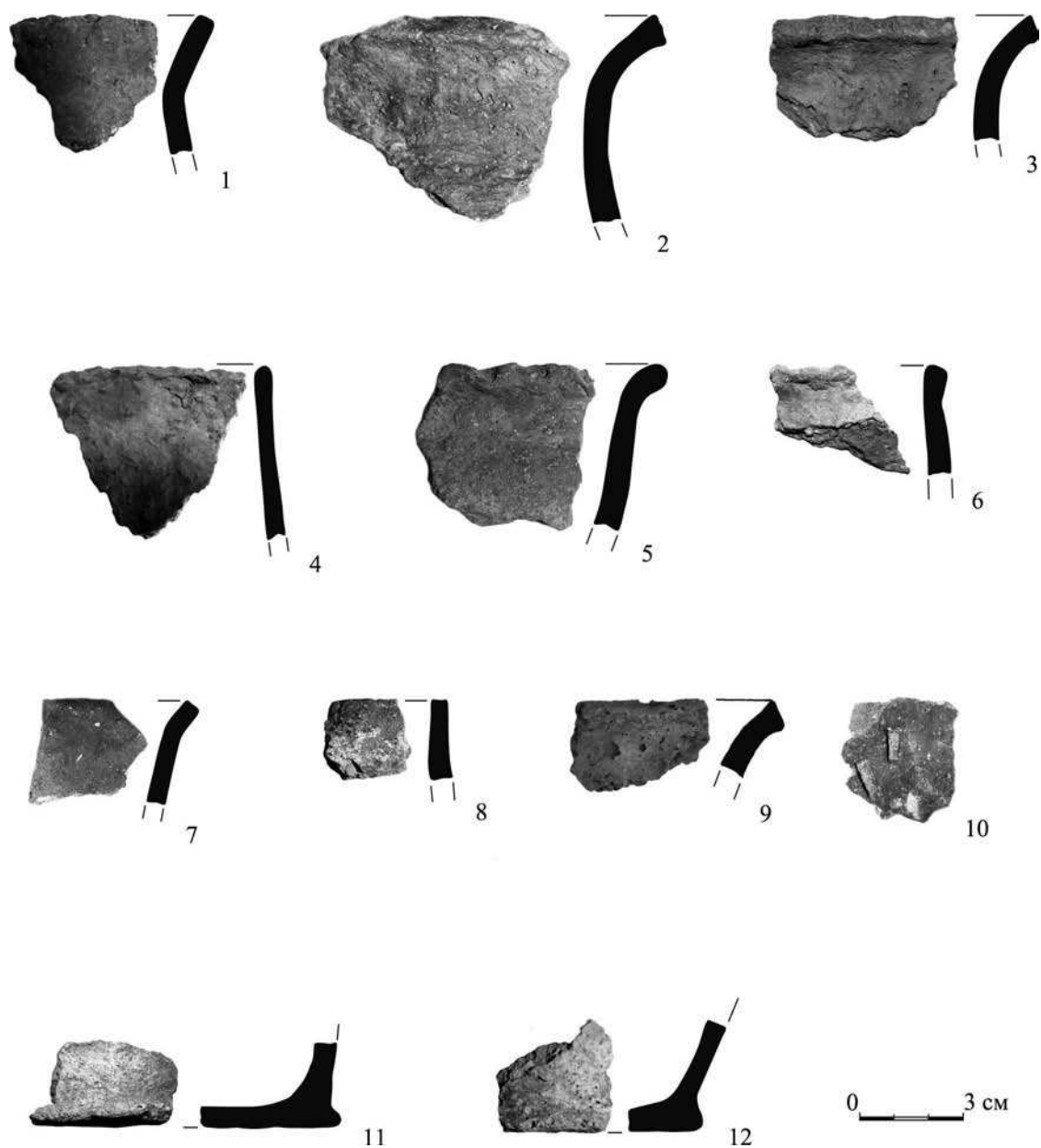

Рис. 16. Городище Велегож, раскоп 1, грубая лепная керамика памятника типа Ула 2 из древнерусской постройки 1.

Рисунки Е. В. Столярова

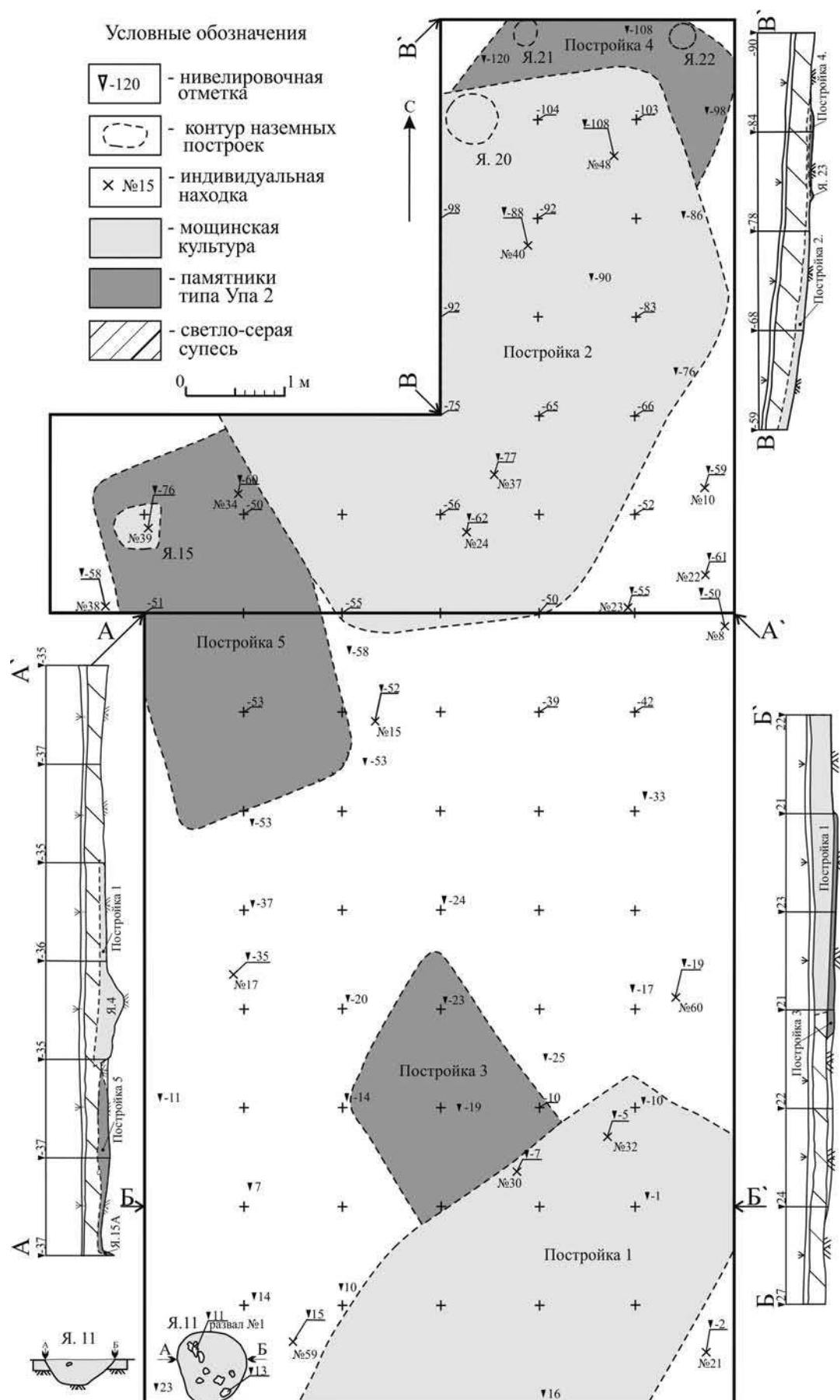

Рис. 17. Городище Велегож, раскопы 2–3. План на уровне построек верхнего горизонта, стратиграфия

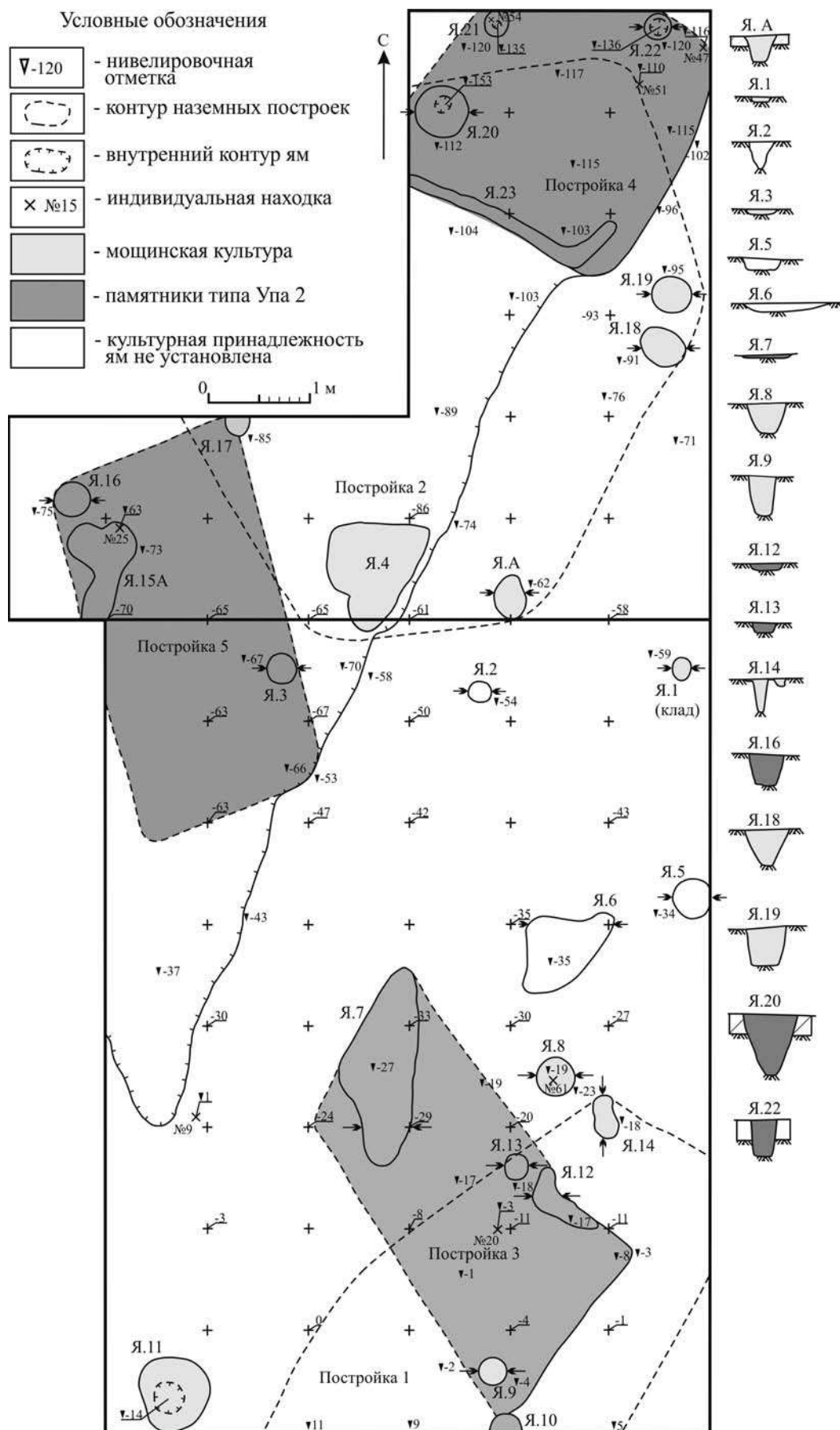

Рис. 18. Городище Велегож, раскопы 2–3. План на уровне построек типа Упа 2 и материковых ям мощинской культуры

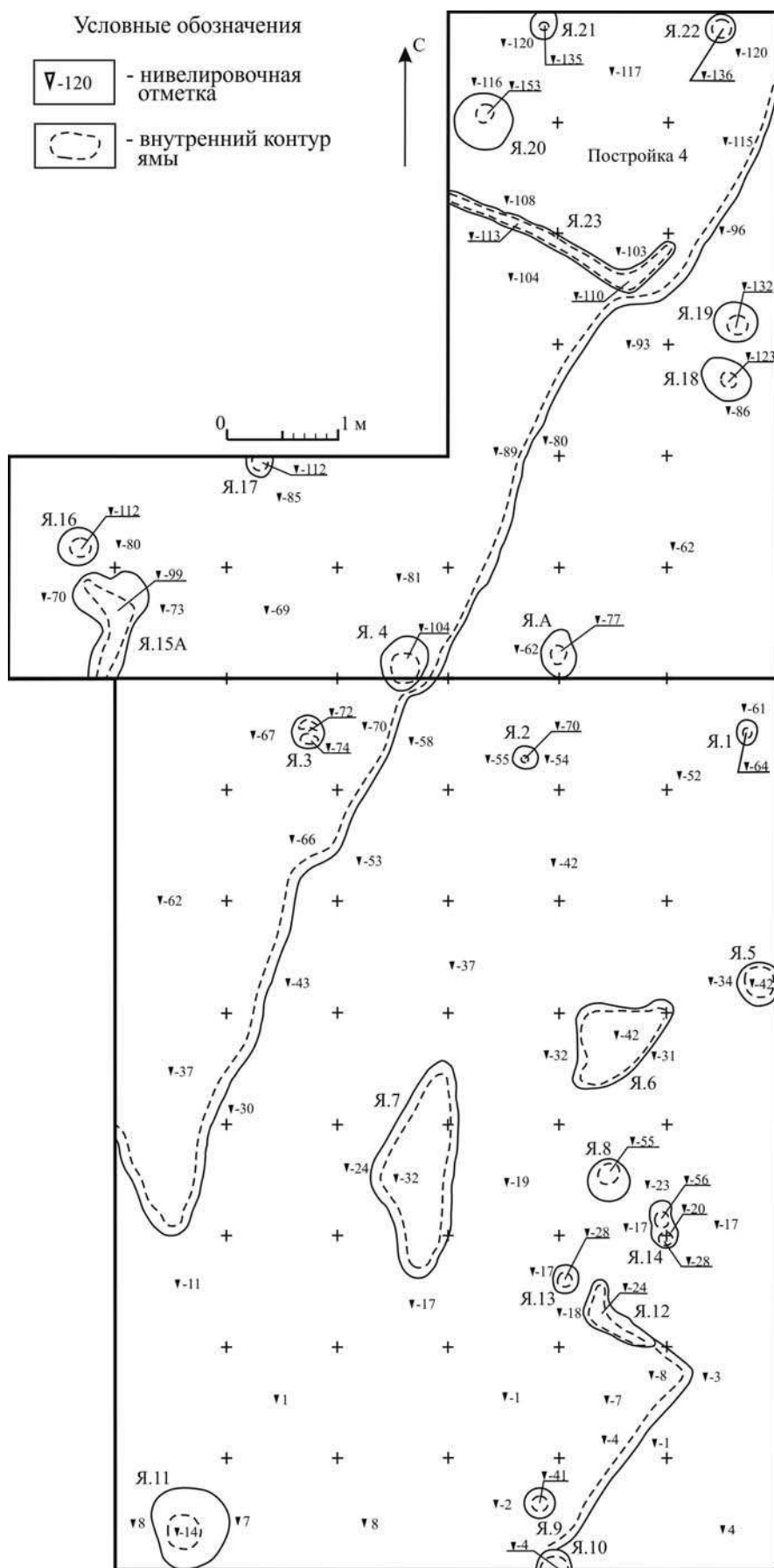

Рис. 19. Городище Велегож, раскопы 2-3. План на уровне материка

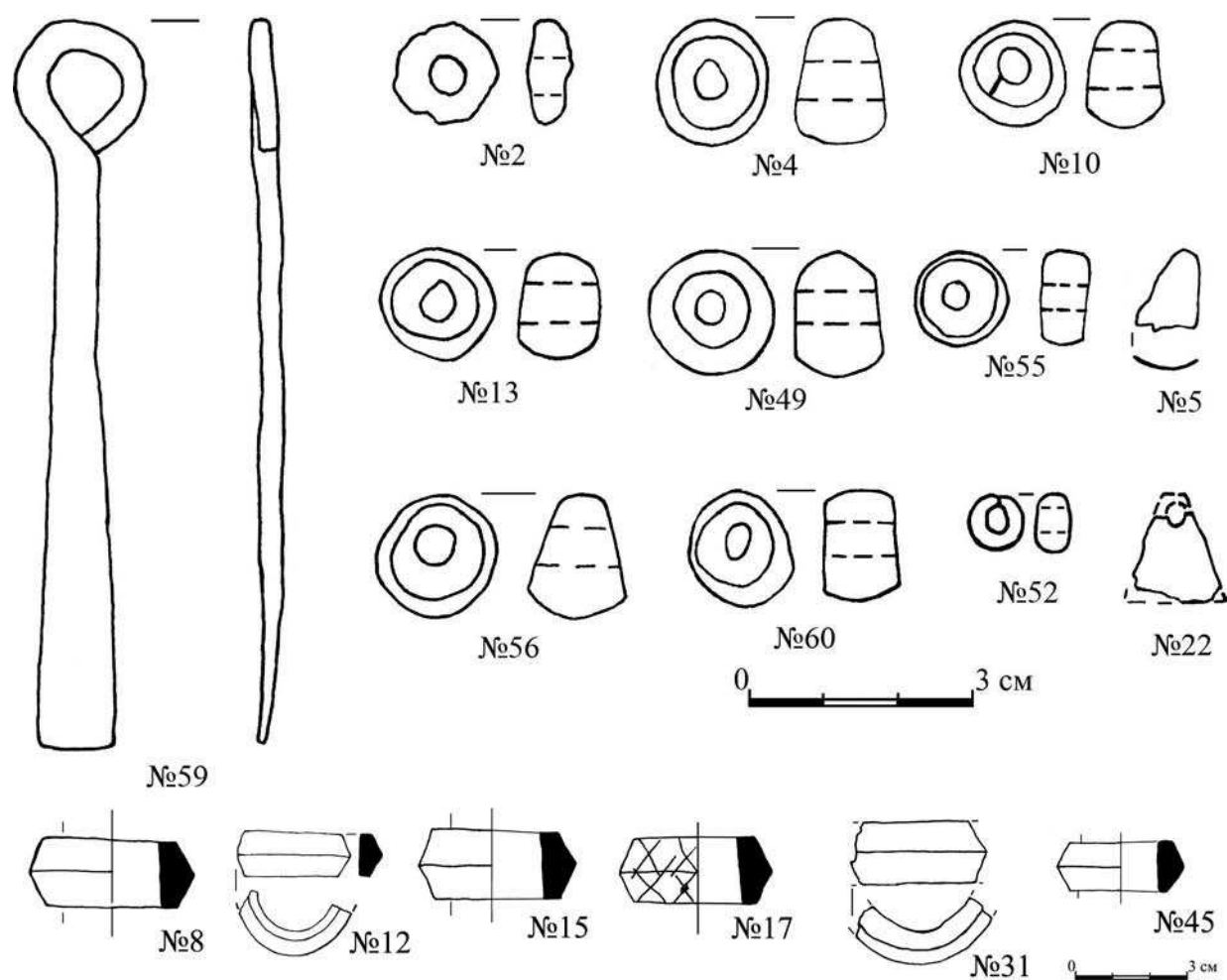

Рис. 20. Городище Велегож, раскопы 2-3, находки из слоя, относящиеся к мощинской культуре.
 №59 — железо, №2 — свинцово-оловянистый сплав; №№4, 5, 10, 13, 22, 49, 52, 55, 56, 60 — бронза; №№8, 12, 15, 17, 31, 45 — глина.
 Рисунки А. М. Воронцова

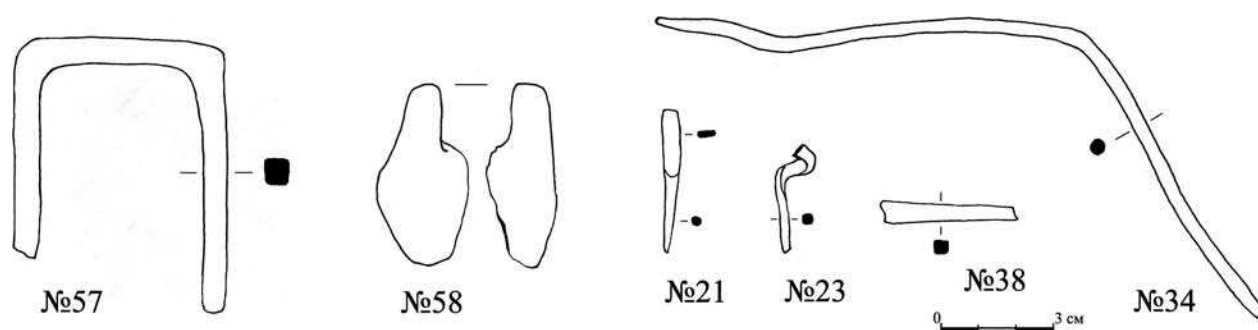

Рис. 21. Городище Велегож, раскопы 2-3, находки из слоя, предположительно отнесенные к мощинской культуре.
 №34 — бронза; №58 — глина; №21, 23, 38, 57 — железо.
 Рисунки А. М. Воронцова

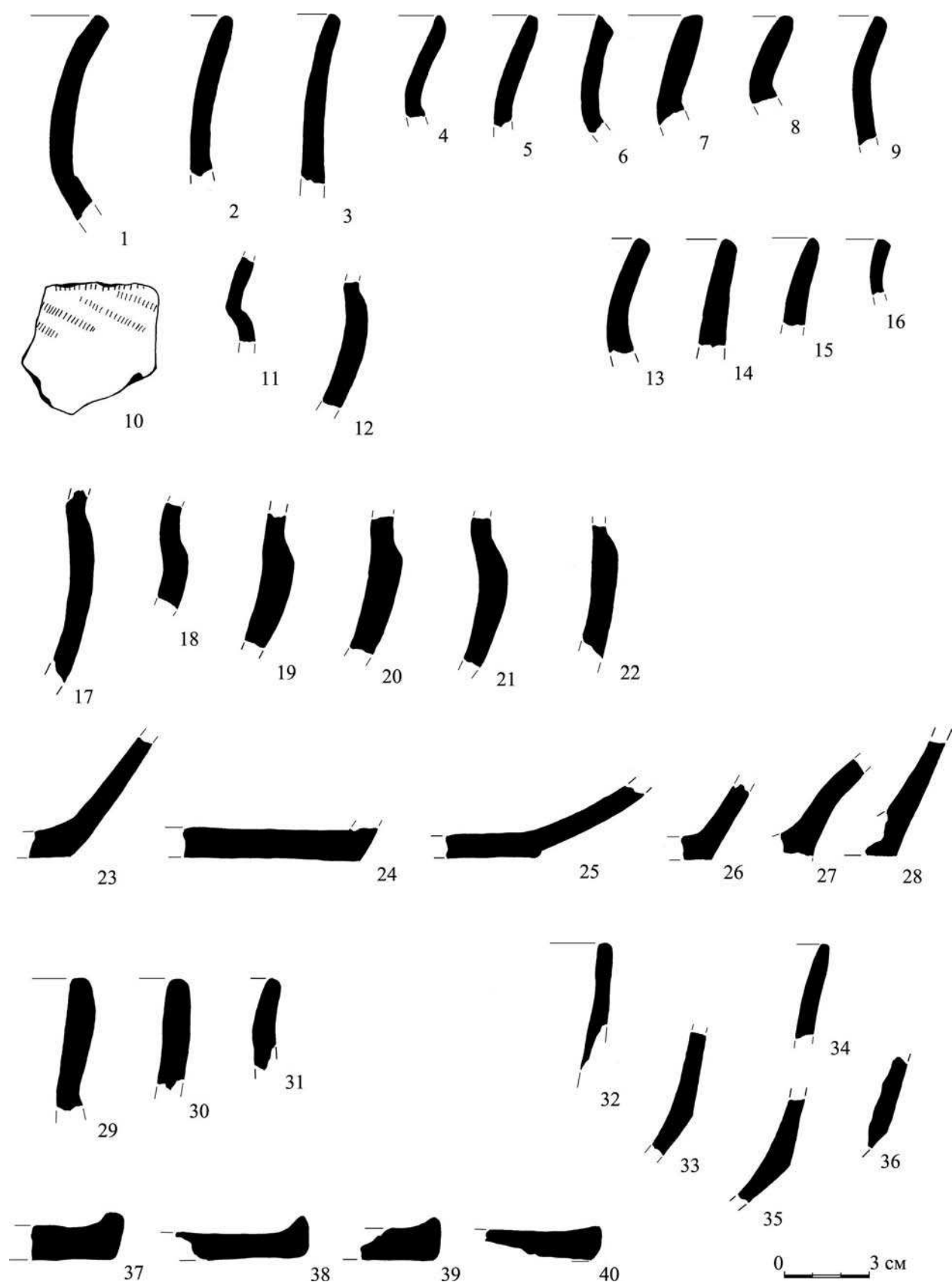

Рис. 22. Городище Велегож, раскопы 2–3, керамика мощинской культуры из слоя.

1–28 — грубая лепная; 29–31 — грубая лепная, деформированная в ходе вторичного обжига; 32–36 — лощеная лепная; 37–40 — сковороды.

Рисунки А. М. Воронцова

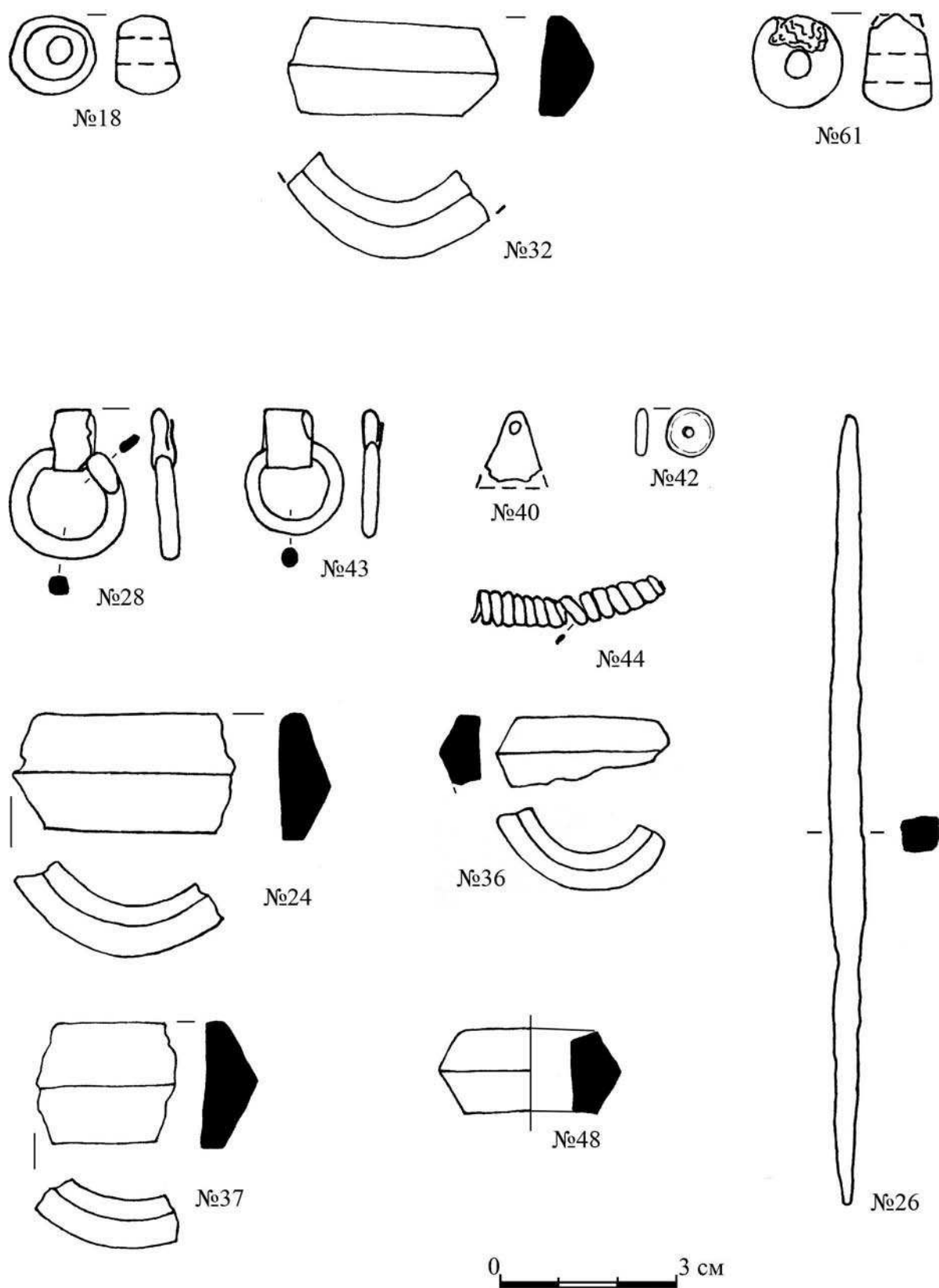

Рис. 23. Городище Велегож, раскопы 2–3, находки из построек мощинской культуры.

№ 18, 32, 61 — постройка 1; № 24, 26, 28, 36, 37, 40, 42, 43, 44, 48 — постройка 2. № 18, 28, 40, 43, 44, 61 — бронза; № 24, 32, 36, 37, 48 — глина; № 42 — красное глухое стекло; № 26 — железо.

Рисунки А. М. Воронцова

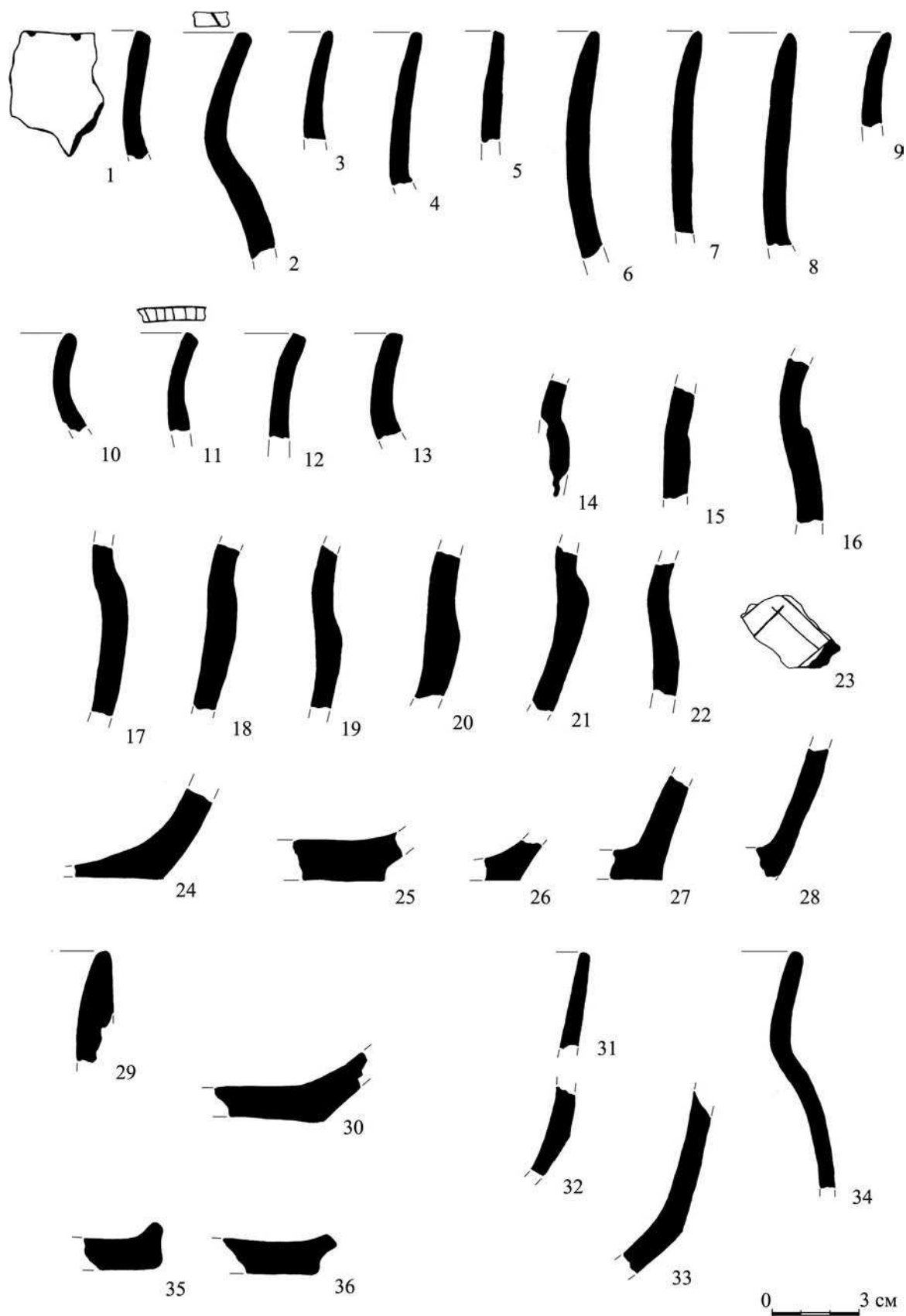

Рис. 24. Городище Велегож, раскоп 2, керамика мощинской культуры из постройки 1.

1–28 — грубая лепная; 29–30 — грубая лепная, деформированная в ходе вторичного обжига; 32–34 — лощеная лепная; 35–36 — сковороды.

Рисунки А. М. Воронцова

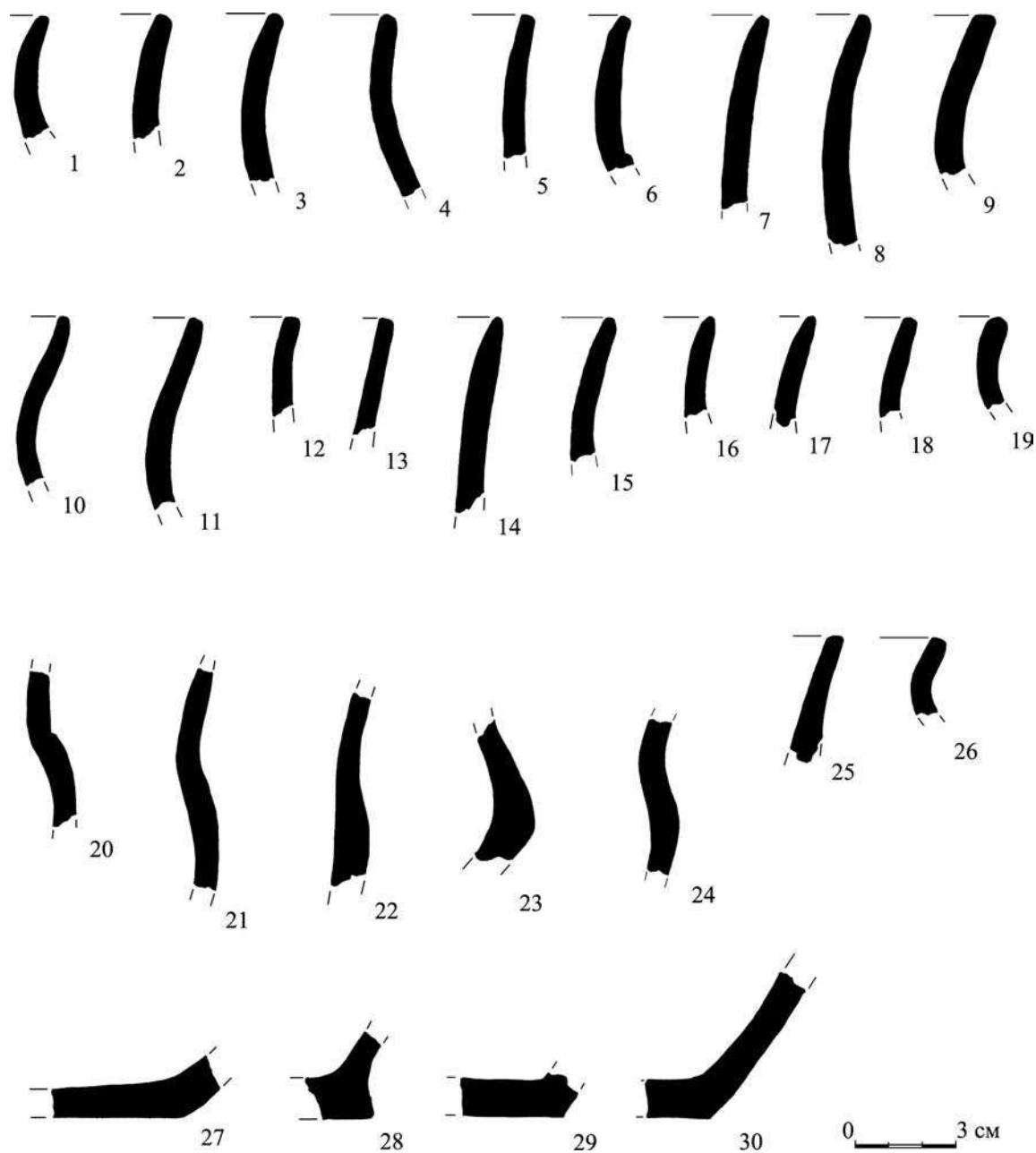

Рис. 25. Городище Велегож, раскоп 2, грубая лепная керамика мощинской культуры из постройки 2.
Рисунки А. М. Воронцова

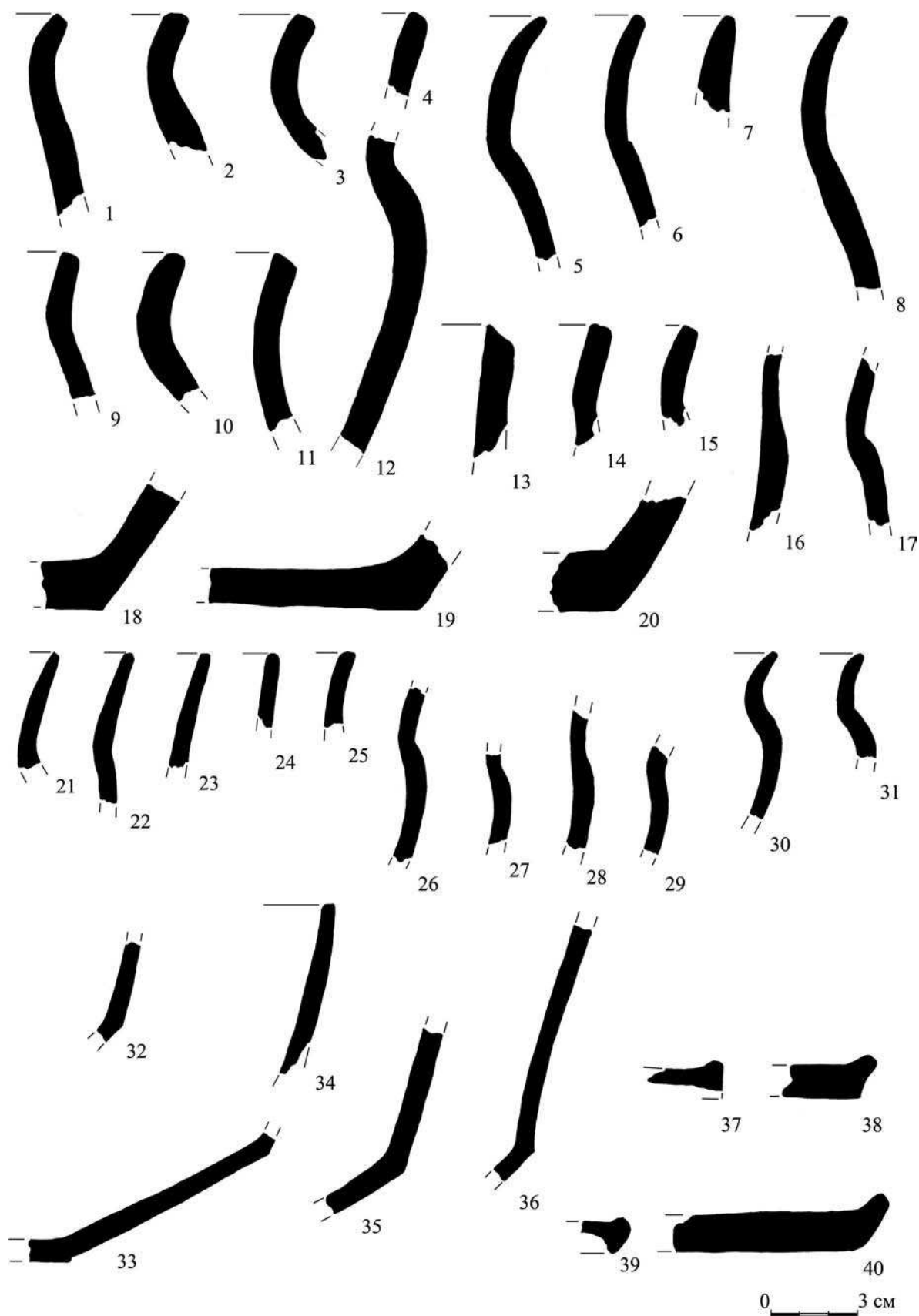

Рис. 26. Городище Велегож, раскоп 2, керамика мощинской культуры из постройки 2.
 1–20 — грубая лепная, деформированная в ходе вторичного обжига; 21–36 — лощеная лепная; 37–40 —
 сковороды.

Рисунки А. М. Воронцова

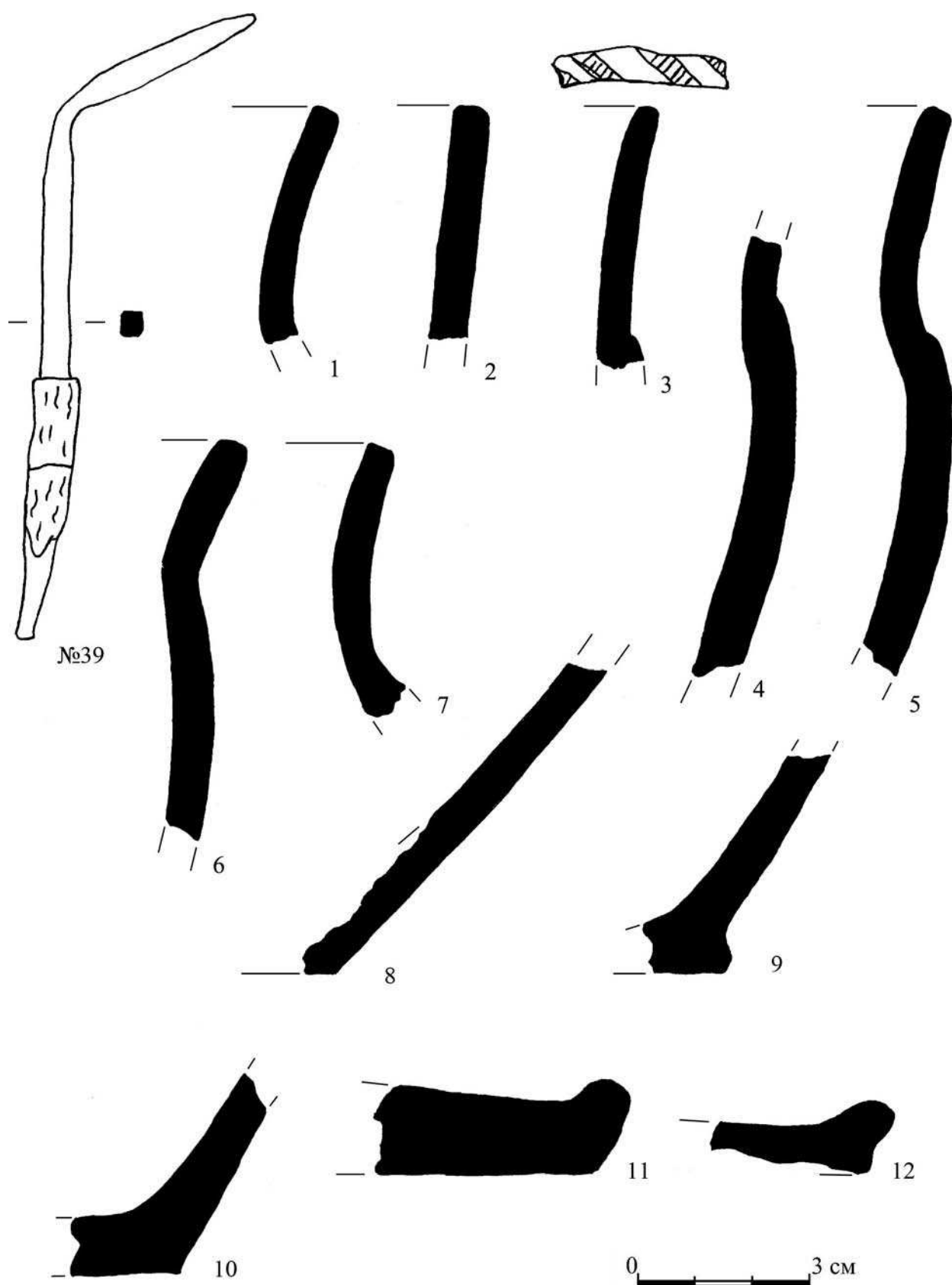

Рис. 27. Городище Велегож, раскопы 2 и 3, железное шило с остатками деревянной рукоятки из ямы 15 (№ 39) и керамика мощинской культуры из ямы 11.

1–5, 7, 10 — грубая лепная, деформированная в ходе вторичного обжига; 6, 8, 9 — лощеная лепная; 11–12 — сковороды.

Рисунки А. М. Воронцова

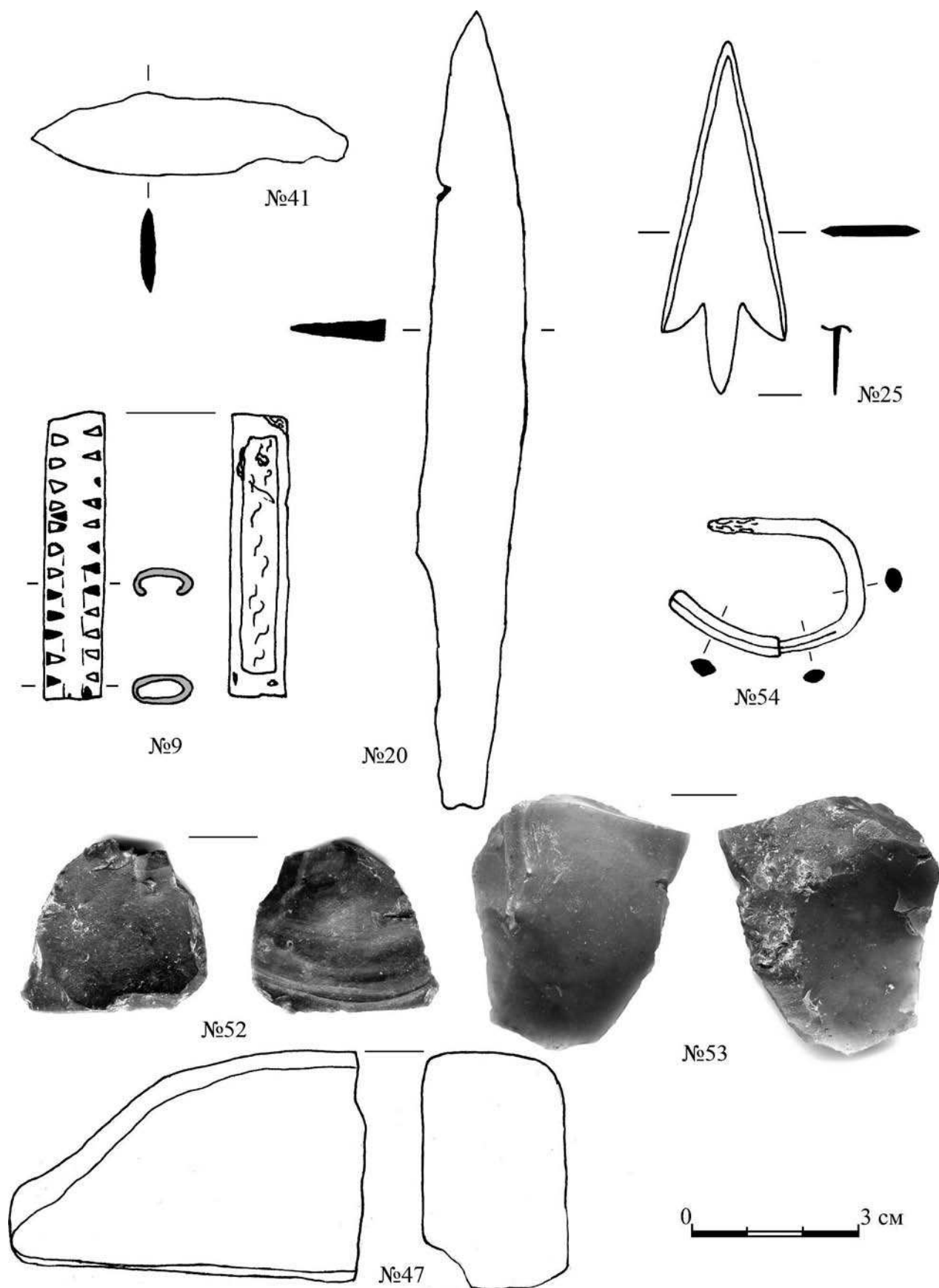

Рис. 28. Городище Велегож, раскопы 2–3, находка из слоя (№9) и из построек поселения типа Упа 2.
 №20 — постройка 3; №47; 52–54 — постройка 4; №25, 41 — постройка 5. №9, 25, 54 — бронза; №20, 41 — железо;
 №52, 53 — кремнь; №47 — глина.

Рисунки А. М. Воронцова, фото кремневых отщепов — Е. В. Столярова

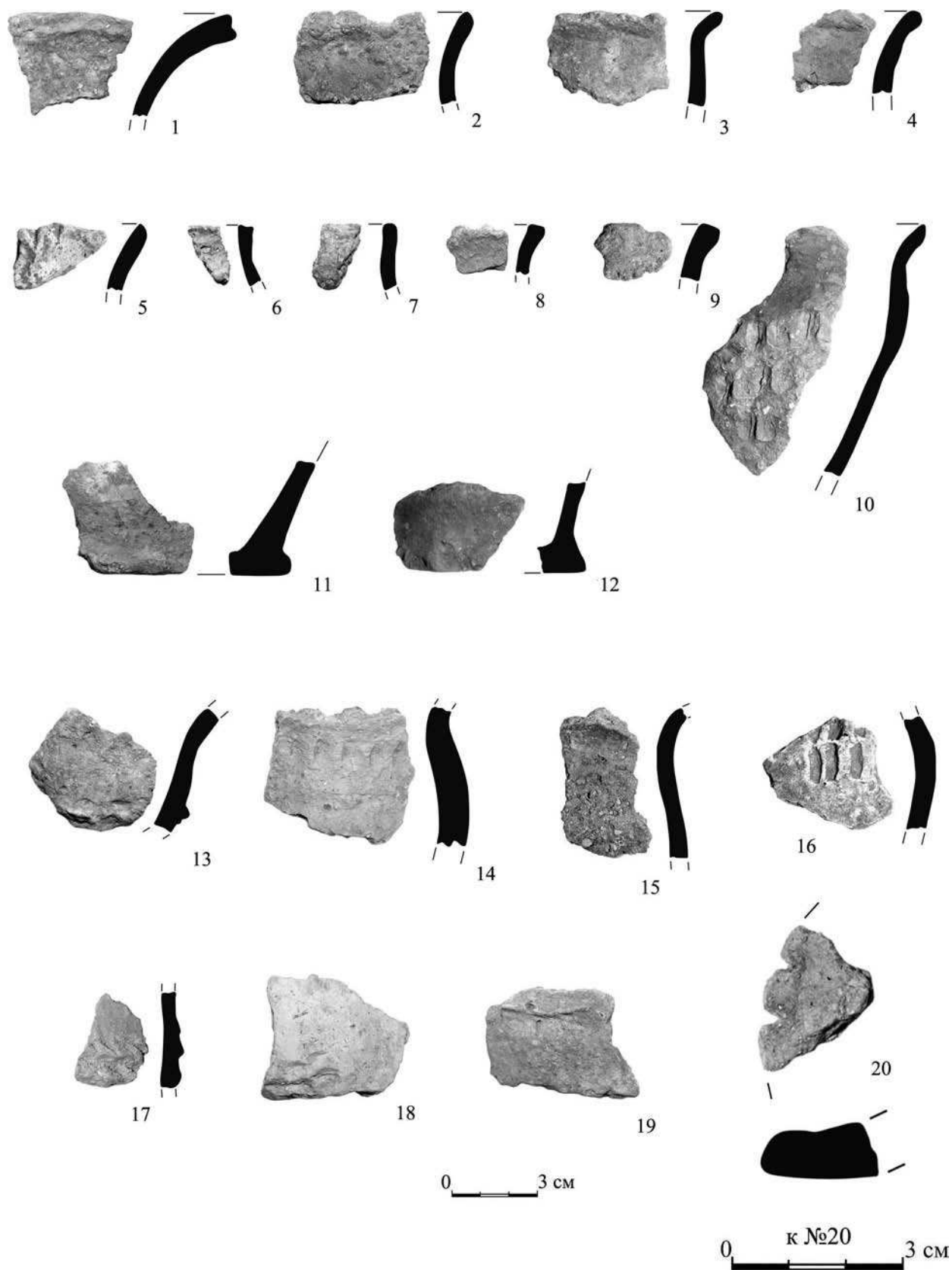

Рис. 29. Городище Велегож, раскоп 2, фрагмент глиняного грузика (20) и грубая лепная керамика из слоя поселения типа Упа 2.

Рисунки Е. В. Столярова

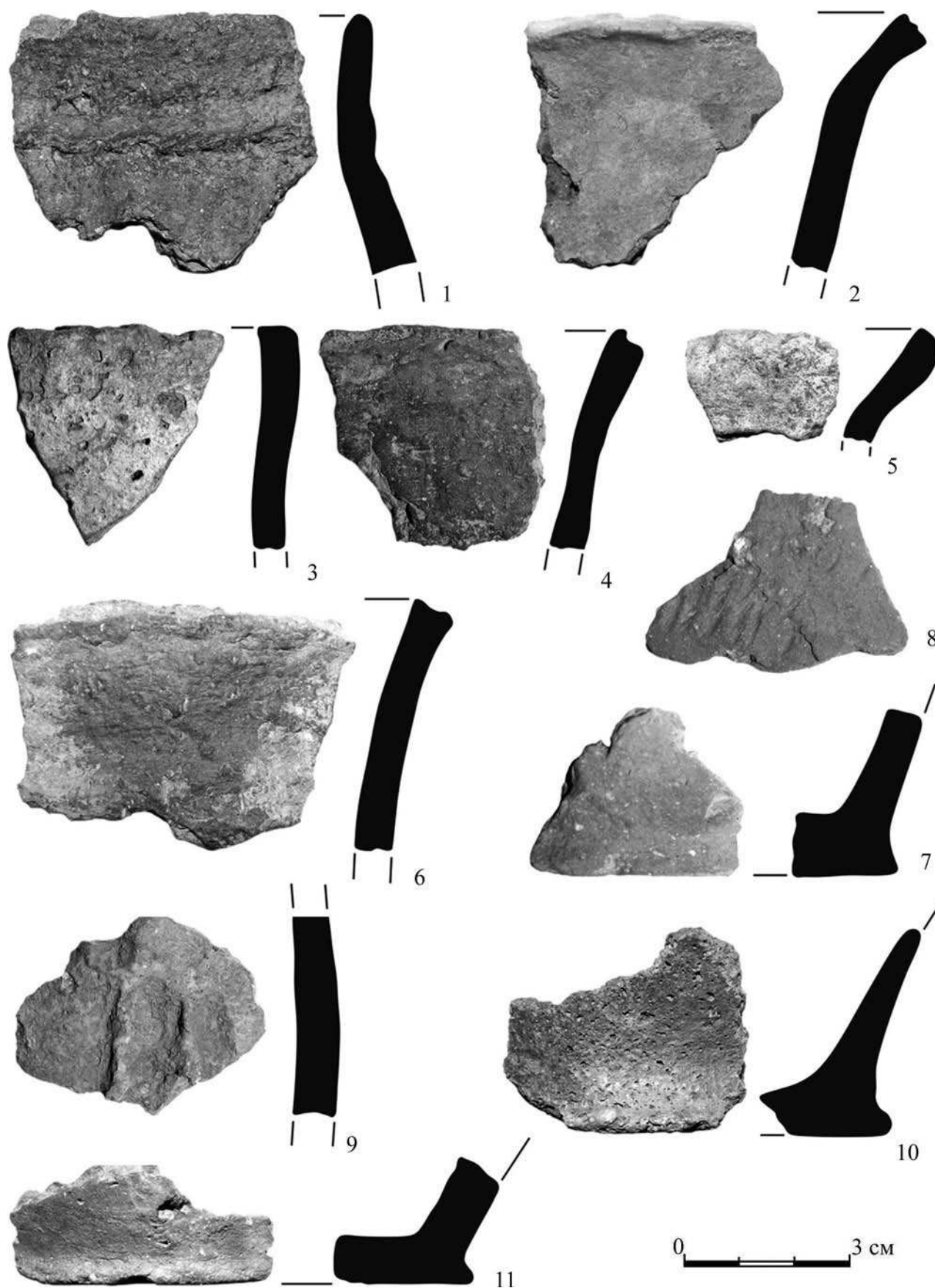

Рис. 30. Городище Велегож, раскоп 2, грубая лепная керамика типа Упа 2 из заполнения постройки 3.
Рисунки Е. В. Столярова

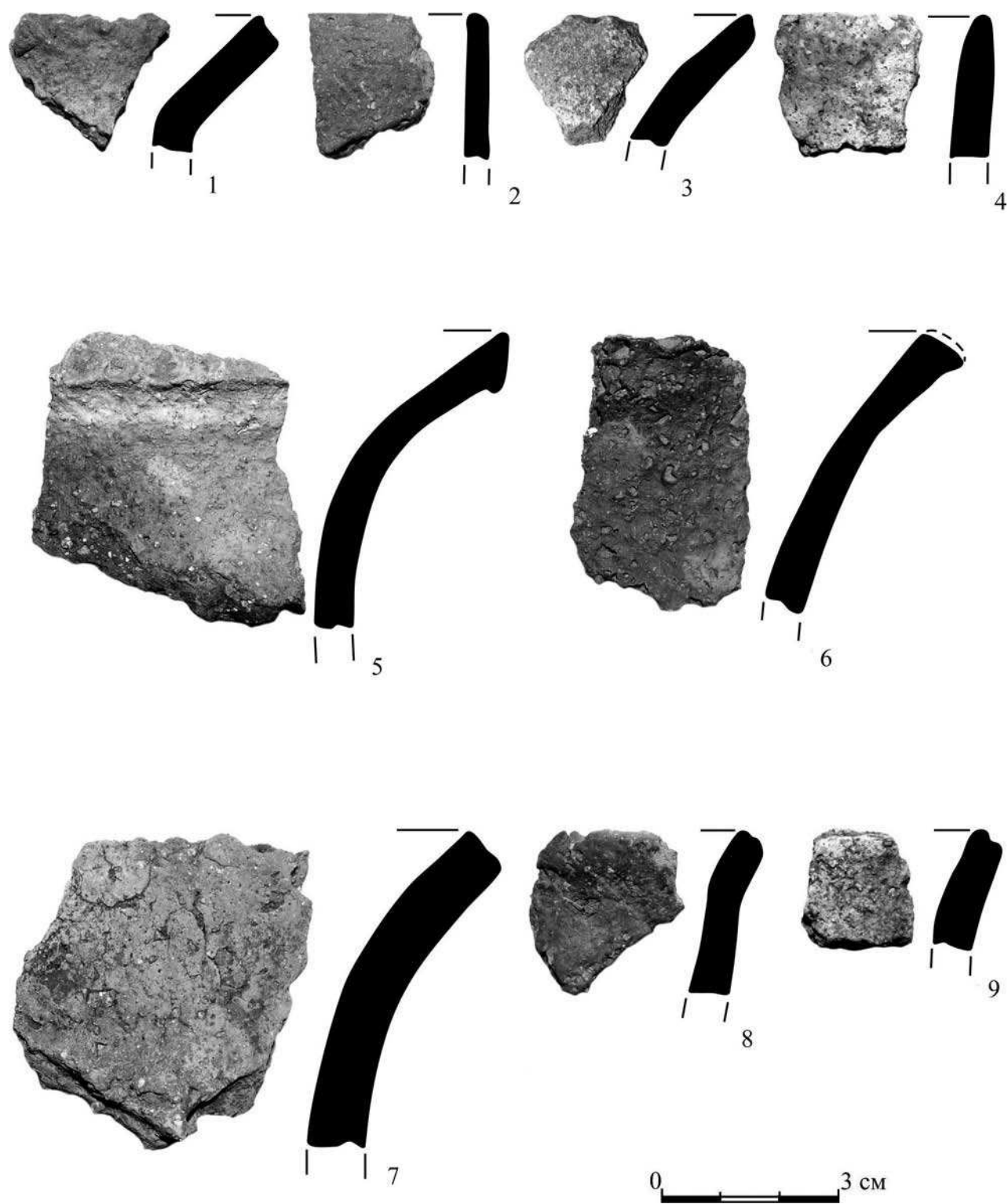

Рис. 31. Городище Велегож, раскоп 3, грубая лепная керамика типа Уп 2 из заполнения постройки 4.
Рисунки Е. В. Столярова

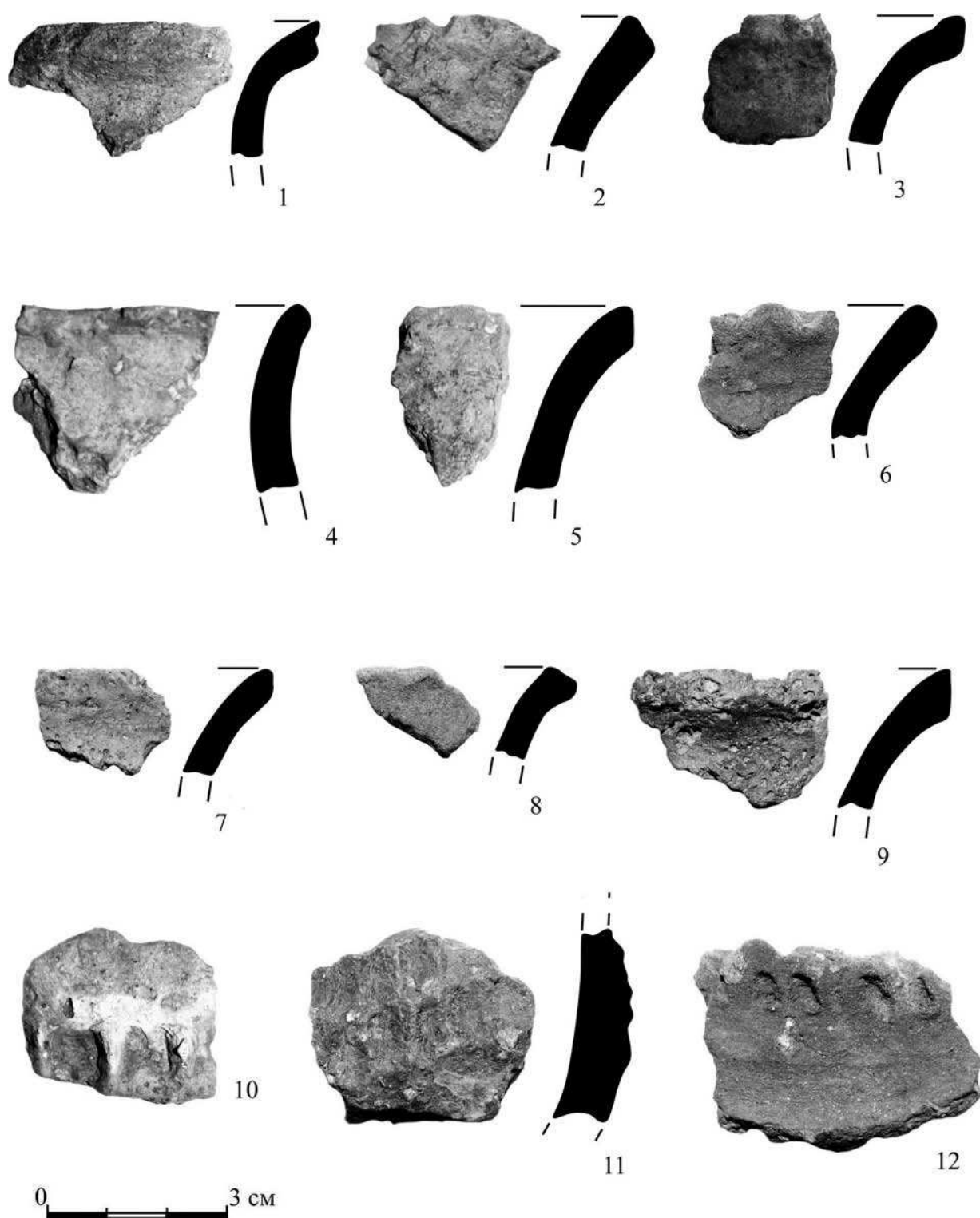

Рис. 32. Городище Велегож, раскоп 2-3, грубая лепная керамика типа Упа 2 из заполнения постройки 5.
Рисунки Е. В. Столярова

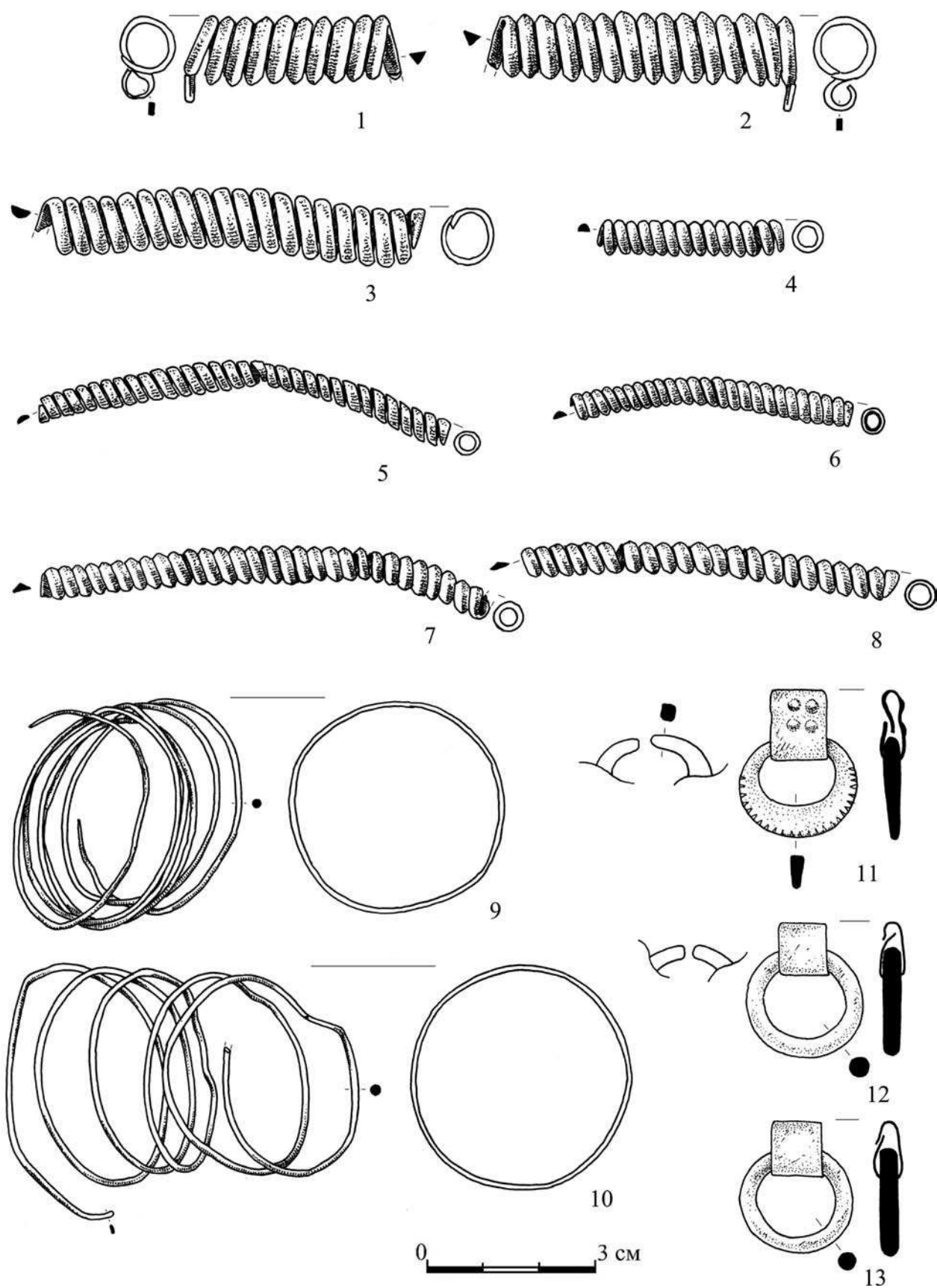

Рис. 33. Металлические изделия из Вележского клада.

1–8 — спиралевидные пронизки; 9–10 — проволочные спирали; 11–13 — пластинчатые обоймы с подвешенными кольцами. 1–8, 11–13 — бронза; 9–10 — серебро.

Рисунки М. А. Воронцовой

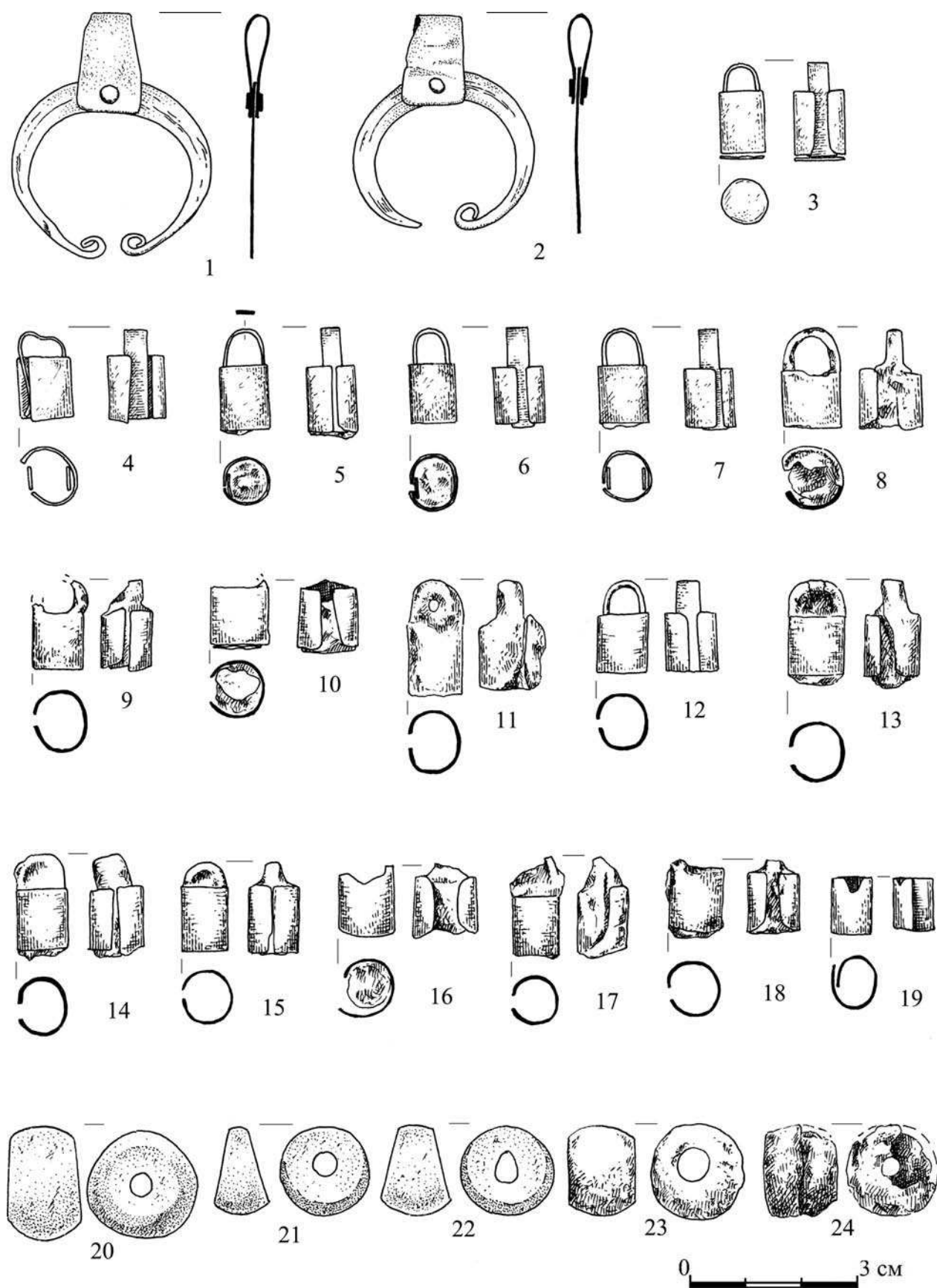

Рис. 34. Металлические изделия из Вележского клада.

1–2 — подвески-лунницы; 3–19 — ведровидные подвески; 20–24 — бусины. 1–2 — серебро; 3–22 — бронза; 23–24 — свинцово-оловянистый сплав.

Рисунки М. А. Воронцовой

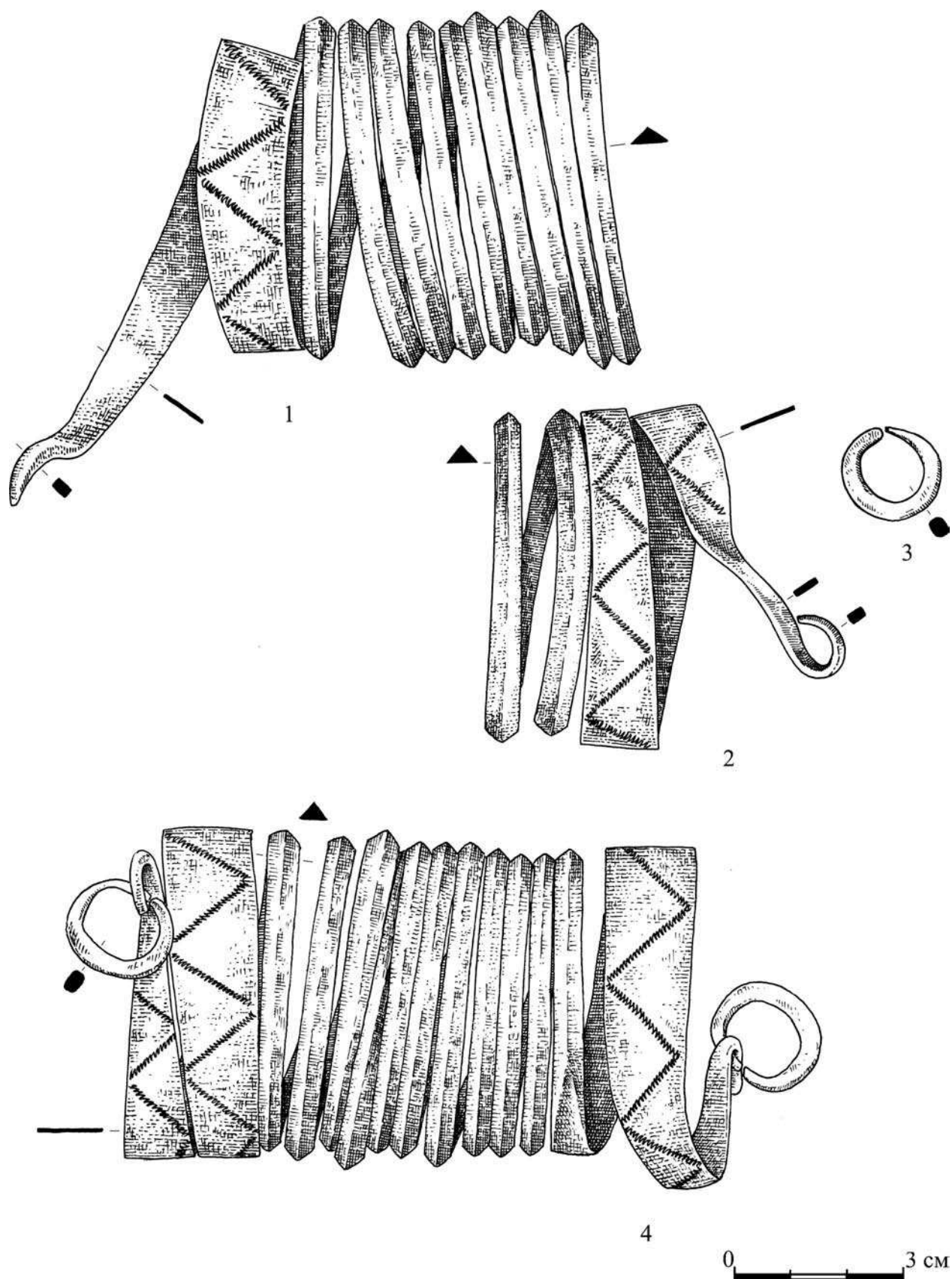

Рис. 35. Латунные спиральные многовитковые браслеты из Велегожского клада.
Рисунки М. А. Воронцовой

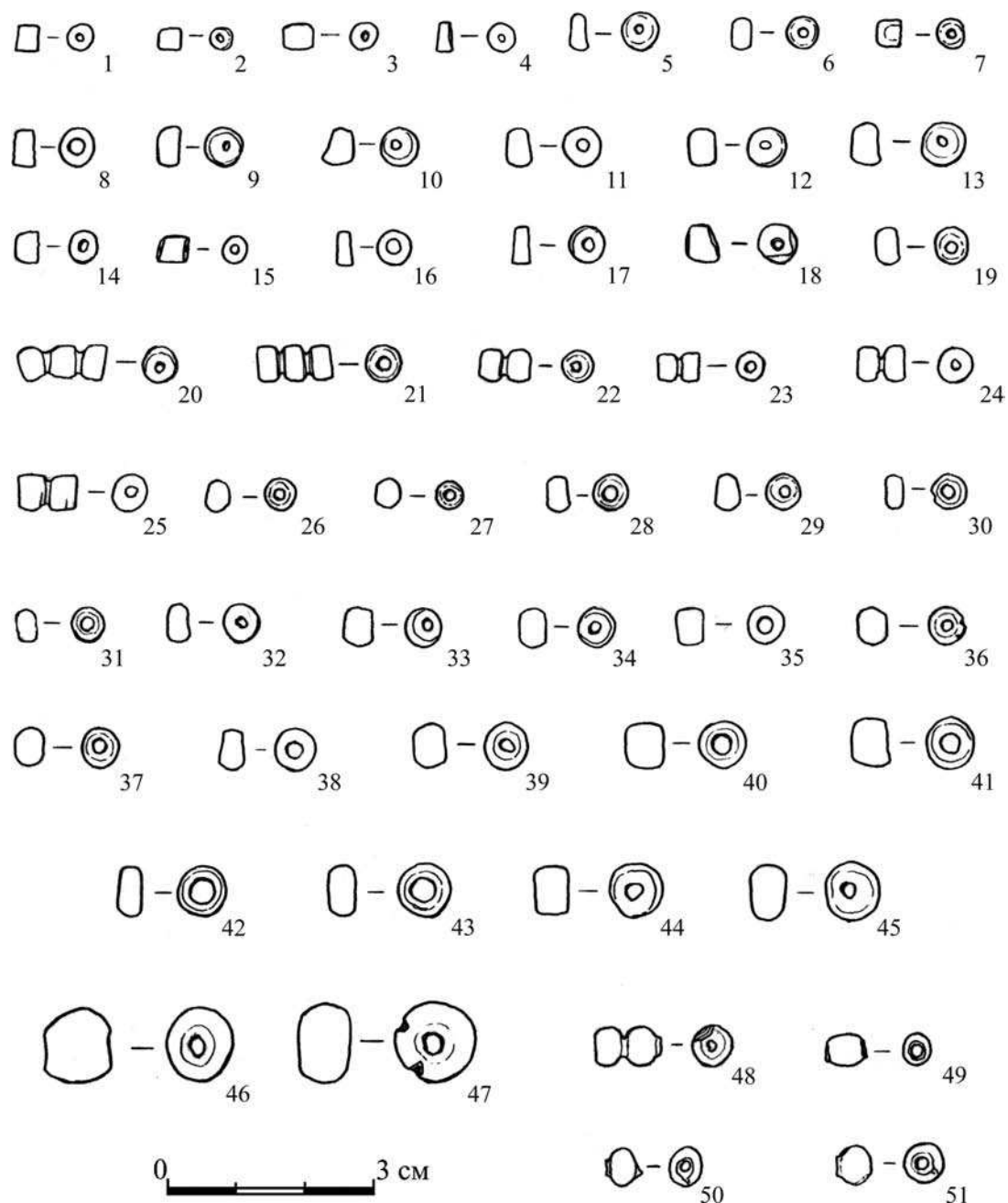

Рис. 36. Монохромные стеклянные бусы, изготовленные из отрезков тянутых трубочек из Велегожского клада.

1–2 — «рубленный» бисер; 20–51 — трубочка, разделенная на части ножницами или щипцами; 1–45 — красное глухое стекло; 46, 47 — ярко-зеленое глухое стекло; 48–51 — оливковое прозрачное стекло.

Рисунки А. М. Ефремовой

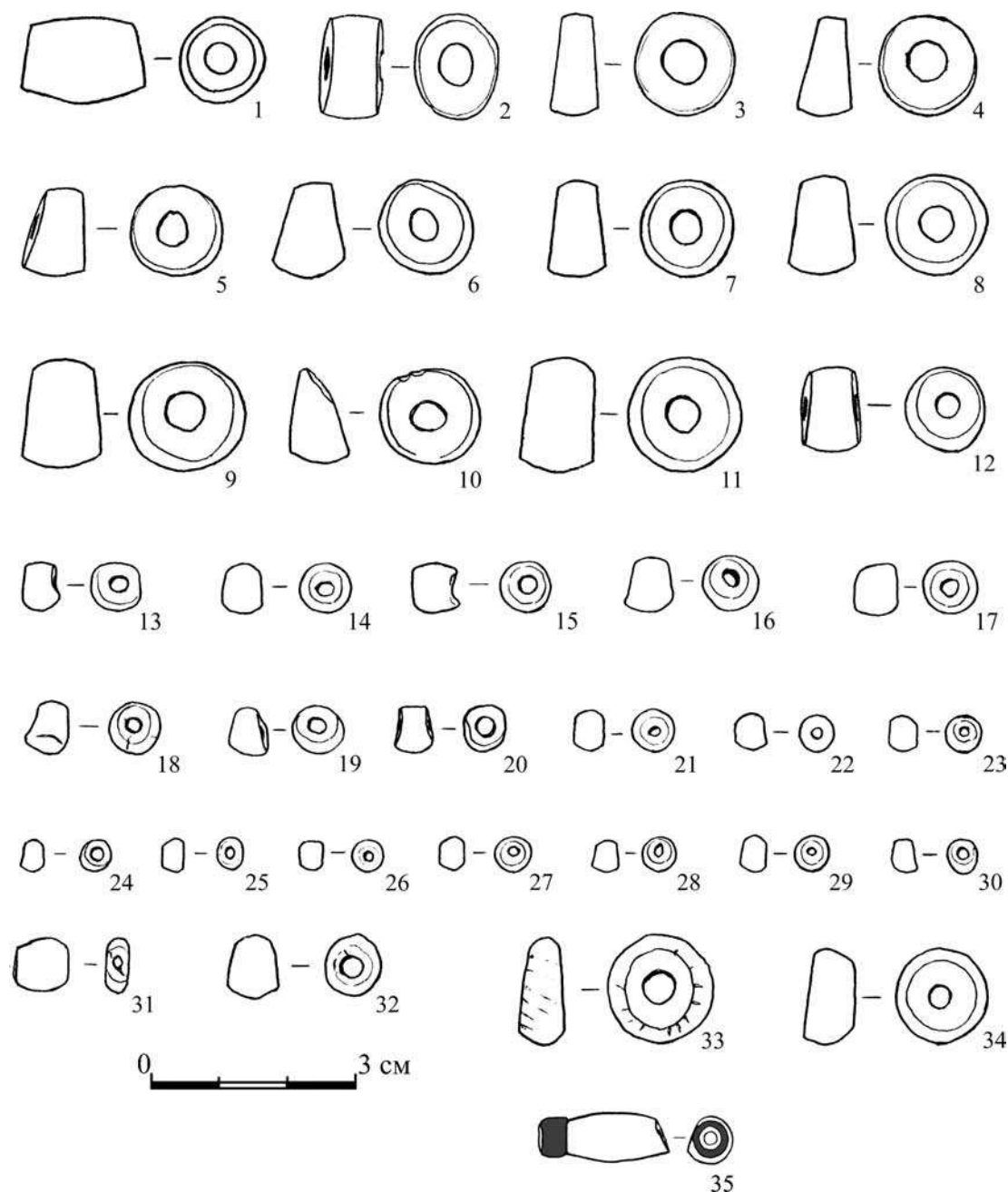

Рис. 37. Монохромные стеклянные бусы из Вележского клада, изготовленные по разным технологиям.

1–11, 13–31 — отрезки тянутых палочек; 12 — однократное обертывание; 32, 33 — навивка; 34 — технология не определена; 1–30 — красное глухое стекло; 31 — оливковое прозрачное стекло; 32 — зелено-голубое глухое стекло; 33 — зелено-голубое прозрачное стекло; 34 — желто-коричневое прозрачное стекло, 35 — красное глухое стекло с накладным декором темно-синего прозрачного стекла (основа: отрезок тянутой палочки).

Рисунки А. М. Ефремовой

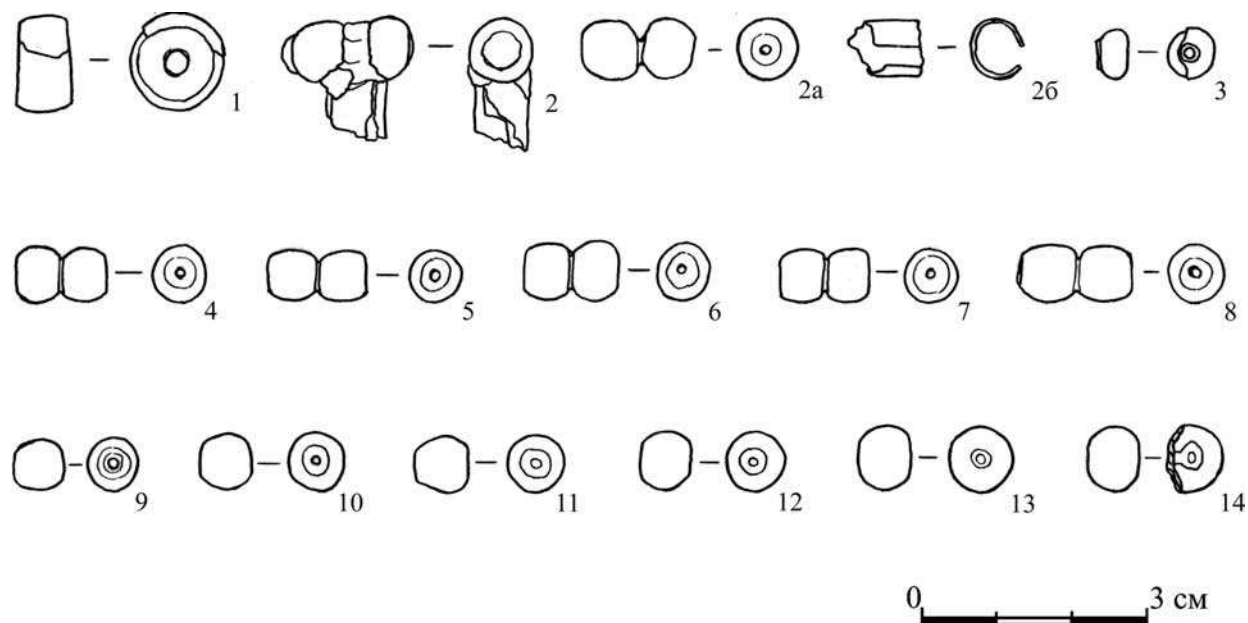

Рис. 38. Золотостеклянные бусы из Велегожского клада.

2 — бусина с приклепавшей ведерковидной подвеской.

Рисунки А. М. Ефремовой

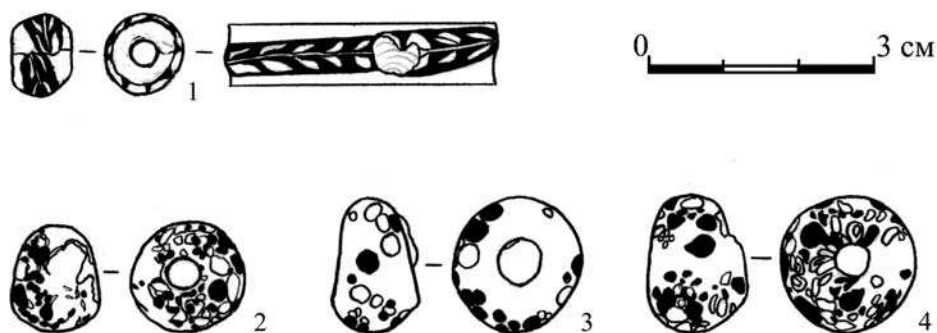

Рис. 39. Стекланные полихромные бусы из Велегожского клада.

1 — полихромная бусина с декором в виде накладной ленты в технике миллефиори;
2–4 — крапчатые бусы.

Рисунки А. М. Ефремовой

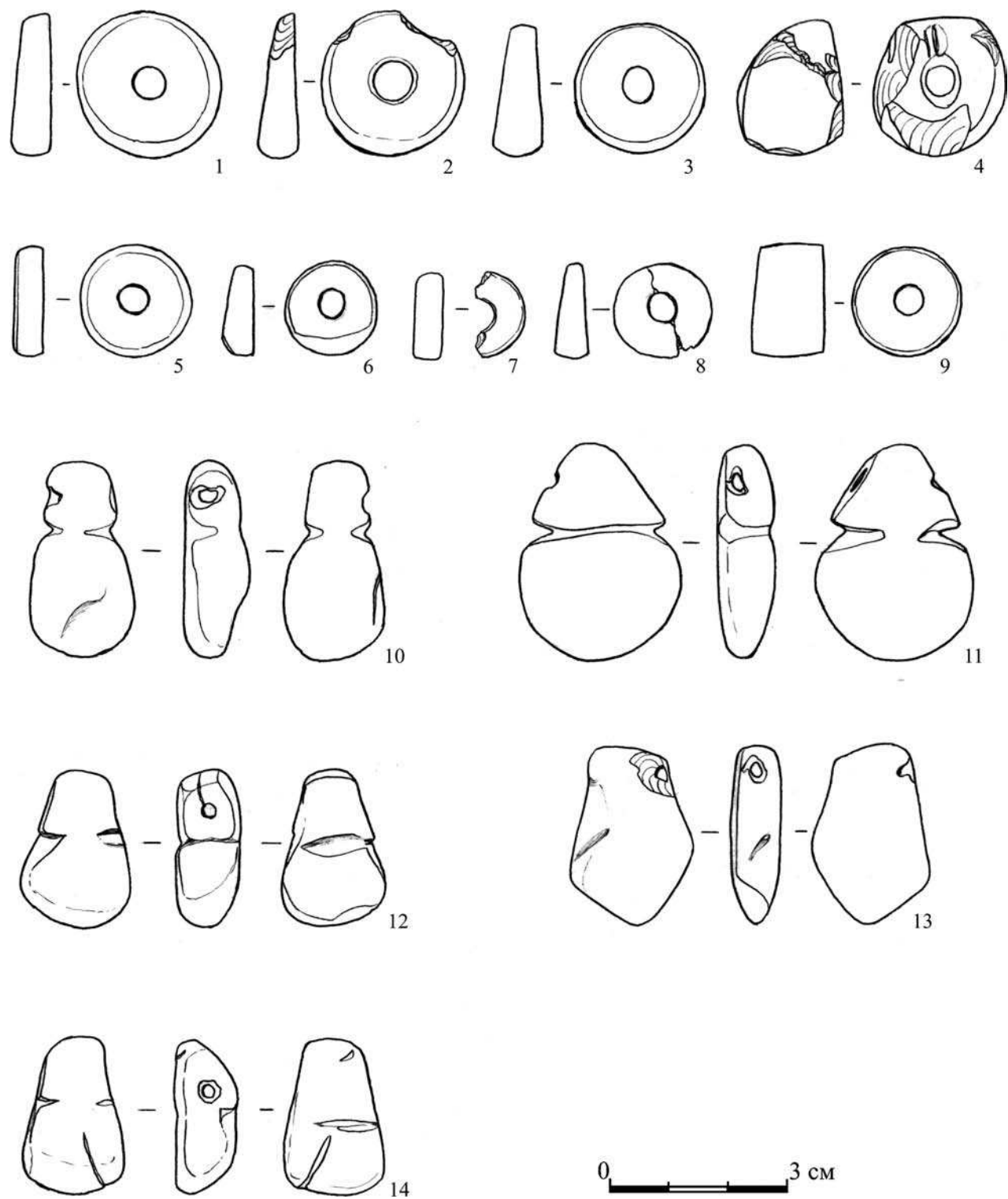

Рис. 40. Янтарные бусы из Велегожского клада.

1-11, 13-31 — дисковидной формы; 4, 9 — цилиндрической формы; 10-12 — грибовидной формы; 13, 14 — аморфной формы.

Рисунки А. М. Ефремовой

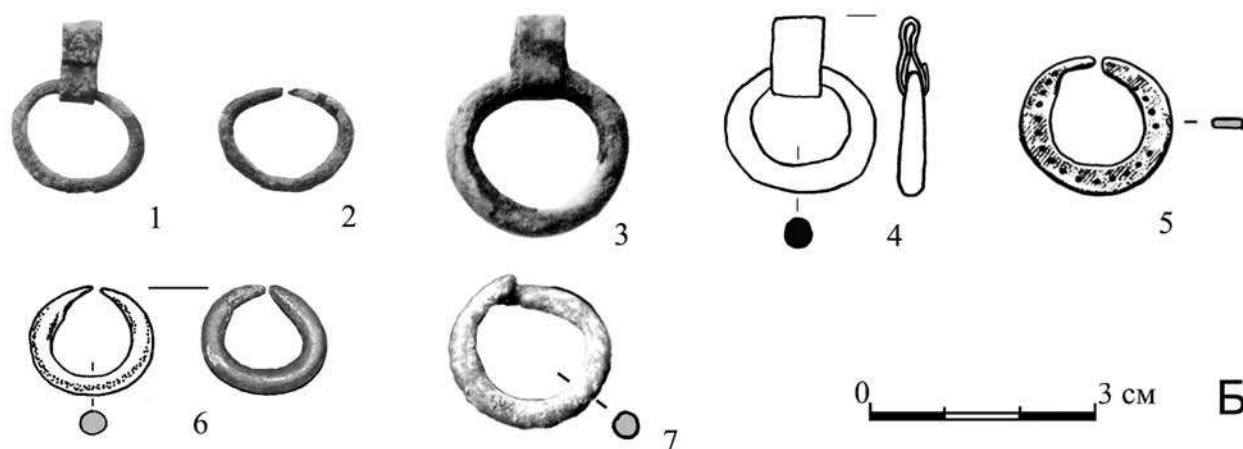
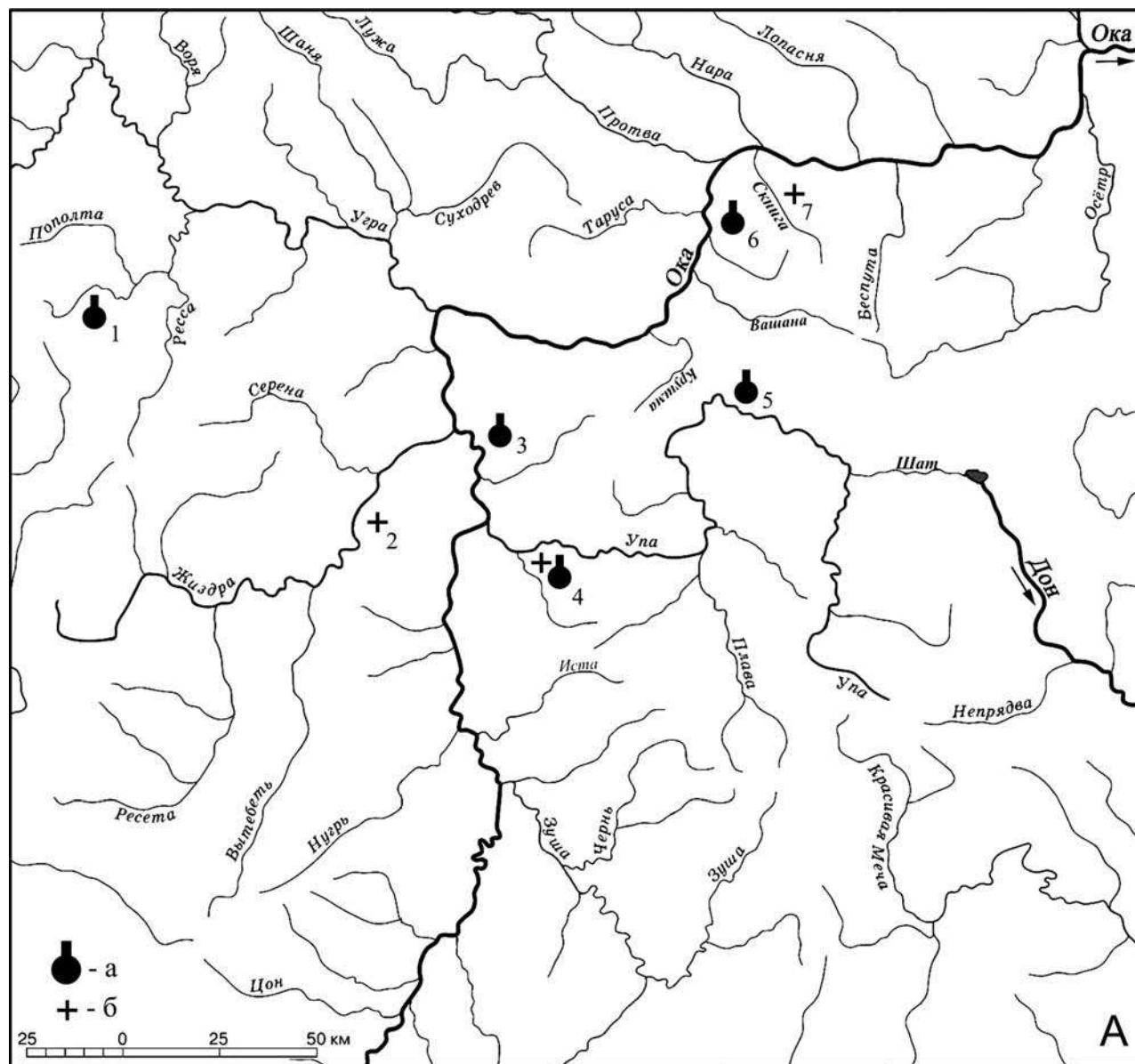

Рис. 41. Находки пластинчатых обойм с кольцами на мощинских памятниках.

А — карта мест находок.

а — места находок пластинчатых обойм с кольцами, б — места находок рязано-окских крестовидных фибул.

1 — курганная группа Шаньково, 2 — селище у Чертова городища, 3 — городище Акиньишино, 4 — городище Петровское, 5 — городище Щепилово, 6 — городище Велегож, 7 — городище Нижняя Городня.

Б — находки пластинчатых обойм с кольцами и колец.

1, 2 — Шаньково, курган 1; 3, 5 — городище Щепилово; 4 — городище Петровское; 6, 7 — городище Акиньишино.

1–2 — по Н. И. Булычеву, 3 — по С. А. Изюмовой, 4, 7 — рисунок и фотография А. М. Воронцова, 5, 6 — рисунок М. А. Воронцовой

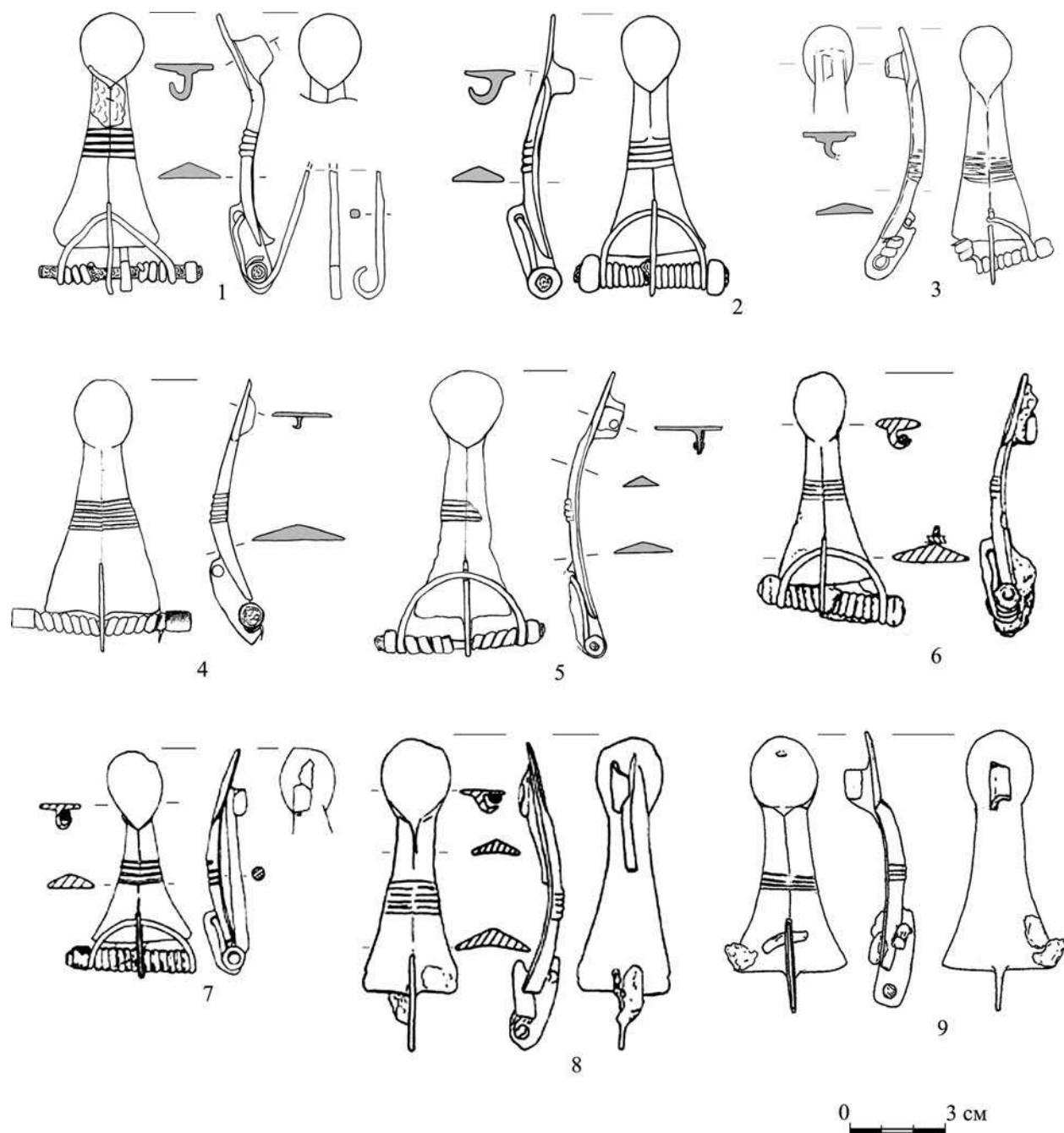

Рис. 42. Окские фибулы с кнопкой с городища Велегож и их аналогии.

1–2 — городище Велегож; 3 — Ксизово 8; 4 — городище Поречье; 5 — селище у Чертова городища; 6 — Шатрищенский могильник, погр. 85; 7 — могильник Ундрих, яма 33; 8 — Шаньково, курган 3; 9 — Закопищенский могильник, погр. 3.

1–2, 5 — рисунки А. М. Воронцова; 3, 4 — рисунки И. О. Гавритухина; 6, 7, 9 — рисунки И. Р. Ахмедова; 8 — рисунок А. К. Амброза

Рис. 43. Городище Велегож, шурф на месте раскопа 2, находка клада

Рис. 44. Городище Велегож, шурф на месте раскопа 2, клад в ходе расчистки

Рис. 45. Велегожский клад в ходе расчистки. Латунные спиральные многовитковые браслеты

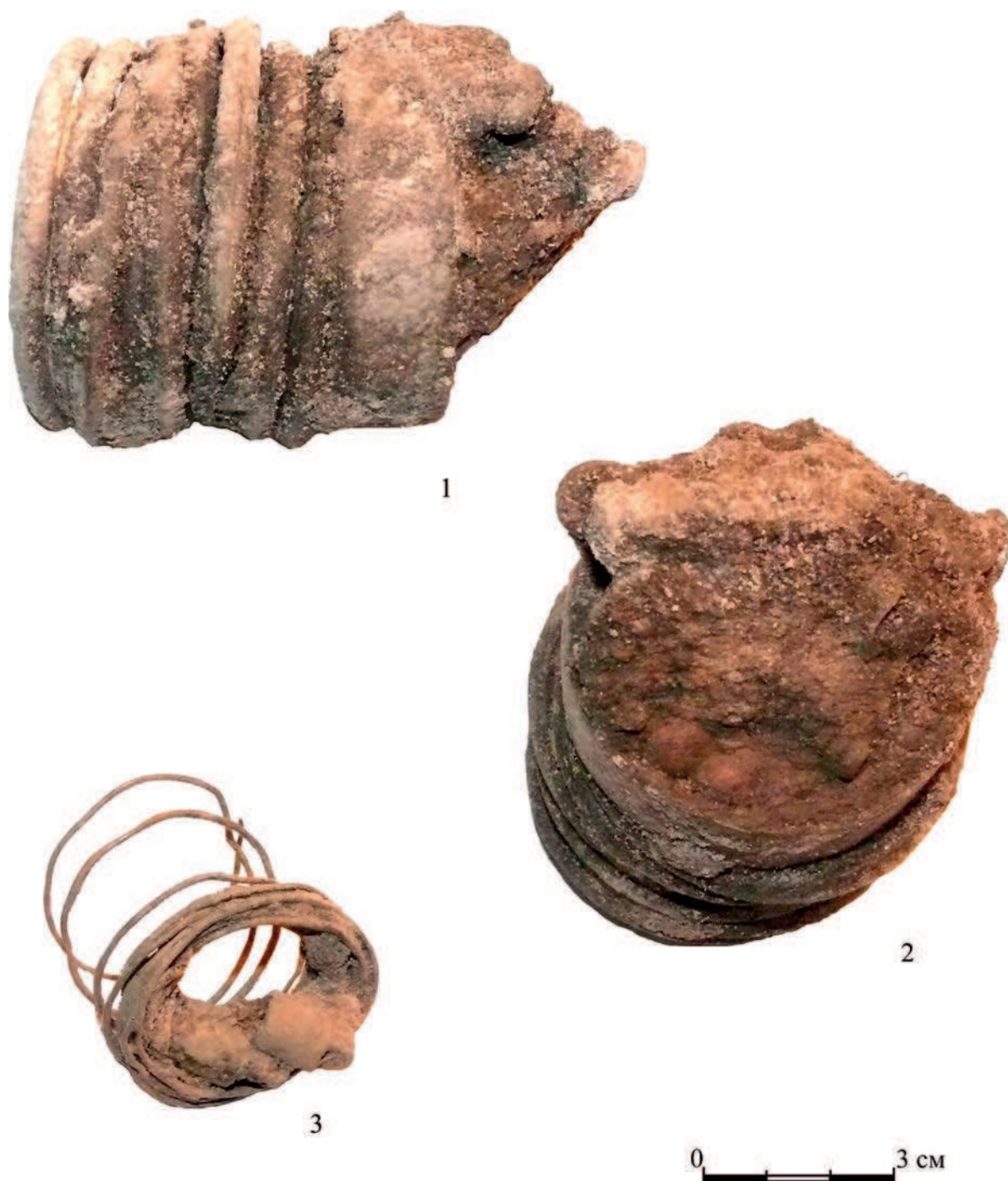

Рис. 46. Городище Велегожский клад в ходе расчистки. Латунный спиральный многовитковый браслет (1-2) и серебряные спирали (3)

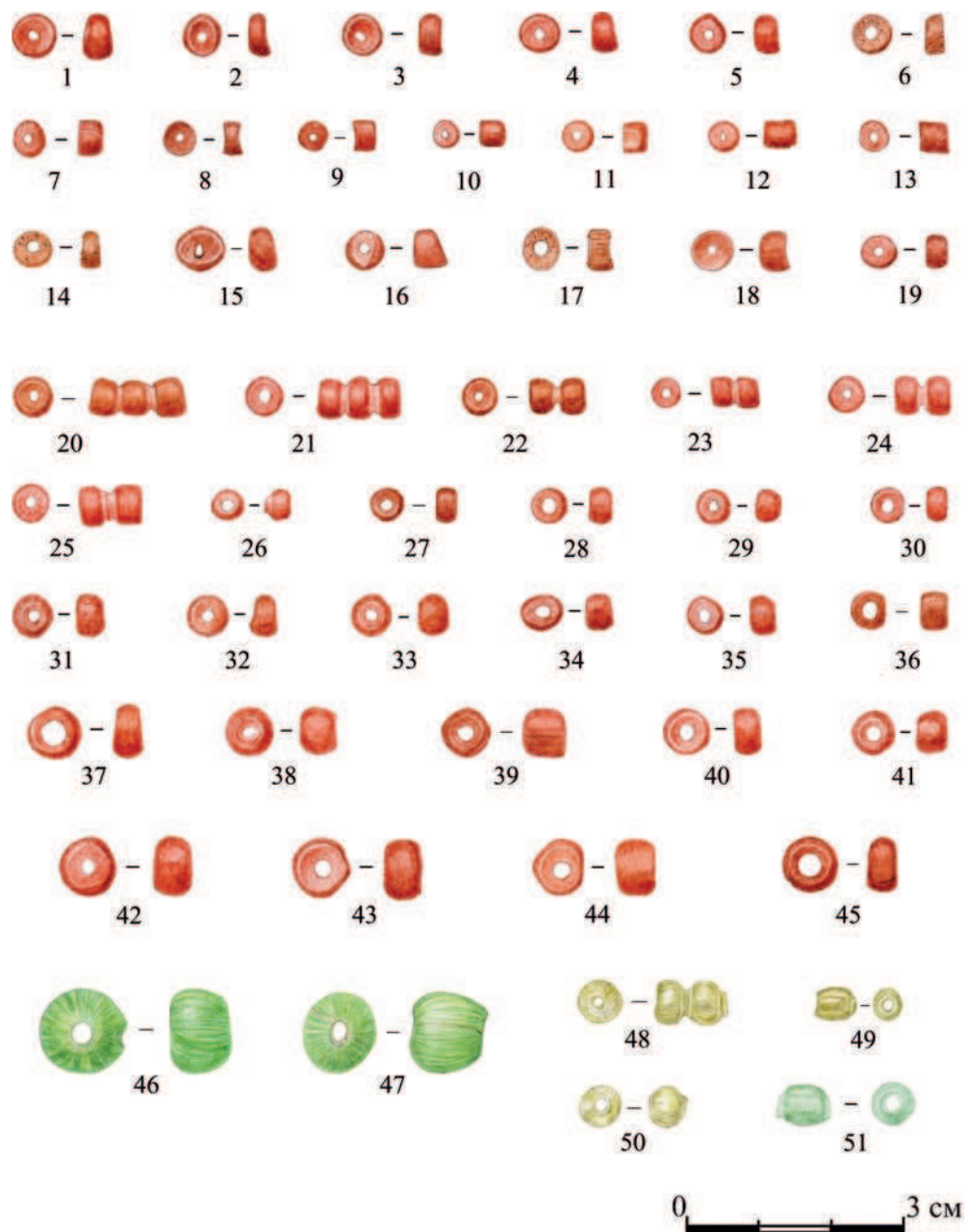

Рис. 47. Монохромные стеклянные бусы, изготовленные из отрезков тянутых трубочек из Велегожского клада.

1–19 — «рубленный» бисер; 20–51 — трубочка, разделенная на части ножницами или щипцами; 1–45 — красное глухое стекло; 46, 47 — ярко-зеленое глухое стекло; 48–51 — оливковое прозрачное стекло.

Рисунки Н.Д. Угулава

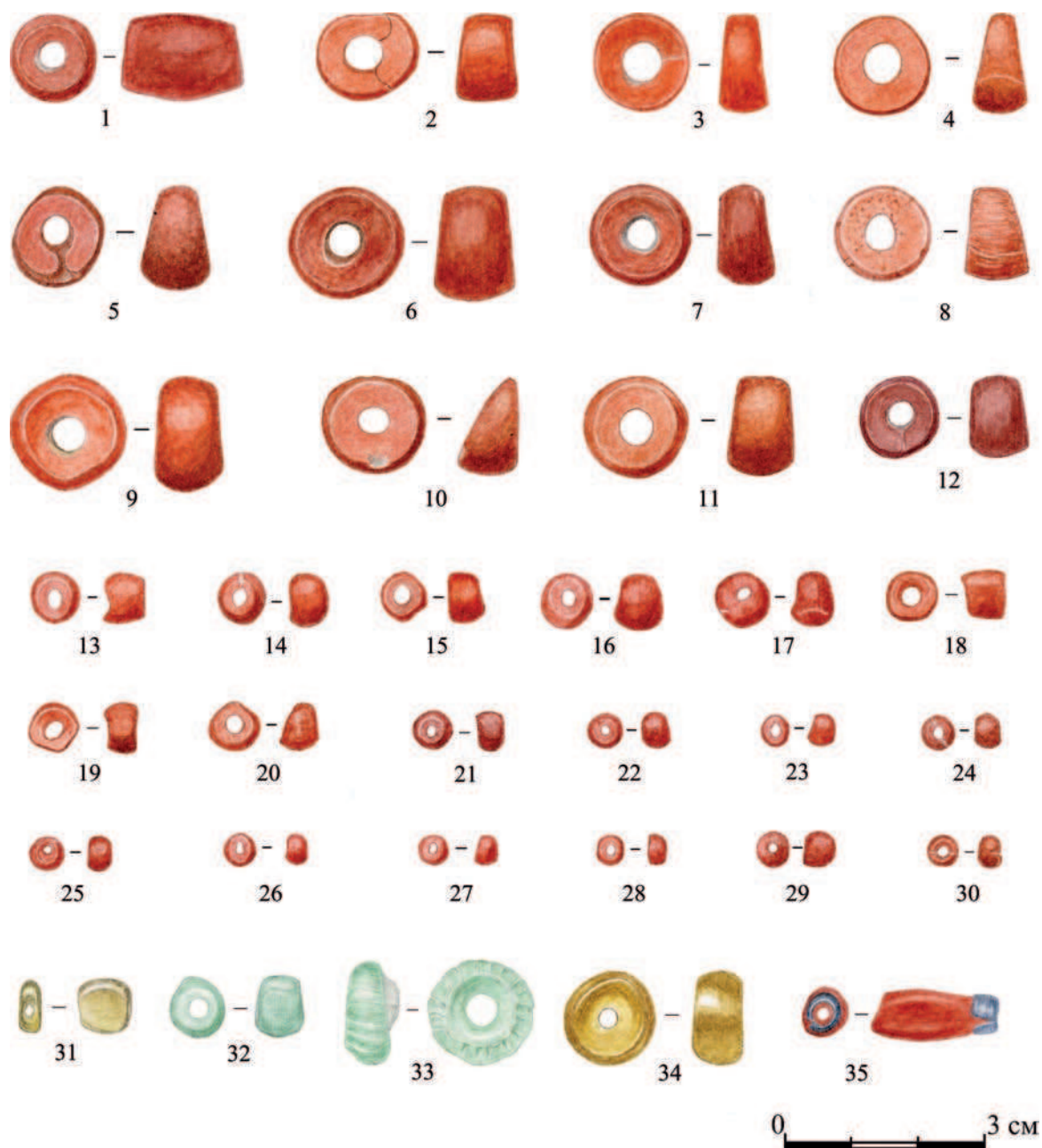

Рис. 48. Монохромные стеклянные бусы, изготовленные по разным технологиям из Велегожского клада.

1–11, 13–31 — отрезки тянутых палочек; 12 — однократное обертывание; 32, 33 — навивка; 34 — технология не определена; 1–30 — красное глухое стекло; 31 — оливковое прозрачное стекло; 32 — зелено-голубое глухое стекло; 33 — зелено-голубое прозрачное стекло; 34 — желто-коричневое прозрачное стекло; 35 — красное глухое стекло с накладным декором темно-синего прозрачного стекла (основа: отрезок тянутой палочки).

Рисунки Н.Д. Угулава

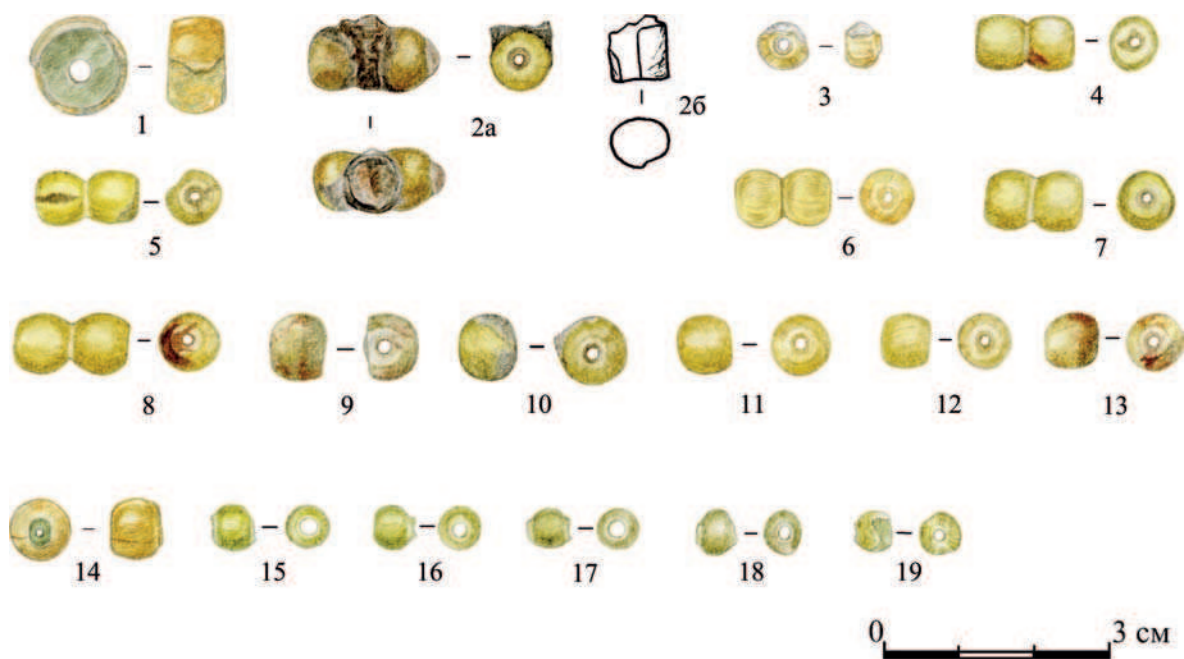

Рис. 49. Золотостеклянные бусы из Велегожского клада.

2 — бусина с приклепавшей ведерковидной подвеской (2а — бусина; 2б — ведерковидная подвеска), 15–19 — фрагменты бусин (внутренний слой со следами металлической прокладки).

Рисунки Н.Д. Угулава

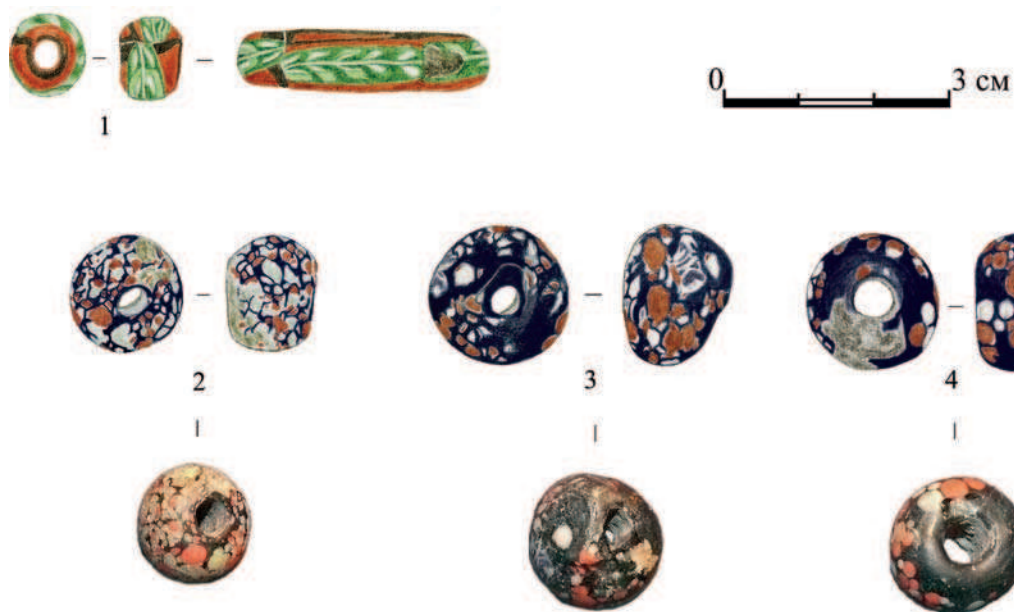

Рис. 50. Стекланные полихромные бусы из Велегожского клада.

1 — «полихромная бусина с декором в виде накладной ленты в технике миллефиори; 2–4 — крапчатые бусы.

Рисунки Н.Д. Угулава

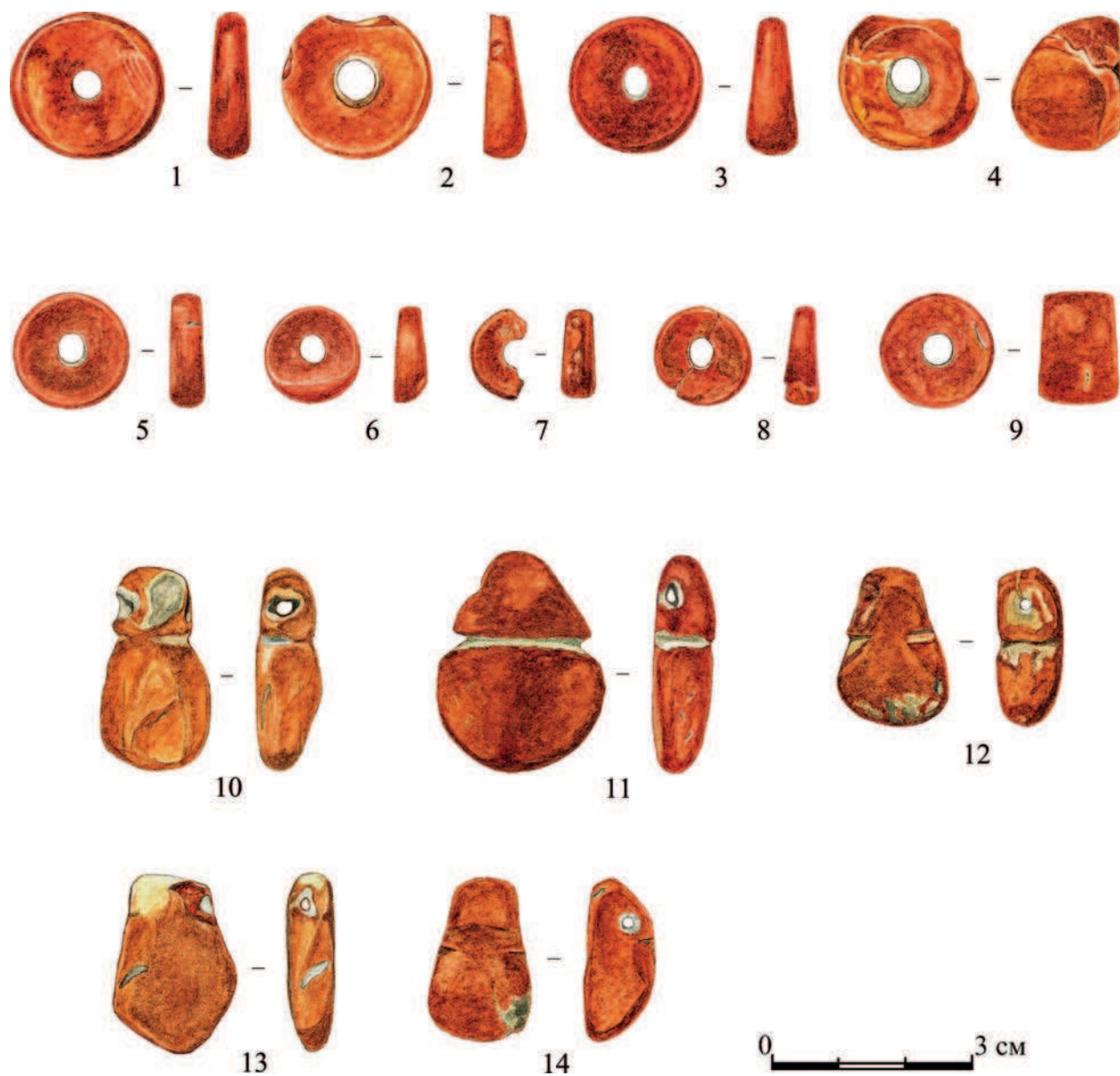

Рис. 51. Янтарные бусы из Велегожского клада.
1–3, 5–8 — «бусы дисковидной формы; 4, 9 — бусы цилиндрической формы; 10–12 — бусы грибовидной формы; 13, 14 — бусы аморфной формы.
Рисунки Н.Д. Угулава

СТЕКЛЯННЫЕ ПОЛИХРОМНЫЕ И ЯНТАРНЫЕ БУСЫ ИЗ ВЕЛЕГОЖСКОГО КЛАДА¹

В данной статье будут рассмотрены янтарные и стеклянные полихромные бусы из клада, найденного на городище Велегож в слое мощинской культуры (публикацию памятника и клада см. в данном сборнике — статья А. М. Воронцова и Е. В. Столярова). Всего в составе клада было 132 экземпляра бус. Монохромные (и одна близкая им, с накладным декором), а также золото-стеклянные бусы рассмотрены отдельно (см. статью О. С. Румянцевой в данном сборнике).

Янтарные бусы

Янтарные дисковидные и цилиндрические бусы в кладе представлены семью экземплярами дисковидной (рис. 51: 1–3, 5–8) и двумя экземплярами цилиндрической формы (рис. 51: 4, 9), диаметром от 15 до 25 мм (кат.² № 1–9; подробнее см. приложение). Поскольку бусы дисковидной и цилиндрической формы практически всегда встречаются в одних и тех же комплексах и следовательно распространяются одинаково, то рассматриваться они будут суммарно, как дисковидные. Исследуемые бусы обработаны на токарном станке, имеют четкую фаску³, ровные гладкие площадки у каналов. Следы сверления каналов отсутствуют, возможно, они прожигались, а затем дополнительно обтачивались, так как края каналов — четкие, не оплавленные. Обработка всех изделий проведена удивительно одинаково: они тщательно отшлифованы, возможно с полировкой, но при этом сохраняются четкие очертания края фаски. Наряду с этим у всех бус наблюдается одна и та же погрешность — при вытачивании диск бусины в поперечном сечении получается неравномерной толщины. Все бусы изготовлены из одного сорта янтаря — полупрозрачного, красно-коричневого, так называемого трещиноватого. Вероятнее всего, эти изделия являются продукцией одной мастерской, а возможно, учитывая имеющуюся одинаковую технологическую погрешность, и одного мастера. Скорее всего, эти бусы попали в состав набора вместе, в качестве единовременной поставки.

Как уже отмечалось выше, бусы были обработаны, скорее всего, на токарном станке, о чем свидетельствует

ряд технологических признаков. По мнению М. Темпельман-Мончыньской, это обстоятельство является очень важным для хронологического изучения янтарных украшений⁴. На территории центральноевропейского Барбарикума самое раннее появление дисковидных бус такой модификации относится к фазе B2/C1–C1a (160/180–210/230 гг.), но они продолжают существовать также до фазы D (360/370–440/450 гг.)⁵ и даже позднее [тип 429–430: Tempelmann-Mączyńska, 1985. S. 75. Taf. 16: 429, 430]. Наибольшая концентрация бус этого типа датируется фазой C2 (250/260–300/320 гг.) и наблюдается на территории Средней Германии [Tempelmann-Mączyńska, 1985. S. 75]. Они также хорошо представлены в поздне-римское время на землях Польского Поморья, на Нижней Висле и на территории западных балтов [Tempelmann-Mączyńska, 1985. Taf. 67].

Известны эти бусы и в черняховской культуре. О. В. Гопкало выделяет изготовленные с применением токарного станка янтарные бусы с такими же морфологическими характеристиками, как у велегожских бус, в тип IV/1a,б [Гопкало, 2008. С. 69. Табл. VIII: IVa, б]. Исследовательница считает их хроноиндикаторами раннего этапа черняховской культуры [Бобровская (Гопкало), 1999. С. 156. Рис. 4: 5], который, согласно существующим схемам хронологии черняховской культуры [Гороховский, 1988; Шаров, 1992; Гей, Бажан, 1997], приходится примерно на 220/230–270/280 гг.

В Северном Причерноморье подобные бусы из янтаря дисковидной формы, по данным Е. М. Алексеевой, были распространены во II–III вв., но особенно популярными становятся в IV в. [тип 11: Алексеева, 1978. С. 24. Табл. 23: 8].

На памятниках лесной и лесостепной зоны Центральной России украшения из янтаря встречаются не часто. Например, четыре янтарные бусины (дисковидные — 3, цилиндрическая — 1) были найдены в богатом женском погребении на поселении Мухино 2 в Верхнем Подонье. Могила датируется концом фазы D2 (380/400–440/450 гг.) — началом фазы D2/D3 (430/440–460/470 гг.), то есть около 430–450 гг. [Мастыкова, Земцов, 2014. С. 210–212. Цв. илл. XVII: 11, 14, 18, 19]. Од-

¹ В тексте статьи даны ссылки на рисунки к статье А. М. Воронцова и Е. В. Столярова в настоящем сборнике: рис. 50, 51 (см. цв. вкл.).

² Здесь и далее «кат.» — каталог янтарных и стеклянных бус с морфологическими и технологическими характеристиками (см. приложение).

³ Поверхность, образованная срезом/обточкой ребра.

⁴ Благодарю Магдалену Мончыньскую (Темпельман-Мончыньскую) за любезные консультации.

⁵ Здесь и далее используется общеевропейская хронология Барбарикума, см.: Godłowski, 1970; Tejral, 1988; 1997; 2007; Shchukin, Kazanski, Sharov, 2006.

нако по своим технологическим параметрам мухинские янтарные бусы отличаются от велегожских отсутствием четких форм, фасок, ровных площадок у каналов. Янтарные дисковидные бусы из погребения в Мухино скорее тяготеют к кругу изделий V в., нежели более раннего времени.

Итак, велегожские янтарные дисковидные бусы (рис. 51: 1–9), судя по их морфологическим признакам, характерны преимущественно для фазы С2 (250/260–300/320 гг.) и, возможно, фазы С3 (300/320–350/370 гг.).

Янтарные фигурные бусы-подвески представлены 5 экземплярами достаточно крупного размера — от 27,5 мм до 37,5 мм (кат. № 10–14; подробнее см. приложение; рис. 51: 10–14). Среди них 3 экземпляра можно отнести к бусам грибовидной (или, как ее еще называют, восьмерковидной) формы (рис. 51: 10–12). Эти подвески имеют горизонтальный желобок при переходе от нижней части подвески к верхней. Все они уплощены с одной стороны и в поперечном сечении имеют форму восьмерки. Среди них отличается один экземпляр, имеющий сильно профилированную головку конической формы («треуголку»), из-за чего эта подвеска действительно напоминает гриб (рис. 51: 11).

Два других экземпляра янтарных подвесок имеют аморфную форму, и отнесение их к грибовидным довольно условно (рис. 51: 13, 14). У этих подвесок переход от нижней части к верхней отмечен лишь небольшими боковыми подпилами. В поперечном сечении одна подвеска имеет форму вытянутого овала (рис. 51: 13), другая — неправильную форму (рис. 51: 14). Обе подвески имеют уплощение с одной стороны. Не исключено, что они были заготовками для грибовидных подвесок.

Янтарные грибовидные бусы-подвески Велегожского клада (рис. 51: 10–14), вероятно, были изготовлены с помощью токарного станка, как и дисковидные бусы. Так же как дисковидные бусы, видимо, все они были сделаны в одной мастерской, возможно, одним мастером, поскольку их обработка отличалась одной и той же технологической особенностью — уплощением с одной стороны. Все подвески только отшлифованы, не имеют окончательной полировки, часто сохраняется изгиб заготовки изделия. Изготовлены они из одного сорта янтаря — полупрозрачного, красно-коричневого, так называемого трещиноватого. По всей видимости, поставка этой группы янтарных изделий была тоже единовременной.

Грибовидные подвески с профилированной головкой, подобные велегожским (рис. 51: 10, 11), лучше всего представлены на территории Польского Поморья, Мазурии, Средней Германии и Чехии. Они были широко распространены на протяжении фаз С1b и С2, то есть около 220/230–300/320 гг., но продолжали бытовать до фазы D включительно (360/370–440/450 гг.) [тип 471d, g по: Tempelmann-Mączyńska, 1985. S. 85, 86. Taf. 18, 471 d, g]. Чаще всего грибовидные подвески типа 471 встречаются совместно с арбалетными подвязными фибулами и их дериватами, в закрытых комплексах фазы С2 (250/260–300/320 гг.), например, в таких «классических» могилах этого периода, как погр. 8 в Хасслебене (Haßleben), Ниенбург (Nienburg), Гундельсхайм (Gundelsheim), Вильдшютц (Wildschütz) и др. [Tempelmann-Mączyńska, 1985. S. 84; Мастыкова, 1999. С. 172. Рис. 9–11].

В черняховской культуре велегожским подвескам по морфологическим характеристикам наиболее соответствуют находки из могильников Данчены, погр. 292, Косаново, погр. 1–1963 (№ 22), возможно, Привольное, погр. 10, выделенные О. В. Гопкало⁶ в тип VIII/2, вариант б — высотой от 2 до 3,5 см [Гопкало, 2008. С. 71. Табл. VIII: VIIIб]. По ее мнению, такие грибовидные подвески появляются с фибулами с высоким приемником (группы Альмгрен VII) так называемой городничкой серии, датируемой, в соответствии с хронологической схемой Е. Л. Гороховского, около 230–270 гг. [Гопкало, 2008. С. 71, 88. Рис. 3.2: I]. О. В. Гопкало отмечает следующую закономерность в распространении грибовидных бус на памятниках черняховской культуры: подвески размером от 2 до 3,5 см зафиксированы в группе погребений последней трети — конца III в., а маленькие уплощенные подвески «грибочки» — в погребениях 2-й трети IV в. [Гопкало, 2008. С. 107–109].

Янтарные грибовидные подвески известны и в Северном Причерноморье. По данным А. А. Стояновой, в Крыму их насчитывается около 280 экземпляров (с учетом свода Е. М. Алексеевой, которая выделила их в тип 21 [Алексеева, 1978. С. 24, 25]), при этом подавляющее большинство происходит с памятников Юго-Западного и Центрального Крыма, где они характерны преимущественно для IV в. [Стоянова, 2005. С. 161; 2006⁷. Т. 2. С. 101–105]. Самые ранние находки грибовидных подвесок происходят здесь из погр. 720 некрополя Усть-Альма, которое по бронзовой посуде и золотым украшениям авторы публикации относят приблизительно к середине I в. н.э. [Puzdrovskij, Zajcev, 2004. S. 233–253, 266, 267. Abb. 3: 1 I, m, n]. Отмечена грибовидная подвеска и в материалах первой половины III в., например, в погр. 193 некрополя Нейзац [Стоянова, 2005. С. 159. Рис. 2: 33]. Учитывая эти находки, по мнению А. А. Стояновой, дату грибовидных бус можно определять от I в. до IV в. включительно [2006. Т. 2. С. 101–105]. Но более всего велегожские грибовидные подвески по морфологическим параметрам совпадают с находками из некрополя Дружное, который функционировал во 2-й половине III — IV в. (погр. 20, 2-я половина III — самое начало IV в.; погр. 27, вероятно, IV в.; погр. 32 — ограблено; подбойная могила 73, IV в.; погр. 84, IV в. [Хайрединова, 1995. С. 75; Храпунов, Власов, 1998. С. 239–243. Рис. 5: 23; Храпунов, 2002. С. 68–71; Стоянова, 2006. Рис. Б.27: 4, 5, 6, 8, 16, 18]), а также с бусами из погр. 156, некрополя Нейзац, которое датируется 2-й половиной III — началом IV в. [Стоянова, 2006. Рис. Б.27: 34–37; Храпунов, 2003. Рис. 7, 12, 14; Храпунов, 2011. С. 15–18].

Грибовидные подвески существуют, как было отмечено выше, достаточно продолжительное время и могут «доживать» до начала — 1-й половины V в. Например, такие подвески имеются в погр. 14, 22, 25 могильника Жерники Велки (Żerniki Wielkie) фазы D, то есть 360/370–440/450 гг., на территории Силезии, или же в погр. 363, датированном временем около 400 г., аламанского некрополя Шлетхейм-Хебсак (Schleitheim-Hebsack) на территории Швейцарии [Tempelmann-Mączyńska, 1985. S. 123–125. Tab. 14. Abb. 21: 2, 3, 4; Ruckstuhl, 1988. Abb. 6: 4, j; Мастыкова, 1999. С. 171]. Однако в этих поздних захоронениях грибовидные подвески представлены са-

⁶ Благодарю Оксану Викторовну Гопкало за любезные консультации.

⁷ Приношу искреннюю признательность Анастасии Анзоровне Стояновой за предоставленную возможность пользоваться материалами ее кандидатской диссертации (2006).

мым простым типом этой категории находок (тип 465 по: Tempelmann-Mączyńska, 1985. Taf. 18: 465). В закрытых комплексах этого времени янтарные грибовидные бусы присутствуют в одном или двух экземплярах и имеют очень небольшие размеры — это маленькие «грибочки» с узкой головкой. Такая же закономерность, как уже говорилось, наблюдается и на памятниках черняховской культуры — для погребений 2-й трети IV в. характерно присутствие маленьких уплощенных грибовидных подвесок [Гопкало, 2008. С. 109].

Наличие в Велегожском кладе пяти грибовидных подвесок крупного размера, из которых три экземпляра «развитой» формы (рис. 51: 10–12), позволяет предположить, что они относятся к более раннему времени, а именно к фазе C2, то есть 250/260–300/320 гг. [Tempelmann-Mączyńska, 1985. S. 84], когда они особенно широко распространены, не исключая и последующей фазы C3 (300/320–350/370 гг.).

Подводя итог, следует отметить, что клад, состоящий из такого количества янтарных дисковидных и грибовидных бус (14 экз.; рис. 51: 1–14), — это исключительная находка для памятников лесной и лесостепной зоны Центральной России. И если бусы дисковидной формы все же встречаются (упоминавшееся богатое погребение на поселении Мухино 2 на Верхнем Дону), то находки грибовидных янтарных бус на территории центральных регионов России мне не известны.

Стеклянные полихромные бусы

В составе клада были обнаружены полихромные бусы двух типов: с накладным мозаичным декором (рис. 50: 1) и так называемые крапчатые (рис. 50: 2–4).

Полихромная бусина с декором в виде накладной ленты в технике миллефиори — это небольшого размера бусина (рис. 50: 1), диаметром 10,5–11,5 мм (кат. № 15; подробнее см. приложение). Изготовлена она путем одноразового обертывания основы вокруг инструмента, имеется шов соединения. Сама основа бусины сделана из серо-зеленого полупрозрачного стекла, но за счет тонкого поверхностного слоя, покрывающего все тулово и канал, бусина приобрела красный цвет и стала непрозрачной⁸. На это красное непрозрачное ядро бусины была наложена мозаичная лента, имеющая декор в виде горизонтально расположенной веточки с желто-белыми листьями на зеленом фоне (рис. 50: 1).

Данная бусина выделяется в велегожском наборе своей архаичностью. Поиск типологических параллелей показал, что подобные бусы встречаются не часто и декор у приведенных аналогичных изделий никогда полностью не совпадает.

Бусы с накладной полоской, выполненной в технике миллефиори, — желтая веточка с листьями на зеленом фоне — фиксируются в материалах могильников Окско-Сурского междуречья [Румянцева, 2008. С. 91. Рис. 2: 10, 15]:

– Кошибеевский могильник, погр. 24, которое И. Р. Ахмедов и И. В. Белоцерковская по сопровождающему погребальному инвентарю датируют концом I — 1-й половиной III в. [1999. С. 58]⁹;

– Абрамовский могильник, погр. 126. К сожалению, материалы этого памятника до сих пор полностью не опубликованы, но о датировке этого могильника уже существует обширная литература. На сегодняшний день различными исследователями определены следующие хронологические рамки Абрамовского могильника: от рубежа III и IV вв. до середины VIII в. [Ставицкий и др., 2012; там же см. подробную библиографию]. В. В. Ставицкий и В. Н. Шитов [2013. С. 255–278] выделяют 7 хронологических участков на этом могильнике. Интересующее нас погр. 126 отнесено ими к четвертому хронологическому участку, который суммарно датируется концом IV — 1-й половиной V в. [Ставицкий, Шитов, 2013. С. 262, 263]. К сожалению, авторы не дают список признаков, по которым они делят могильник на разновременные участки и не приводят таблицы комплексов, а оперируют лишь отдельными находками из могил различных участков, что не дает возможности проверить их выводы.

Известны подобные бусы и в Северном Причерноморье. В своде Е. М. Алексеевой бусы из глухого красного стекла с полосой темно-зеленого или лилового цвета, украшенной желтой веткой с листьями, отмечены в Ольвии, Пантикапее, Фанагории, Керах (тип 415 по: Алексеева, 1982. С. 38. Табл. 48: 16, 17). Е. М. Алексеева [1982. С. 38] суммарно датирует их концом I в. до н.э. — II в. н.э.

В Юго-Западном Крыму бусина подобного типа, также из глухого красного стекла с аналогичным декором, найдена на могильнике Бельбек IV в погр. 11, которое по погребальному инвентарю отнесено к 3-й четверти I в. н.э. [Столярова, 2001. Рис. 1: 28; Табл. 18: 11].

На территории центральноевропейского Барбарикума, как отмечает М. Темпельман-Мончынська, бусы с подобным декором крайне редки; ей известны только 6 находок, и концентрируются они на весьма компактной территории — на Нижней Висле и в зоне Вислинского залива. Это такие памятники, как Любовидз (Lubowidz), Щитно, (Szczytno), Цепле (Cieple), Мациево (Maciejewo), Кунтерштраух (Kunterstrauch) с бусами типа 355a–c [Tempelmann-Mączyńska, 1985. S. 58, 59. Taf. 11: 355a–c; Taf. 54]¹⁰. Фиксируются находки таких бус в ранних комплексах, фаз B1 (10/20–70/80 гг.) и B2 (70/80–160/170 гг.) вместе с фибулами Альмгрен IV 68, Альмгрен III 53, 58, 60/61, возможно, Альмгрен IV 92, Альмгрен II 38, Альмгрен V 120–124 [Tempelmann-Mączyńska, 1985. S. 59. Tab. 8].

Бусы из красного глухого стекла, декорированные черной полосой с желтыми листиками, известны также на могильнике вельбаркской культуры Веклице (Weklice) (восточная окраина дельты Вислы). Два таких экземпляра были найдены в погр. 330 [Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn, 2011. P. 90, 91. Pl. CXLIV: Grave 330, 14,

⁸ Такую же технологическую особенность фиксирует Е. К. Столярова у некоторых стеклянных бус из могильника Бельбек IV (Юго-Западный Крым, окраина г. Севастополя); памятник в целом датируется второй четвертью I — первой половиной III в. Ею отмечено, что в некоторых случаях использование небольшой концентрации окиси меди для окрашивания стекол и отжига бус в восстановительной среде приводит к тому, что внешний слой бусины приобретает красно-коричневый цвет, но внутри она остается зеленой [Столярова, 2012. С. 246, 247].

⁹ Как мне сообщил Илья Рафаэлевич Ахмедов, в настоящее время им готовится работа о распространении восточноевропейских выемчатых эмалей, в которой данный комплекс он относит к рубежу II и III вв. Пользуясь случаем, благодарю его за любезно предоставленную информацию.

¹⁰ Бусы из Любовидз и Щитно, отнесенные М. Темпельман-Мончынської к этому типу, отличаются от других небольшим размером и сильно выступающим рельефным накладным декором (тип 355b по: Tempelmann-Mączyńska, 1985. S. 186. Taf. 11: 355b).

15], которое авторами отнесено к стадии IIB/IIC относительной хронологии этого могильника, что соответствует фазам B2b–B2c¹¹, то есть примерно от 100 до 150/160 гг. [Natuniewicz–Sekula, Okulicz–Kozaryn, 2011. P. 126. Tab. 1].

Таким образом, собранные аналогии свидетельствуют, что бусы такого типа (рис. 50: 1) были распространены в основном в I–II вв. и лишь в отдельных случаях, возможно, датируются началом III в. (Кошибеево, погр. 24).

Так называемые крапчатые бусы, у которых темно-синее тулово (поверхность изделия выглядит как черная, темно-синий цвет выявляется лишь в сколе) покрыто накладным плоским полихромным декором в виде многочисленных беспорядочных крапинок-пятнышек красно-коричневого, белого, в одном случае зеленого цветов. Они представлены 3 экземплярами, диаметром от 15,5 до 19 мм (кат. № 16–18; подробнее см. приложение; рис. 50: 2–4). Изготовлены бусы из палочек. Каналы у двух бусин имеют с одной стороны вогнутый край, а с другой — сильно выгнутый рваный край, за счет чего бусы приобрели шаровидную неправильную форму (рис. 50: 3) и шаровидно-кольцевидную неправильную форму (рис. 50: 4). Только в одном случае края каналов ровные, обработанные, и бусина имеет шаровидную, поперечно сжатую (усеченную) форму (рис. 50: 2).

Бусы с «крапчатым» декором (рис. 50: 2–4) известны на широкой территории от Абхазии и Верхнего Дона до Испании, они подробно анализировались в предыдущих работах (полную библиографию аналогий см.: Mastykova, Pilet, Egorkov, 2005. P. 299–311; Ivanišević, Kazanski, Mastykova, 2006. P. 73–76; Мастыкова, Плохов, 2010. С. 337–357; Мастыкова, Земцов, 2014). На территории Центральной России они известны на Верхнем Дону в богатом женском погребении на поселении Мухино 2, что свидетельствует об их присутствии в этой зоне во 2-й четверти V в. (конец фазы D2 — начало фазы D2/D3) [Мастыкова, Земцов, 2014. С. 212. Цв. илл. XVII: 1–8; Добровольская и др., 2015. С. 51]. На самом поселении Мухино 2 крапчатые бусы¹² (2 экз.) были обнаружены в культурном слое. Известны они также и на других верхнедонских памятниках: изолированная находка на поселении Замятино-8, которое по хронологическим индикаторам отнесено к позднему IV — 2-й половине V в. [Мастыкова, 2004. С. 84–88; Обломский, 2004. С. 144–147], и в культурном слое могильника Ксизово-19, в целом датируемого от конца IV до 2-й половины V в. [Румянцева, 2015. С. 242, 243. Рис. 294: 1, 4; Обломский, Козмирчук, 2015. С. 163, 164].

Пик распространения этого типа бус приходится на 2-ю треть V — начало VI в. (фазы D2/D3, D3 и D3/E). Наиболее показательные находки: Смолин (Smolin), Кишкунфеледьхаза (Kiskunfélegyháza) и Вышков (Vyškov) на Среднем Дунае, Аквасанта (Aquasanta) в Италии, Сен-Мартен-де-Фонтене (Saint-Martin-de-Fontenay) в Северной Франции и т.д. «Доживать» бусы этого типа могут до середины — третьей четверти VI в., как показывают находки в Юрьевской Горке, Лучистом, Плейдельсхайме (Pleidelsheim), Шуйи (Chouy) и др.

Имеющиеся в Велегожском кладе крапчатые бусы, казалось бы ничем не отличаются от вышеуказанных «классических» образцов бус этого типа. Однако обращает на себя внимание, что в данном комплексе крапчатые бусы, изготовленные из темно-синего стекла, на первый взгляд производят впечатление, что сделаны они из стекла черного цвета (рис. 50: 2–4). И в этом случае стоит вспомнить, что существует еще один тип бус, подобных крапчатым, — так называемые пятнистые. Они сделаны из черного стекла (по крайней мере так указывают авторы публикаций) и имеют многочисленные разноцветные пятнышки. Такие бусы распространены в более раннее время. Приведу несколько примеров.

Бусы из черного стекла с разноцветными пятнами отмечены на территории центральноевропейского Барбарикума. Фиксируются эти находки в комплексах от фазы C1b до фазы C2, что соответствует 220/230–300/320 гг. (типы 198d–198f по: Tempelmann–Mączyńska, 1985. S. 47, 48. Tab. 8. Taf. 4: 198d–f). В частности, бусы подобного типа известны на памятниках вельбаркской культуры. Например, черные бусы с желтыми, красными, зелеными, белыми и синими пятнышками обнаружены в «сарматских» погр. 133 и 200, 2-й половины III в., могильника Масломенч (Masłomęcz) на территории Юго-Восточной Польши [Schätze der Ostgoten, 1995. Abb. 44. S. 176–179]¹³. В погр. 36 могильника Петровичи в Западной Белоруссии (Брестская область), также вельбаркской культуры, встречены черные бусы с желтыми, красными, белыми и синими пятнами. Это погребение отнесено к фазе C1b, не исключая начала фазы C2, что соответствует 220/230–250/270 гг. [Белявец, 2006. С. 86. Мал. 3В: 28, 29].

Бусы с пятнистым декором представлены и на уже упоминавшемся вельбаркском могильнике Веклице (Weklice). Они были найдены в следующих комплексах:

– погр. 238 — бусина из черного непрозрачного стекла с нерегулярными голубыми, темно-синими, белыми и желтыми пятнами [Natuniewicz–Sekula, Okulicz–Kozaryn, 2011. P. 71, 72. Pl. XCVIII: Grave 238, 8]. Данный комплекс авторами публикации отнесен к стадии IIB/IIC, согласно периодизации могильника, что соответствует фазам B2b и B2c¹⁴, то есть примерно от 100 до 150/160 гг. [Natuniewicz–Sekula, Okulicz–Kozaryn, 2011. P. 126. Tab. 1];

– погр. 248 — бусина из черного непрозрачного стекла с нерегулярными красными и белыми пятнами [Natuniewicz–Sekula, Okulicz–Kozaryn, 2011. P. 73. Pl. CIII: 33]. Комплекс отнесен к стадии V, которая синхронизируется с фазой C2, вероятнее всего, с ее поздней частью — C2b, то есть примерно 270/280–300/320 гг. [Natuniewicz–Sekula, Okulicz–Kozaryn, 2011. P. 126. Tab. 1];

– погр. 256 — бусина из черного непрозрачного стекла с нерегулярными с желтым и голубым пятнами [Natuniewicz–Sekula, Okulicz–Kozaryn, 2011. P. 76. Pl. CVIII: Grave 256, 28]. Этот комплекс отнесен к стадии IIIB, что соответствует фазам от B2/C1 до C1a, то есть от 150/160 до 200–210/230 гг. [Natuniewicz–Sekula, Okulicz–Kozaryn, 2011. P. 126. Tab. 1];

¹¹ Авторами используются следующие хронологические схемы: Eggers, 1951; Godłowski, 1974; Wołagiewicz, 1968; 1981.

¹² Приношу благодарность автору раскопок Григорию Леонидовичу Земцову за любезно предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованными материалами поселения Мухино 2.

¹³ Некоторые исследователи, в частности А. Коковский, выделяют памятники типа Масломенч в отдельную культурную группу (см.: Kokowski, 1995; Kokowski, 1997).

¹⁴ Авторами используются следующие хронологические схемы: Eggers, 1951; Godłowski, 1974; Wołagiewicz, 1968; 1981.

– погр. 416 — две бусины из черного непрозрачного стекла с нерегулярными с желтым и синими пятнами [Natiniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn, 2011. P. 107. Pl. CLXXXIV: 10, 11]. Комплекс относится к стадии IVA/IVB, то есть пограничью фаз C1b и C2, примерно 250–280 гг. [Natiniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn, 2011. P. 126. Tab. 1].

Черная непрозрачная бусина с синими, белыми, желтыми, зелеными, красными пятнами зафиксирована в погр. 1 некрополя Полчин-Здруй (Połczyn Zdrój; Западно-Поморское воеводство на северо-западе Польши), датированного фазой D, то есть 360/370–440/450 гг. (Тур Op1. F1. 3 по: Stawiarska, 1987. S. 58).

В Северном Причерноморье черные пятнистые бусы также хорошо известны. Черная бусина с пятнистым (бирюзовым, зеленым, белым, бордовым, печеночно-красным, желтым) декором представлена в колье, находившемся в саркофаге знаменитого керченского погребения 1837 г. с Золотой маской [Френкель, 2009. С. 99. Ил. 8.]. Весь набор бус Я.В. Френкель датирует 2-й половиной III в. [2009. С. 114], что соответствует дате комплекса по металлическому инвентарю [Shchukin M., Kazanski M., Sharov O., 2006. P. 97; Шаров, 2009. С. 42]. Для этого же комплекса предлагается и несколько более поздняя дата — 1-я половина IV в. [Трейстер, 2009. С. 62]. Но в любом случае бусина с пятнистым декором из керченского погребения с Золотой маской попадает в хронологический период, соответствующий фазам C2–C3, то есть 250/260–350/370 гг.

Черная бусина с желтыми, синими, зелеными крапинками в погр. 9 (35) Чернореченского могильника, близ современного Севастополя, была найдена вместе с монетами Каракаллы (211–217 гг.) и Гордиана III (238–244 гг.) [Бабенников, 1963. С. 97–100. Табл. III: 29; VII: 2, 6, 7]. Также в юго-западной части Крыма черные непрозрачные бусы с белыми, красными, желтыми, голубыми, зелеными мелкими пятнышками известны в погр. 4, 21, 24, 56 некрополя Дружное (тип 63 по: Хайрединова, 1995. С. 69. Табл. II: 23, 24, 28, 29). В целом могильник Дружное датируется 2-й половиной III — IV в.

Подобные бусы с многоцветным (розово-коричневый, белый, желтый, бежевый, зеленый, голубой) пятнистым декором встречены по одному экземпляру на черняховских памятниках: Будешты, погр. 206 и Данчены, погр. 292 (тип I/10 по: Гопкало, 2008. С. 48. Табл. V: 10, а, б). Как отмечает О.В. Гопкало [2008. С. 48], в комплексах раннего этапа черняховской культуры (220/230–270/280 гг.) такие бусы не встречаются; по ее мнению, они появляются не ранее последней трети III в.

Что касается находок таких бус в Северном Причерноморье, то интересные наблюдения сделала в своем своде Е.М. Алексеева. Подобные пятнистые бусы зафиксированы ею на многих памятниках Северного Причерноморья — Херсонес, Пантикапей, Горгиппия, Фанагория, Совхоз 10, Тирамба, Тузла и др. (тип 13 по: Алексеева, 1975. С. 57, 58). Однако, как отмечает автор, эти бусы лишь на вид кажутся сделанными из черного стекла, в действительности же они изготовлены, как и велегожские бусы, из темно-синего или глухого темно-лилового, бурого стекла, и имеют красные, белые, зеленые, желтые, голубые пятнышки-крапинки. Хронологические рамки для приведенных комплексов даются автором суммарно — от I до IV в. [Алексеева, 1975. С. 57, 58. Табл. 12: 74–85].

При этом Е.М. Алексеева выделяет еще один тип пятнистых бус — из темно-синего глухого или полупрозрачного стекла, декорированные разноцветными плоскими

и рельефными пятнышками. Они также фиксируются на ряде северопричерноморских памятников, но практически все комплексы, как отмечает Е.М. Алексеева, датировке не поддаются, кроме двух — Ф12 и С185: Фанагория, погр. 92/1938 г., которое она относит к III–IV вв., и Совхоз 10, склеп 8, отнесенный ко второй половине IV–V в. (тип 18 по: Алексеева, 1975. С. 58. Табл. 12: 90–94). Впрочем и эти датировки, на мой взгляд, требуют развернутой аргументации.

Но в Барбарикуме, на территории *Germania libera*, мне известен один случай, когда синяя (судя по рисунку) бусина, украшенная красными, белыми и зелеными пятнышками, была встречена в контексте позднеримского времени. Это находка на поселении Берге (Berge, Kr. Fritzlar-Homburg), которое функционировало от конца II — середины III в. до середины IV в. (тип 197 по: Tempelmann-Maczyńska, 1985. S. 48; Taf. 4: 197; Taf. 43).

Отмечен прецедент совместной находки пятнистых бус, как черного, так и синего стекла в ателье II–IV вв. по производству стеклянных бус, открытое в Тибикуме (Tibiscum) в римской провинции Дакия (тип XI по: Benea, 1997. S. 288. Abb. 11: 7).

Таким образом, бусы из черного стекла с пятнистым декором более всего характерны для фаз C2 и C3, то есть примерно от 250/260 до 350/370 гг. Мое пристальное внимание к этому типу бус и приведение такого количества аналогий из закрытых комплексов объясняется тем обстоятельством, что по крайней мере некоторые из них, как заметила Е.М. Алексеева, могут оказаться изготовленными из синей стеклянной массы, что делает их, казалось бы, практически неотличимыми от более поздних крапчатых бус. Можно отметить некоторые признаки, присущие пятнистым бусам как из черного, так и из синего стекла. Во-первых, они, как правило, имеют шаровидную поперечно сжатую (усеченную) форму, вторых, пятнышки отличаются гораздо большим разнообразием, чем у крапчатых. В ожерельях пятнистые бусы зачастую присутствуют вместе с грибовидными или/и дисковидными бусами из янтаря.

Итак, вполне возможно, что крапчатые бусы все-таки появились раньше, чем предполагалось. Об этом, на мой взгляд, свидетельствуют единичные находки пятнистых (будем называть их так) бус из синего стекла, например, в Берге и Тибикуме. Не исключено, что последние являются прототипами крапчатых бус, известных нам пока только по находкам эпохи Великого переселения народов.

* * *

Велегожский клад — второй комплекс на территории Центральной России (после богатого женского погребения с поселения Мухино 2), где встречены в большом количестве янтарные бусы в сочетании с крапчатыми, что делает важным сравнение наборов бус из этих комплексов. Мухинский набор отличается от велегожского, во-первых, присутствием янтарных дисковидных бус другой модификации и отсутствием грибовидных янтарных подвесок [Мастыкова, Земцов, 2014. Цв. илл. XVII]. Мухинское кольцо — это типичный «классический» набор 430/440–460/470 гг., где сбалансированно присутствуют крапчатые из сине-фиолетового стекла, дисковидные янтарные, мозаичные бусы (иного типа, чем в велегожском наборе), с единичными экземплярами монохромных бус и одной золотостеклянной (замечу, что в велегожском наборе насчитывается 19 экземпляров золотостеклянных бус). Мухинский набор бус, впрочем, как и весь убор

погребенной женщины, отражает понтийскую моду и одновременно напоминает наборы бус с центральноевропейских, точнее дунайских памятников (см. примеры в: Ivanišević, Kazanski, Mastykova, 2006. P. 101–105. Fig. 72). Интересен тот факт, что женщина, погребенная на поселении Мухино, была мигранткой, большую часть своей жизни прожила в условиях аридных ландшафтов, т.е. довольно далеко к югу от бассейна Верхнего Дона, и ее костюм демонстрирует моду другого региона (подробнее об этом см.: Добровольская и др., 2015).

На первый взгляд, наличие в Велегожском кладе хорошо изученных крапчатых бус (рис. 50: 2–4) позволяет отнести его к эпохе Великого переселения народов. Однако внимательное изучение этого набора бус дает возможность предположить и иную дату. Велегожский набор бус имеет три компонента: 1) набор бус, характерный для костюма рязано-окских и средневолжских финнов (золотостеклянные с преобладанием однотонных печеночно-красного цвета); 2) набор бус, типичный для «юго-западных» (по отношению к Поочью и Верхнему Дону) — вельбаркской и черняховской культур (дисковидные, грибовидные и мозаичная), с которыми связаны по происхождению и ведековидные подвески¹⁵; 3) крапчатые бусы, лучше всего известные для эпохи Великого переселения народов. При этом по технологическим характеристикам видно, что группы дисковидных и грибовидных бус из янтаря или золотостеклянные, поступали каждая от одного мастера (или мастерской). Скорее всего, эти группы бус попадали к владельцу клада одноразово, хотя и не обязательно одновременно.

Не исключено, что клад формировался поэтапно и самое позднее поступление здесь — это крапчатые бусы,

то в таком случае клад можно отнести ко времени наиболее раннего, известного нам, появления крапчатых бус на территории центральных регионов России, ко второй четверти V в.

В то же время клад выглядит достаточно гомогенным по составу. Золотостеклянные бусы (19 экз.), одноцветные печеночно-красные (75 экз.), грибовидные и дисковидные из янтаря (14 экз.), ведековидные подвески (17 экз.) представляют собой очень компактную в хронологическом отношении группу вещей, относящуюся в целом к фазам С2 и С3 (250/260–300/320 и 300/320–350/370 гг.). Так, янтарные дисковидные бусы (рис. 51: 1–9) по своим морфологическим признакам преимущественно характерны для фазы С2 и, возможно, С3. Грибовидные подвески из Велегожского клада, судя по их размерам и форме (рис. 1: 10–12), относятся скорее всего ко времени наибольшего распространения этого типа украшений, а именно к фазе С2, не исключая последующей фазы С3. Бусина с мозаичным пояском (рис. 50: 1), выделяющаяся своей архаичностью, по всем известным мне параллелям в закрытых комплексах, должна быть отнесена к I–II вв. и, возможно, к началу III в. О том, что основной состав бус Велегожского клада формировался в хронологический промежуток, соответствующий фазам С2 и С3 свидетельствует и наличие здесь металлических ведековидных подвесок. Загадку представляет присутствие в кладе крапчатых бус (рис. 50: 2–4), типичных для эпохи Великого переселения народов. Однако, как мы только что убедились, есть некоторые основания относить их появление к более раннему, чем считалось, времени, поскольку очень близкие бусы, вроде найденных в Берге и Тибикуме, существуют уже в позднеримскую эпоху.

Приложение

КАТАЛОГ ЯНТАРНЫХ И СТЕКЛЯННЫХ БУС

Бусы описываются набором признаков, расположенных в определенном порядке.

При описании формы изделия используется термин «фаска» — поверхность, образованная срезом/обточкой ребра.

Приводятся основные параметры изделий: D — максимальный размер бусины в поперечнике; H — измерение вдоль канала; d1, d2 — диаметры входного отверстия в канал.

При описании техники изготовления стеклянного предмета и декора перечисляется последовательность предполагаемых технологических операций. Обработка янтарных бус сводилась, вероятно, к таким действиям: обдирке янтаря от корки, обточке заготовки, сверлению или прожиганию канала, шлифованию, полировке. Вполне возможно, что последовательность обработки каменных бус по Г.Г. Леммлейну [1947. С. 23] допустима и в отношении янтарных изделий. Определить, были ли каналы на янтарных бусах рассматриваемой коллекции просверлены или прожжены, не удалось.

Янтарные бусы

1. 1 экз. (рис. 51: 1). **Материал:** янтарь
Сохранность предмета: полная форма
Форма предмета: дисковидная с четкой фаской
Размеры: D — 26×25 мм; H — 7 мм; d1 — 5,2 мм; d2 — 5,5 мм; ширина фаски от 5 до 6,5 мм
Канал: конический, ровные и гладкие площадки у каналов
Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, обработка канала, шлифование, полировка (?)
Цвет предмета: красно-коричневый с вишневым оттенком, так называемый трещиноватый
Прозрачность предмета: полупрозрачный
2. 1 экз. (рис. 51: 2). **Материал:** янтарь
Сохранность предмета: полная форма

¹⁵ В мои задачи не входит анализ металлических изделий (ведековидные подвески Поочья рассмотрены в работе А.М. Воронцова и Е.В. Столярова (см. статью в данном сборнике)), тем не менее хотелось бы отметить, что ведековидные подвески характерны в первую очередь для «юго-западных» культур позднеримского периода [Бажан, Каргопольцев, 1989. С. 166–169; Гопкало, 2008. С. 61, 63–66; Belâvec, Bitner-Wróblewska, 2010. S. 167–177], хотя для более раннего времени они типичны для скифо-сарматских древностей (см. подробнее: Бажан, Каргопольцев, 1989). Однако в материалах рязано-окских могильников ведековидные подвески зафиксированы и позднее: Заречье, погр. 55 — 2-й половины V в.; Заречье, погр. 99 и Кораблино, погр. 16, в целом датирующиеся V в. [Белоцерковская, 2012. С. 34].

- Форма предмета:** дисковидная с нечеткой фаской
Размеры: D — 25 мм; H — 6,5 мм; d1 — 6 мм; d2 — 6,5 мм; ширина фаски от 4 до 6,5 мм
Канал: конический, ровные и гладкие площадки у каналов
Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, обработка канала, шлифование, полировка (?)
Цвет предмета: красно-коричневый с вишневым оттенком, так называемый трещиноватый
Прозрачность предмета: полупрозрачный
3. 1 экз. (рис. 51: 3). **Материал:** янтарь
Сохранность предмета: полная форма
Форма предмета: дисковидная с четкой фаской
Размеры: D — 23,5×23 мм; H — 6,5 мм; d1 — 6×5 мм; d2 — 5,5×5 мм; ширина фаски от 5 до 8 мм
Канал: конический, ровные и гладкие площадки у каналов
Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, обработка канала, шлифование, полировка (?)
Цвет предмета: красно-коричневый, насыщенный, с вишневым оттенком, так называемый трещиноватый
Прозрачность предмета: полупрозрачный
4. 1 экз. (рис. 51: 4). **Материал:** янтарь
Сохранность предмета: неполная форма
Форма предмета: цилиндрическая неправильной формы
Размеры: D — 25×22 мм; H — 20 мм; d1 — 8,5×6 мм; d2 — 7 мм
Канал: конический
Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, обработка канала, шлифование, без полировки
Цвет предмета: красно-коричневый, так называемый трещиноватый
Прозрачность предмета: полупрозрачный
5. 1 экз. (рис. 51: 5). **Материал:** янтарь
Сохранность предмета: полная форма
Форма предмета: дисковидная с четкой фаской
Размеры: D — 19,5 мм; H — 5,5 мм; d1 — 5 мм; d2 — 5 мм; ширина фаски от 5 до 6 мм
Канал: цилиндрический, ровные и гладкие площадки у каналов
Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, обработка канала, шлифование, полировка (?)
Цвет предмета: красно-коричневый, насыщенный, с вишневым оттенком, так называемый трещиноватый
Прозрачность предмета: полупрозрачный
6. 1 экз. (рис. 51: 6). **Материал:** янтарь
Сохранность предмета: полная форма
Форма предмета: дисковидная с четкой фаской
Размеры: D — 16 мм; H — 5,5 мм; d1 — 5 мм; d2 — 5,5 мм; ширина фаски от 4 до 6 мм
Канал: конический, ровные и гладкие площадки у каналов
Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, обработка канала, шлифование, полировка (?)
Цвет предмета: красно-коричневый, насыщенный, с вишневым оттенком, так называемый трещиноватый
Прозрачность предмета: полупрозрачный
7. 1 экз. (рис. 51: 7). **Материал:** янтарь
Сохранность предмета: фрагмент (половина бусины)
Форма предмета: дисковидная с четкой фаской
Размеры: D ≈ 15 мм; H — 5,5 мм; d1, d2 — не определяются; ширина фаски ≈ 5,5 мм
Канал: не определяется
Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, обработка канала, шлифование, полировка (?)
Цвет предмета: красно-коричневый, насыщенный, с вишневым оттенком, так называемый трещиноватый
Прозрачность предмета: полупрозрачный
8. 1 экз. (рис. 51: 8). **Материал:** янтарь
Сохранность предмета: полная форма
Форма предмета: дисковидная с четкой фаской
Размеры: D — 17 мм; H — 5 мм; d1 — 5 мм; d2 — 5 мм; ширина фаски от 3 до 5,5 мм
Канал: конический, ровные и гладкие площадки у каналов
Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, обработка канала, шлифование, полировка (?)
Цвет предмета: красно-коричневый, с вишневым оттенком, трещиноватый
Прозрачность предмета: полупрозрачный
9. 1 экз. (рис. 51: 9). **Материал:** янтарь
Сохранность предмета: полная форма
Форма предмета: дисковидно-цилиндрическая
Размеры: D — 20 мм; H — 13 мм; d1 — 5,5 мм; d2 — 5,5 мм
Канал: цилиндрический, ровные и гладкие площадки у каналов
Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, обработка канала, шлифование (?), без полировки
Цвет предмета: красно-коричневый с вишневым оттенком, так называемый трещиноватый
Прозрачность предмета: полупрозрачный
10. 1 экз. (рис. 51: 10). **Материал:** янтарь
Сохранность предмета: полная форма

Форма предмета: грибовидная, уплощенная с одной стороны, с профилированной головкой

Размеры: Высота — 35 мм; толщина — 11,5 мм; d1 — 4,5×3,5 мм; d2 — 6,5×4,5 мм

Канал: конический

Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, вероятно шлифование, без полировки — сохранился изгиб заготовки изделия

Цвет предмета: красно-коричневый, так называемый трещиноватый

Прозрачность предмета: полупрозрачный

11. 1 экз. (рис. 51: 11). **Материал:** янтарь

Сохранность предмета: полная форма

Форма предмета: грибовидная, уплощенная с одной стороны; имеет сильно профилированную конической формы головку

Размеры: Высота — 37,5 мм; толщина — 10 мм; d1 — 4,5×3 мм; d2 — 4,5×3 мм

Канал: цилиндрический

Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, шлифование

Цвет предмета: красно-коричневый с вишневым оттенком, насыщенный, трещиноватый

Прозрачность предмета: полупрозрачный

12. 1 экз. (рис. 51: 12). **Материал:** янтарь

Сохранность предмета: полная форма

Форма предмета: грибовидная, уплощенная с одной стороны, менее выраженная — со слабо профилированной головкой

Размеры: Высота — 27,5 мм; Н — 11,5 мм; d1 — 2,5 мм; d2 — 2,5 мм

Канал: цилиндрический

Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, вероятно шлифование — сохранился изгиб заготовки изделия

Цвет предмета: красно-коричневый с вишневым оттенком, так называемый трещиноватый

Прозрачность предмета: полупрозрачный

13. 1 экз. (рис. 51: 13). **Материал:** янтарь

Сохранность предмета: полная форма

Форма предмета: аморфная, уплощенная с одной стороны

Размеры: Высота — 31 мм; толщина — 8,5 мм; d1 — 3×3,5 мм; d2 — 3,5×4 мм

Канал: конический

Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, вероятно шлифование — сохранился изгиб заготовки изделия

Цвет предмета: красно-коричневый, так называемый трещиноватый

Прозрачность предмета: полупрозрачный

14. 1 экз. (рис. 51: 14). **Материал:** янтарь

Сохранность предмета: полная форма

Форма предмета: аморфная, уплощенная с одной стороны

Размеры: Высота — 28 мм; толщина — 12 мм; d1 — 3,5 мм; d2 — 3 мм

Канал: конический

Техника изготовления предмета: обдирка, обточка, вероятно шлифование — сохранился изгиб заготовки изделия

Цвет предмета: красно-коричневый с вишневым оттенком, так называемый трещиноватый

Прозрачность предмета: полупрозрачный

Стеклянные полихромные бусы

15. 1 экз. (рис. 50: 1). **Материал:** стекло

Сохранность предмета: полная форма

Форма предмета: шаро-кольцевидная

Размеры: D — 10,5–11,5 мм; Н — 8,5 мм; d1 — 3,5 мм; d2 — 4×3,5 мм

Канал: конический

Декор: накладная полихромная лента

Техника изготовления предмета: одноразовое обертывание основы вокруг инструмента — имеется шов соединения

Техника нанесения декора: наклад по центру тулова полихромной мозаичной ленты из 2 фрагментов (?) — декор не стыкуется.

Цвет предмета: основа — серо-зеленая; имеется поверхностный слой на тулове и внутри канала — красный

Цвет декора: основа декора — зеленая, листья — желто-белые

Прозрачность предмета: основа — полупрозрачная, поверхностный слой — непрозрачный

Прозрачность декора: лента — прозрачная, листья — непрозрачные

16. 1 экз. (рис. 50: 2). **Материал:** стекло

Сохранность предмета: полная форма

Форма предмета: шаровидная, поперечно усеченная

Размеры: D — 15,5–16 мм; Н — 11–12 мм; d1 — 4,5 мм; d2 — 4,1 мм

Канал: конический, ровный

Декор: «крапинки-пятнышки», многократные, беспорядочные, разного размера, плоские, так называемый крапчатый

Техника изготовления предмета: палочка; прокол, наклад декора, обкатка

Техника нанесения декора: наклад

Цвет предмета: в массе — черный, в сколе — стекло темно-синего цвета

Цвет декора: красный, зеленый

Прозрачность предмета: непрозрачный в массе

Прозрачность декора: непрозрачный

17. 1 экз. (рис. 50: 3). **Материал:** стекло

Сохранность предмета: полная форма

Форма предмета: шаровидная, неправильной формы

Размеры: D — 18,5 мм; H — 12–14,5 мм; d1 — 4,5 мм; d2 — 4,5 мм

Канал: цилиндрический; с одной стороны вогнутый, с другой — выгнутый, неровный

Декор: «крапинки-пятнышки», многократные, беспорядочные, разного размера, плоские, так называемый крапчатый

Техника изготовления предмета: палочка; наклад декора, прокол, обкатка

Техника нанесения декора: наклад

Цвет предмета: в массе — черный, в сколе — стекло темно-синего цвета

Цвет декора: красно-коричневый, белый

Прозрачность предмета: непрозрачный в массе

Прозрачность декора: непрозрачный

18. 1 экз. (рис. 50: 4). **Материал:** стекло

Сохранность предмета: полная форма

Форма предмета: шаро-кольцевидная, неправильной формы

Размеры: D — 18×19 мм; H — 11–12 мм; d1 — 5,5×6 мм; d2 — 5,5×6 мм

Канал: цилиндрический, один край вогнут, другой — сильно выгнут, неровный

Декор: «крапинки-пятнышки», многократные, беспорядочные, разного размера, плоские, так называемый крапчатый

Техника изготовления предмета: палочка; прокол, наклад декора, обкатка

Техника нанесения декора: наклад

Цвет предмета: в массе — черный, в сколе — стекло темно-синего цвета

Цвет декора: красно-коричневый, белый

Прозрачность предмета: непрозрачный в массе

Прозрачность декора: непрозрачный

Литература

- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. Сер. САИ. Вып. Г 1–12. Т. 1. М.: Наука, 1975. 94 с.
- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. Сер. САИ. Вып. Г 1–12. Т. 2. М.: Наука, 1978. 104 с.
- Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. Сер. САИ. Вып. Г 1–12. Т. 3. М.: Наука, 1982. 104 с.
- Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В. Хронология Кошибеевского могильника // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тезисы докладов конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Алексея Петровича Смирнова / Отв. ред. И. В. Белоцерковская. М., 1999. С. 56–58.
- Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XIII. 1963. С. 90–123.
- Бажан И. А., Каргапольцев С. Ю. Об одной категории украшений-амuletов римского времени в Восточной Европе // СА. №3. 1989. С. 163–170.
- Белоцерковская И. В., 2012. О предметах черняховской культуры в женском инвентаре рязано-окских могильников // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной / Отв. ред. Д. В. Журавлев, К. Б. Фирсов. Сер. Труды ГИМ. Вып. 191. М.: ГИМ, 2012. С. 27–37.
- Белявец В. Папярэднія вынікі вывучэння грунтовага мопльніка вельбарскай культуры Пятровічы (Белая Гара) // Гістарычна-Археалагічны зборнік. Вып. 22. 2006. С. 79–101.
- Бобровская (Гопкало) О. В. Бусы и подвески раннего этапа черняховской культуры (по материалам могильников) // Сто лет черняховской культуре / Гл. ред. М. И. Гладких. Киев: Товариство Археології та Антропології, 1999. С. 150–170.
- Гей О. А., Бажан И. А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.: ИА РАН, 1997. 144 с.
- Гопкало О. В. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев: ИА НАНУ, 2008. 252 с.
- Гороховский Е. Л. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев: Наукова думка, 1988. С. 34–46.
- Добровольская М. В., Земцов Г. Л., Мастыкова А. В., Медникова М. Б. Привилегированное женское погребение с поселения Мухино 2 гуннского времени на Верхнем Дону: биоархеологическая реконструкция // РА. №1. 2015. С. 44–58.
- Леммлейн Г. Г. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе // КСИИМК. Вып. XVIII. 1947. С. 22–30.
- Мастыкова А. В. О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднеримского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье // Сто лет черняховской культуре / Гл. ред. М. И. Гладких. Киев: Товариство Археології та Антропології, 1999. С. 171–202.

- Мастыкова А. В. Стекланные бусы комплекса поселений у с. Замятино // Острая Лука Дона в древности: Замятинский археологический комплекс гуннского времени / Сост. А. М. Обломский. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 6. М.: ИА РАН, 2004. С. 84–88.
- Мастыкова А. В., Земцов Г. Л. «Княжеское» женское погребение на поселении Мухино-2 гуннского времени на Верхнем Дону // КСИА. Вып. 234. 2014. С. 200–222, цв. илл. XV–XVII.
- Мастыкова А. В., Плохов А. В. Датировка и происхождение стекланных бус из могильника у оз. Съезжее // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова / Отв. ред.: А. Е. Мусин, Н. В. Хвоцинская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 337–357.
- Обломский А. М. Хронология Замятинского археологического комплекса // Острая Лука Дона в древности: Замятинский археологический комплекс гуннского времени / Сост. А. М. Обломский. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 6. М.: ИА РАН, 2004. С. 144–147.
- Обломский А. М., Козмирчук И. А. Могильник гуннского времени Ксизово-19 // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V в.) / Отв. ред. А. М. Обломский. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 16. М.: ИА РАН, 2015. С. 134–164.
- Румянцева О. С. Серия бус с полихромным декором с территории Поочья и Среднего Поволжья позднеримского времени // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1 / Отв. ред. А. Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово Поле», 2008. С. 90–109.
- Румянцева О. С. Бусы комплекса памятников Ксизово-17 и 19 и культурные связи населения Верхнего Подонья эпохи Великого переселения народов // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V в.) / Отв. ред. А. М. Обломский. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 16. М.: ИА РАН, 2015. С. 241–269.
- Ставицкий В. В., Мясникова О. В., Сомкина А. Н. О датировке ранних погребений Абрамовского могильника // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. №3 (23). 2012. С. 116–123.
- Ставицкий В. В., Шитов В. Н. Планиграфия и хронология Абрамовского могильника // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 3 / Отв. ред. В. В. Ставицкий, Г. Н. Белорыбкин. Пенза: ПИРО, 2013. С. 255–278.
- Столярова Е. К. Бусы могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма / Отв. ред. И. И. Гушина, Д. В. Журавлев. Сер. Труды ГИМ. Вып. 118. М.: ГИМ, 2001. С. 194–222.
- Столярова Е. К., 2012. Химический состав стекланных и фаянсовых бус могильника Бельбек IV // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гушиной / Отв. ред. Д. В. Журавлев, К. Б. Фирсов. Сер. Труды ГИМ. Вып. 191. М.: ГИМ, 2012. С. 244–251.
- Стоянова А. А. Подбойная могила № 193 из могильника Нейзац в Центральном Крыму // МАИЭТ. Вып. XI. 2005. С. 153–168.
- Стоянова А. А. Бусы и подвески населения Крыма III в. до н.э. — IV в. н.э. Дисс... канд. ист. наук // Архив ИА НАНУ. 2006. Ф. 12. №850. Рукопись.
- Трейстер М. Ю. Посуда и предметы утвари из серебра и бронзы // Тайна золотой маски: каталог выставки / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 43–62.
- Френкель Я. В. Бусы из стекла и природных материалов керченского «погребения с золотой маской» 1837 г. // Тайна золотой маски: каталог выставки / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 97–115.
- Шаров О. В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Дэнчен и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени. По материалам Первых Тихановских чтений (Ленинград, 1988 г.) / Науч. ред. М. Б. Щукин, О. А. Гей. СПб.: «Ойум», 1992. С. 158–207.
- Шаров О. В., Погребение с Золотой Маской // Тайна золотой маски: каталог выставки / Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 17–42.
- Хайрединова Э. А. Бусы могильника Дружное // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев, И. Н. Храпунов. Симферополь: «Таврия», 1995. С. 59–87.
- Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. 313 с.
- Храпунов И. Н., 2003. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // Боспорские исследования. Вып. III. С. 329–350.
- Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Под ред. И. Н. Храпунова. Симферополь: Доля, 2011. С. 13–113.
- Храпунов И. Н., Власов В. П. Подбойная могила с многократными погребениями из могильника Дружное в Крыму // МАИЭТ. Вып. VI. 1998. С. 239–255.
- Belâvec V., Bitner-Wróblewska A. Bałtyjskie czy gockie? Wisiorki wiaderkowate wariantu Pätrovičy-Žvilai // Terra Barbarica. Serp. Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina. Tomus II. Łódź-Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego; Fundacja Uniwersytetu Łódzkiego; Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica; Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, 2010. S. 167–177.
- Benea D. Die Glasperlenwerksatt von Tibiscum und die Nandelsbeziehungen mit dem Barbaricum // Perlen: Archäologie, Techniken, Analysen: Akten des Internationalen Perlensymposiums in Mannheim vom 11. bis 14. November 1994. Römisch-Germanische Kommission; Reiss-Museum der Stadt Mannheim / Hrsg. U. von Freeden, A. Wiczorek. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 1997. S. 279–292.
- Eggers H. J. Der römische Import im Freien Germanien. Atlas der Urgeschichte 1. Hamburg: Hamburgisches Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte, 1951. 128 s.
- Godłowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1970. 124 p.
- Godłowski K. Chronologia okresu późnorzymskiego i wczesnego okresu wędrówek ludów w Polsce północno-wschodniej // Rocznik Białostocki. XII. 1974. P. 9–109.
- Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. Serp. Monographies. 22. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance, 2006. 351 p.

Kokowski A. Grupa masłomęcka. Z badań nad przemianami kultury Gotów w młodszym okresie rzymskim. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1995. 335 s.

Kokowski A. Die Masłomęcz-Gruppe. Ihre Chronologie und Beziehungen innerhalb des gotischen Kulturkreises. Ein Beispiel für den kulturelle Wandel der Goten im Verlauf inner Wanderungen // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 78. 1997. S. 641–833.

Natuniewicz-Sekuła M., Okulicz-Kozaryn J. Weklisce. A Cemetery of the Wielbark Culture on the Eastern Margin of Vistula Delta (Excavations 1984–2004). Ser. Monumenta Archaeologica Barbarica. Tomus XVII. Warszawa: Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica; Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk, 2011. 431 P.

Puzdrovskij A. E., Zajcev J. P. Prunkbestattungen des 1. Jhs. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma, Krim // Eurasia antiqua. 10. 2004. S. 229–267.

Ruckstuhl B. Ein reiches frühalamannisches Frauengrab im Reihengraberfeld von Schleithem-Hebsack SH // Archäologie der Schweiz. № 11–1. 1988. S. 15–32.

Schätze der Ostgoten. Eine Ausstellung der Maria Curie-Skłodowska Universität Lublin und des Landesmuseums Zamość. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag GmbH&Co, 1995. 217 S.

Stawiarska T. Katalog paciorków szklanych z obszaru Polski północnej w okresie wpływów rzymskich. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Zakład narodowy im. Ossolińskich. Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1987. 147 s.

Wołągiewicz R. Chronologia względna okresu wczesnorzymskiego na Pomorzu Zachodnim w świetle niektórych jej wyznaczników // Materiały Zachodniopomorskie. XII (1966). 1968. P. 169–193.

Wołągiewicz R. Kultura oksywska i wielbarska // Prahistoria ziem polskich. V: Późny okres lateński i rzymski / Ed. J. Wielowiejski). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład narodowy im. Ossolińskich Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1981. P. 135–191.

Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns. Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. Cep. BAR International Series. 1535. Oxford: John and Erica Hedges Ltd., 2006. 482 p.

Tejral J. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // Archaeologia Austriaca. 72. 1988. S. 223–304.

Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum / Hrsg. J. Tejral, H. Friesnger, M. Kazanski. Cep. Spisy AÚ AV ČR Brno. 8. Brno: AÚ AV ČR Brno, 1997. S. 321–392.

Tejral J. Das Hunnenreich und die Identitätsfragen der barbarischen «gentes» im Mitteldonauraum aus der Sicht der Archäologie // Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit / Hrsg. J. Tejral. Cep. Spisy AÚ AV ČR Brno. 26. Brno: AÚ AV ČR Brno, 2007. S. 55–119.

Tempelmenn-Maszyńska M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Ser. Römisch-Germanische Forschungen. 43. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1985. 339 S. 80 Taf. 3 Beil.

СТЕКЛЯННЫЕ БУСЫ ВЕЛЕГОЖСКОГО КЛАДА: МОНОХРОМНЫЕ И С МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ ПРОКЛАДКОЙ¹

Из 132 бус, обнаруженных в составе клада мощинской культуры с городища Велегож (публикацию памятника и клада см. в данном сборнике — статья А. М. Воронцова и Е. В. Столярова), монохромные представлены 94 (71,2%), а бусы с металлической прокладкой (золотостеклянные) — 19 экземплярами (14,4%). Кроме них в кладах встречены полихромные стеклянные (5 экз.) и янтарные бусы (14 экз.) (см. статью А. В. Мастыковой в данном сборнике)².

Монохромные

По технологии изготовления среди монохромных бус преобладают изделия, выполненные из отрезков тянутых трубочек, — они представлены 60 экземплярами (63,8% монохромных бус); второе место по количеству находок занимают украшения из отрезков тянутых палочек — 30 изделий (31,9%), третье — бусы в технике навивки — 2 экземпляра (2,1%); 1 изделие (1,1%) выполнено в технике однократного обертывания, технология изготовления одной бусины (1,1%) не определена.

По цветовой гамме абсолютное большинство монохромных бус — 75 изделий из 94 — изготовлено из красного глухого стекла. Они составляют 63,6% от общего числа стеклянных украшений. 13 экземпляров (11 %) выполнено из оливкового прозрачного стекла, по 2 (по 1,7%) — из ярко-зеленого глухого и зелено-голубого прозрачного, по одному (по 0,8%) — из зелено-голубого глухого и желто-коричневого прозрачного стекла.

Среди бус, изготовленных из отрезков тянутых трубочек, изделия красного глухого стекла представлены 45 экземплярами, второе место занимают бусы оливкового прозрачного стекла — 12 экз.; единичны украшения зеленого глухого (2 экз.) и зелено-голубого прозрачного стекла (1 экз.).

В данной технологической группе выделяется **рублевый бисер**, получавшийся методом отшибания [Львова, 2000. С. 257]; он представлен 19 изделиями **красного глухого стекла** (рис. 36: 1–19; 47: 1–19). Все изделия данного типа из Велегожского клада имеют оплавленные края — результат дополнительной тепловой обработки. Выявить процесс изготовления украшений данного типа (в англоязычной литературе они получили название «indo-pacific beads») помогают этнографические данные. Мастера в современной Индии, работающие с исполь-

зованием традиционных технологий, после разрезания трубочек на части перемешивают получившийся бисер с золой и помещают в специальную печь, где его вторично разогревают, после чего просеивают, чтобы удалить золу. На финальном этапе, при помощи устройства с отверстиями разного диаметра, бусы делятся по размерным группам [Kanungo 2004. P. 120–121]. Украшения из Велегожского клада имеют довольно крупные для находок данной технологической группы размеры: их диаметр составляет 3–6 мм при высоте 2–4,5 мм.

Все остальные украшения данной технологической группы изготовлены путем деления трубочки ножницами или щипцами. Они включают следующие серии изделий.

Многочастные пронизи красного глухого стекла (рис. 36: 20–25; 47: 20–25) представлены двумя трехчастными и четырьмя двухчастными украшениями; сохранилась также одна доля, являющаяся фрагментом многочастной пронизи (рис. 36: 26; 47: 26). Форма долей пронизей шаровидная или цилиндрическая, основания каналов у всех изделий тщательно заглажены и не имеют закраин — технологического признака использования щипцов [Мастыкова, 1996. С. 42, 43], часто встречающихся на изделиях подобного рода. Отличительной чертой украшений данной серии является яркий красный цвет и отсутствие темных прожилок (свилей). Диаметр изделий составляет 4,5–5,5 мм, высота двухчастных пронизей — 7–8 мм, трехчастных — 11–13 мм.

Бусы красного глухого стекла (рис. 36: 27–45; 47: 27–45) шаровидной и цилиндрической форм насчитывают 19 экземпляров. Изделия имеют ровный ярко-красный цвет без свилей, основания каналов у всех бус тщательно заглажены, технологические следы деления трубочки на части не читаются. Высота изделий — 3–6 мм, диаметр — 4–7 мм.

Бусы ярко-зеленого глухого стекла представлены двумя украшениями шаровидной формы, одно из которых незначительно деформировано (рис. 36: 46, 47; 47: 46, 47). Для изделий, изготовленных из отрезков тянутых трубочек, они имеют достаточно крупный размер — высота их составляет 8 и 9,5 мм, диаметр — 10–12 мм. Технологические следы у оснований каналов не читаются.

Двухчастная пронизь оливкового прозрачного стекла (рис. 36: 48; 47: 48) с долями шаровидной формы. У одного из оснований канала читается шейка-закраина; с противоположной ей стороны боковая грань изделия

¹ В тексте статьи даны ссылки на рисунки к статье А. М. Воронцова и Е. В. Столярова в настоящем сборнике, рис. 36–38, рис. 47–49 (см. цв. вкл.).

² Одна из полихромных бусин описана здесь ниже, так как по типологическим и стилистическим особенностям она ближе к монохромным изделиям красного глухого стекла.

заглажена, технологические следы на ней не зафиксированы. Высота изделия — 10 мм, диаметр — 6 мм.

Бусы оливкового прозрачного стекла (рис. 36: 49–51; 47: 49, 50) округлой и цилиндрической формы представлены 9 целыми (?) изделиями и 2 фрагментами. Не исключено, что, по меньшей мере, одна из бусин, учтенная как целый экземпляр, представляет собой фрагмент многочастной пронизи, о чем свидетельствует скол на «шейке» с одной стороны украшения. Все изделия имеют выраженные шейки-закраины у оснований канала. Их высота составляет 5–6 мм, диаметр — 4,5–6 мм.

Нельзя полностью исключить, что бусы оливкового стекла представляют собой ядро золотостеклянных украшений с несохранившимся верхним слоем и металлической прокладкой. Однако учитывая отсутствие следов металла и верхнего слоя стекла, невозможно определить это однозначно. Для представленных в Велегожском кладе изделий с сохранившейся металлической прокладкой, то есть однозначно относящихся к данной категории, подобный оттенок внутреннего слоя стекла не характерен, как и в целом для золотостеклянных украшений эпох римских влияний и Великого переселения народов, происходящих с территории Центральной России.

Бусина зелено-голубого прозрачного стекла (рис. 47: 51), форма близка к цилиндрической. У оснований канала читаются выраженные закраины. Высота изделия — 7 мм, диаметр — 5,5–6 мм. Возможно, данная бусина является внутренней частью золотостеклянного украшения, однако следов металлической прокладки, как и верхнего слоя стекла, на ней не сохранилось.

Бусы, изготовленные **из отрезков тянутых палочек**, представлены 30 украшениями, 29 из которых выполнены из красного глухого и одно — из оливкового прозрачного стекла.

Бусина **эллипсоидной формы**, изготовленная из **красного глухого стекла** (рис. 37: 1; 48: 1). Боковые грани тщательно заглажены. Высота изделия — 18,5 мм, диаметр — 13,5 мм.

Эллипсоидную форму имеет еще одно украшение красного глухого стекла, изготовленное из отрезка тянутой палочки (рис. 37: 35; 48: 35). Формально оно относится к полихромным бусам, так как имеет накладной декор в виде полосы синего прозрачного стекла у одного из оснований канала. Однако можно рассматривать его и как элемент набора бус красного глухого стекла, преобладающих в коллекции. Изделие уплощено в поперечном сечении; его высота составляет 19 мм, диаметр — 7–8 мм.

Крупные бусы шаровидной дважды усеченной формы, выполненные из **красного глухого стекла** (10 экз., рис. 37: 2–11; 48: 2–11). Их отличает очень тщательная дополнительная обработка, в том числе обкатка и выравнивание боковых граней (прессование на плоскость, заглаживание — ?), в результате чего получились ровные площадки. Для этих бусин характерен ровный красный цвет, лишь одно изделие выделяется наличием выраженных свилей. Участок одного из изделий был срезан в горячем виде (рис. 37: 10; 48: 10), что могло быть связано с наличием на нем дефектов стекла. Высота бус составляет 6–12 мм, диаметр — 14–17,5 мм.

Бусы **шаровидной и неправильной формы, мелкие и средних размеров**, изготовленные из **красного и красно-коричневого глухого стекла** (рис. 37: 13–30; 48: 13–30). Некоторые изделия имеют легкую деформацию в виде одного или двух уплощенных боков. У всех изделий заглажены грани у оснований канала. Цвет бус — от ярко-темно-красного и красно-коричневого. Бусы средних размеров (высота — 6–7 мм, диаметр — 7–9 мм) пред-

ставлены 8 экземплярами (рис. 37: 13–20; 48: 13–20), мелкие (высота — 3–4,5 мм, диаметр — 4–6 мм) — 10 экземплярами (рис. 37: 21–30; 48: 21–30).

Бусина **оливкового прозрачного стекла, уплощенная в поперечном сечении** (рис. 37: 31; 48: 31). Форма изделию придана путем двустороннего прессования на плоскость. Высота — 7 мм, ширина граней — 8×3 мм.

Бусы, изготовленные **в технике однократного обертывания**, представлены одним украшением **«бочонковидной» формы**, сделанным из **красно-коричневого глухого стекла** (рис. 37: 12; 48: 12). По форме, размерам и характеру дополнительной обработки данная бусина идентична серии крупных украшений из тянутой палочки (рис. 37: 2–11; 48: 2–11). Ее охарактеризует правильная форма, достигнутая путем обкатки и тщательного выравнивания боковых граней до образования ровных площадок. Высота изделия — 9 мм, диаметр — 12 мм.

В технике навивки изготовлены два украшения зелено-голубого стекла — глухого и прозрачного.

Бусина **шаровидной формы**, выполненная из **зелено-голубого глухого стекла** (рис. 37: 32; 48: 32). Грани у оснований канала этой бусины заглажены. Высота — 7 мм, диаметр — 8–8,5 мм.

Бусина **кольцевидной/неправильной формы**, изготовленная из **прозрачного неокрашенного стекла «натурального» зелено-голубого оттенка** (рис. 37: 33; 48: 33). На поверхности этой бусины инструментом по слабо разогретому стеклу нанесен декор в виде тонких, неглубоких рисок. Грани у оснований канала заглажены. Высота изделия — 7 мм, диаметр — 15 мм.

В неопределенной технологии выполнена бусина **шаровидной дважды усеченной формы желто-коричневого прозрачного стекла** (рис. 37: 34; 48: 34). Основания канала у этого изделия тщательно заглажены до образования ровных площадок. Высота бусины составляет 7–8 мм, диаметр — 14 мм. По внешнему виду это украшение напоминает янтарное и является, вероятно, имитацией изделий из янтаря.

Золотостеклянные

В состав Велегожского клада входит 19 золотостеклянных бусин — 14 целых и 5 фрагментов. Все они изготовлены из отрезков тянутых трубочек, при этом на фрагментированных изделиях видно, что верхний слой стекла плотно прилегает к нижнему. Среди украшений из клада выделяются изделия трех серий.

Крупная бусина формы, близкой к цилиндрической, с немного закругленными боками (рис. 38: 1; 49: 1). Основания канала тщательно заглажены. Высота — 8 мм, диаметр — 13 мм.

Двухчастные бусы с долями шаровидной формы, 6 изделий (рис. 38: 2, 4–8; 49: 2, 4–8). Основания каналов — без технологических следов или заглажены. Высота — 12–15 мм, диаметр — 7–8 мм.

Одночастные бусы средних размеров, шаровидной формы, 7 изделий (рис. 38: 3, 9–14; 49: 3, 9–14). Шейка-закраина читается у 1 изделия (рис. 38: 3; 49: 3), остальные не имеют технологических следов. Высота — 5–7 мм, диаметр — 6–8 мм.

5 находок представляют собой внутреннюю часть золотостеклянных украшений, выполненную из бесцветного прозрачного стекла (рис. 49: 15–19). Верхний слой стекла у этих изделий не сохранился, однако на поверхности каждого из них читаются следы металлической прокладки, что дает возможность однозначно отнести их к данной группе украшений. Сохранившиеся части не позволяют определить размеры целых изделий.

Хронология и особенности набора бус Велегожского клада

Большинство монохромных бус из стекла характеризуется значительным территориальным распространением и хронологическими рамками, однако для некоторых их типов, выделенных на основе комплекса одновременно и морфологических и технологических признаков, в отдельных регионах устанавливается определенная динамика распространения. Серия бус, происходящих из Велегожского клада, имеет широкий круг аналогий к востоку, юго-востоку и северо-востоку от места его находки. Они массово представлены на памятниках Поочья и Окско-Сурского междуречья. Хронология бус, разработанная на материалах рязано-окских могильников [Румянцева, 2007], позволяет датировать находки из клада на основании массовых, изученных статистически, аналогий с сопредельных территорий.

Для могильников Среднего Поочья и междуречья Оки и Суры в распространении бус **красного глухого стекла**, представленных здесь массовыми типами, установлена следующая закономерность [Румянцева, 2007; 2010]. На раннем этапе для всего обозначенного ареала были характерны очень однотипные наборы стеклянных украшений. Высокая степень стандартизации, прослеживаемая по морфологии и технологии изготовления изделий (включая не только основные применяемые технологические схемы, но и методы дополнительной обработки), позволяет заключить, что бусы к населению данной весьма обширной территории поступали из одного круга мастерских, вероятно работавших на заказ с учетом вкусов потребителей и особенностей их традиционного костюма. Судя по материалам Поочья, хронология которых (включая бусы) детально разработана [Ахмедов, 2007; Белоцерковская, 2007; Румянцева, 2007], эти однотипные комбинации бус были здесь распространены в III—конце IV/начале V в. В начале гуннского времени происходит резкая смена наборов стеклянных украшений, и начиная с V в. разные микрорегионы в рамках обозначенного ареала характеризуют различные их наборы, с преобладанием тех или иных типов. Столь резкие перемены, которые фиксируются на широком географическом пространстве, могут свидетельствовать либо о нарушении контактов населения лесной и лесостепной зон с регионами, где производились данные бусы, либо, скорее, о том, что центры их производства в конце IV в. прекратили существование. По времени данные изменения совпадают с гуннским нашествием, последствия которого и послужили, очевидно, их причиной. Начиная с гуннского времени, различные «племенные группы», проживавшие на данной территории, были ориентированы, видимо, на разных производителей и поставщиков бус.

Следует отметить, что типы бус, аналогичные распространенным на Средней Оке и в Окско-Сурском междуречье (в первую очередь — в эпоху римских влияний, не исключая начало гуннской), известны и в мощинской и дьяковской (в частности, ее москворецкой группы) культурах. Однако последние изучены в основном по поселенческим, а не погребальным памятникам, поэтому находок бус здесь существенно меньше и их наборы сложно сравнивать с данными, полученными при изучении могильников.

Велегожский клад содержит украшения красного глухого стекла, характерные как для раннего этапа рязано-

окских могильников и синхронных им памятников Среднего Поволжья (III — конца IV/начала V в.), так и для более позднего времени.

Среди украшений из клада наиболее раннюю дату имеют **бусы и многочастные пронизи с долями шаровидной и цилиндрической форм, изготовленные из отрезков тянутых трубочек** (рис. 36: 20–45; 47: 20–45), характеризующиеся следующими признаками. Они выполнены из глухого стекла ярко-красного оттенка и не имеют шеек-закраин у оснований канала; боковые грани у них часто заглажены. В могильниках Средней Оки подобные изделия маркируют период III — конца IV/начала V в. [Румянцева, 2007. С. 218–221, тип KA1a1]. Аналогичные одночастные бусы содержатся также в мощинском кладе [Булычев, 1899; экспозиция ГИМ]. Клад был датирован А. М. Обломским и Е. Л. Гороховским [1986] III — началом IV в.; недавно его дата скорректирована (III в., возможно, исключая конец столетия) [Обломский, Терпиловский, 2007. С. 123].

Рубленый бисер красного глухого стекла (рис. 36: 19; 47: 19), в Среднем Поочье характерен для погребений более позднего периода: конца IV/начала V — конца V/начала VI в. Ранее на обозначенной территории он не был распространен [Румянцева, 2007. С. 214, 219–220, типы KA1c1–2].

Особого внимания заслуживают **крупные бусы** красного глухого стекла, **отличающиеся тщательной дополнительной обработкой** (рис. 37: 2–11; 48: 2–11). В материалах рязано-окских и древнемордовских могильников украшения крупных размеров, изготовленные из отрезков тянутых палочек, характеризуют ранний горизонт (догуннского и, возможно, начала гуннского времени). Однако их принципиальным отличием от находок из Велегожского клада является отсутствие столь ярко выраженных признаков дополнительной обработки. Изделия из Велегожа произведены, очевидно, в другом круге мастерских и, вполне возможно, в другой период времени. В рязано-окских могильниках встречена лишь одна находка, близкая велегожским по форме и технологии изготовления. Она происходит из погр. 25 могильника Кораблино, принадлежащего наиболее поздней хронологической группе женских погребений, датированной VI — 1-й половиной VII в.; возможно, этот комплекс относится к ранней части данного периода [Белоцерковская, 2007. С. 201, 202. Табл. 2; Белоцерковская, 2014. С. 210; Румянцева, в печати-2]. Однако датировка на основании одной параллели ненадежна.

Эллипсоидная бусина красного глухого стекла **с накладной лентой синего прозрачного стекла у основания канала**, аналогичная украшению из Велегожского клада (рис. 37: 35; 48: 35), происходит из могильника Усть-Уза пензенской группы, который датируется III–IV вв. (раскопки В. В. Гришакова). Содержащее данную бусину погр. 5 принадлежало девочке-подростку, возможно намеренно подзахороненной к женщине из погр. 7; последнее датируется концом II — 1-й половиной III в. [Гришаков, 2008]. Как считает В. В. Гришаков, данные захоронения были очень близки по времени совершения, так как погр. 5 просело в засыпку погр. 7 [Гришаков, 2008]³.

Монохромные эллипсоидные бусы более мелких, по сравнению с находками из Велегожа (рис. 37: 1, 35;

³ Выражаю благодарность Валерию Васильевичу Гришакову за любезно предоставленную мне возможность ознакомиться с коллекцией бус из его раскопок, а также за его комментарии к стратиграфии и хронологии погребений Усть-Узинского могильника, дополняющие содержащуюся в публикации информацию.

48: 1, 35), размеров, изготовленные как из тянутых палочек, так и тянутых трубочек, на сопредельных территориях единичны. Они зафиксированы в Кошибеевском могильнике [Румянцева, 2007. С. 217. Рис. 2: 1: 16, 17], материалы которого относятся ко времени не позднее конца IV/начала V в. Эллипсоидные бусы происходят также из двух комплексов могильника Заречье 4 (раскопки И. В. Белоцерковской). В погр. 74 они найдены вместе с металлическими украшениями, получившими распространение в могильниках Среднего Поочья не позднее периода 26 по хронологии женских украшений, разработанной И. В. Белоцерковской, то есть датируются временем не позднее конца IV/начала V в. [Белоцерковская, 2007. С. 200, табл. 2: 11, 42]. В погр. 174 того же памятника эллипсоидная бусина зафиксирована вместе с бусами массовых типов, выполненных из красного глухого стекла, типичных для раннего периода существования рязано-окских могильников (III—конца IV/начала V в.), в сочетании с рубленным бисером, получившим распространение с конца IV/начала V в. [Румянцева, 2007. С. 219, 220]. Украшения эллипсоидной формы красного глухого стекла зафиксированы в погр. 25 Селикса-Трофимовского могильника, расположенного на Верхней Суре, которое отнесено В. В. Гришаковым к хронологической группе III (1-я половина IV в.) [Гришаков, 2008].

Бусы из отрезков тянутых палочек мелких и средних размеров (рис. 37: 13–30; 48: 13–30) на могильниках Среднего Поочья и Окско-Сурского междуречья широко распространены в III—конце V/начале VI в., а в восточной части данного ареала — вероятно, и в более позднее время [Румянцева, 2007. С. 217–222; 2010. С. 281–284].

Прочие монохромные стеклянные украшения, происходящие из клада, имеют широкие датировки. Для уточнения его даты они неинформативны. Находка бусины зелено-голубого прозрачного стекла с прочерченным декором уникальна, аналогии ей мне не известны.

Золотостеклянные бусы так же, как и большинство монохромных, в целом имеют широкую дату, однако в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы для разных их типов характерны различные ритмы распространения, при этом подавляющее большинство находок приходится на первые века н.э. Украшения крупных размеров, аналогичные находкам из Велегожа, как одно-, так и многочастные, известны в материалах Дьякова городища, в слое II (возможно, конца II—III в.) [Кренке, Румянцева, 2008; Кренке, 2011. С. 144]. Они встречаются и на памятниках типа Ново-Клейменово (II—начало/1-я половина III в.), предшествующих раннему горизонту мощинской культуры [Воронцов, 2007; Гавритухин, Воронцов, 2008]. В Кошибеевском могильнике они массово представлены, начиная со времени появления здесь первых захоронений во 2-й половине / конце I—II в. до начала/середины IV в. [Ахмедов, Белоцерковская, 1999. С. 57–58; Ахмедов, 2007. С. 138; Ахмедов, Белоцерковская, 2007. С. 135; Румянцева, 2007. С. 216–218]. В гуннское время находки золотостеклянных бус в лесной и лесостепной зонах единичны. Мне известны лишь два погребения этой эпохи, содержащие бусы с металлической прокладкой. Это погр. 16 могильника Кораблино (Средняя Ока) гуннского времени [Ахмедов, Казанский, 2004. С. 178; Румянцева, 2005; 2007. С. 219] и «княжеское» захоронение на поселении Мухино 2 на Верхнем Дону, время совершения которого синхронизируется с концом фазы D2—начало

лом фазы D2/D3 по центральноевропейской хронологии, то есть, приходится примерно на 430–450 гг. [Мастыкова, Земцов, 2014. С. 209, 212. Цв. илл. XVII: 9]. Две находки бус с металлической прокладкой происходят также с поселения Мухино 2 гуннского времени [Земцов, 2012. Рис. на с. 180]. Однако типологически близкие изделия хорошо известны в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе в конце IV—2-й трети VI в. Они встречаются в склепах Боспорского некрополя, могильниках Клинь-Яр 3, Брут 2, Пашковский № 1 [Засецкая, 1993. С. 56. Табл. 25, 100; Мастыкова, 2009. С. 441, 442; Габуев, Малашев, 2009. С. 141]. По хронологии им близки и находки из сербского Подунавья, где они датируются концом IV—1-й половиной VI в. [Ivanišević et al., 2006. Р. 96, 97, 101–104]. По технологии изготовления украшения горизонта догуннского времени и эпохи Великого переселения народов очень близки: и те, и другие характеризуют, в частности, изготовление основы из тянутой трубочки и плотное прилегание друг к другу внутреннего и внешнего слоев стекла и золотой прокладки. Таким образом, принадлежность находок золотостеклянных бус из Велегожа к горизонту эпохи Великого переселения народов не исключена.

Для определения времени формирования и сокрытия Велегожского клада наиболее информативно **сочетание** разновременных бус красного глухого стекла и золотостеклянных **с полихромными крапчатыми**. Время распространения последних синхронизируется с концом фазы D2 (380/400–440/450 гг.) и фазой D2/D3 (430/440–440/450 гг.) по центральноевропейской хронологии [Ivanišević et al., 2006. Р. 73–76]. А. В. Мастыкова⁴ предположила, что крапчатые бусы из Велегожа могут относиться к более раннему времени. По моему мнению, их цветовая гамма — сочетание основы темно-синего стекла с декором белого и красного — все же ближе «классическим» крапчатым бусам эпохи Великого переселения народов, а не более ранним позднеантичным украшениям.

Хронология перечисленных типов позволяет говорить **о двух версиях формирования набора** бус из Велегожского клада. Согласно первой, оно происходило на протяжении относительно продолжительного периода времени, охватывающего, по меньшей мере, конец IV/начало V—2-ю треть V в. В этом случае, возможно, что начало его формирования приходится и на более раннее время (III–IV вв.), а момент сокрытия — на более позднее. Если находки золотостеклянных украшений относятся к эпохе римских влияний, то накопление вещей, составляющих клад, возможно, началось не позднее середины IV в. Согласно второй версии, клад сочетает в себе наиболее ранние из известных крапчатых бусы и «запаздывающие» находки «позднеантичных» типов бус красного стекла, а золотостеклянные бусы относятся уже к гуннскому времени; в этом случае наиболее вероятным временем его сокрытия является 2-я четверть V в. Случаев запаздывания бус из красного стекла на Средней Оке не фиксируется, что говорит скорее в пользу долговременного накопления вещевого комплекса клада. Однако механизмы формирования погребального убора и кладов могут различаться; кроме того, ритмы распространения бус в ареале мощинской культуры остаются неизученными.

Наличие в кладах **янтарных бус** — грибовидных и дисковидных — не противоречит предложенным версиям его формирования. По морфологическим особенностям А. В. Мастыкова датирует янтарные украшения из Веле-

⁴ Здесь и далее, если не проставлены ссылки, информация происходит из статьи А. В. Мастыковой в данном сборнике. Благодарю Анну Владимировну за возможность ознакомиться с этой рукописью до публикации.

гожа фазами С2 (250/260–300/320 гг.) и, возможно, С3 (300/320–350/370 гг.) по центральноевропейской хронологии. Это означает, что они синхронны наиболее ранним типам бус из красного глухого стекла, происходящим из клада. Однако по данным, приведенным самой А. В. Мاستыковой, в целом янтарные украшения данных типов могут доживать по меньшей мере до 1-й половины V в.

Бусы с декоративным поясом в технике миллефиори, одна из которых также представлена в кладе, в большей степени типичны для римского времени, однако в отдельных регионах они встречаются и позднее. В частности, время наиболее поздних захоронений, содержащих бусы с накладными лентами-миллефиори, на могильниках Окско-Сурского междуречья широко определяется концом IV—1-й половиной V в. [Румянцева, 2007; в печати-2; там же см. ссылки на литературу]. Бусина из Велегожского клада отличается от известных мне находок, происходящих из лесной зоны Восточной Европы, более мелкими размерами и особенностями технологии изготовления: основа данного украшения сделана из серо-зеленого стекла и лишь его поверхностный слой представляет собой красное глухое стекло. Основа же остальных изученных мною бус из Среднего Поочья и Среднего Поволжья полностью выполнена из красного стекла. По технологии изготовления велегожская находка наиболее близка украшению, происходящему из погр. 47 Андреевского кургана, также имеющему основу серо-зеленого и верхний слой красного стекла⁵. Горизонт впускных погребений данного археологического памятника датируется 4-й четвертью I—началом (м.б., 1-й четвертью) II в. [Гришаков, Зубов, 2009. С. 41–53]. По данным А. В. Мастыковой, большинство бус с типом декора, зафиксированном на рассматриваемом велегожском украшении, действительно отличает дата более ранняя, чем для прочих украшений из клада. Не исключено, что данная находка является в комплексе клада наиболее архаичной. Данных о технологии изготовления бус, однако, недостаточно для подтверждения полученного ею вывода, так как выборка украшений, изученных лично (а не по публикациям), слишком мала. Вместе с тем дата украшения из Андреевского кургана не противоречит выводу А. В. Мастыковой.

Кроме Велегожского клада на территории Центральной России известен еще один комплекс, сочетающий крапчатые, золотостеклянные и янтарные дисковидные бусы. Это «княжеское» погребение Мухино 2, обнаруженное в Верхнем Подонье. Его дата определена примерно — 430–450-е гг. [Мастыкова, Земцов, 2014. С. 212]. Весьма вероятно, что время сокрытия Велегожского клада сопоставимо с датой погребения из Мухино.

Особенности комплекса бус из Велегожского клада

Комплекс бус из клада характеризуют две особенности: преобладание украшений из красного стекла и большое количество янтарных изделий.

Количество бус **из янтаря**, входящих в состав Велегожского клада, экстраординарно для культур лесной и лесостепной зоны России. Янтарные украшения в целом

не типичны для данного региона эпохи римских влияний и Великого переселения народов. В изученной мной коллекции бус Среднего Поочья, насчитывающей более 29,5 тысяч экземпляров, украшения из янтаря представлены всего 2 изделиями; столь же немногочисленны они и к востоку, на территории Окско-Сурского междуречья. В Верхнем Подонье серия янтарных бус происходит из «княжеского» погребения Мухино 2 [Мастыкова, Земцов, 2014], и лишь одна находка была обнаружена на одноименном поселении с напластованиями гуннского времени [Земцов, 2012. Рис. на с. 180]⁶. Находки янтарных грибовидных бус на территории Центральной России мне неизвестны.

В данном контексте особенно интересно, что наряду с янтарными бусами в кладе присутствует одно стеклянное украшение (рис. 48: 34), цветом и формой напоминающее янтарные и являющееся, вероятно, подражанием им⁷. Возможность копировать в стекле украшения из природных материалов использовалась стеклоделами со времени его изобретения [Deroy, 1981. P. 83; Stern, 1997. P. 192, 206]. Единичные свидетельства данной практики известны и в римское время. Среди ярких примеров этому — 14-гранные бусы, происходящие из мастерской по производству стеклянных украшений римского времени в Тибискуме (римская Дакия, современная Румыния), а также из варварских некрополей Сербского Подунавья позднеантичного времени: идентичные по форме и близкие по цвету изделия выполнены и из темно-вишневого сердолика, и из стекла. При этом последние, вероятно для придания большего сходства с сердоликовыми, изготавливали нередко из двух- и трехслойного стекла [Benea, 2004. S. 66–67], делая ядро бусины желтого и красного глухого, а верхний слой — из фиолетового прозрачного. Изделие из Велегожского клада имитирует, очевидно, редкое для лесной зоны янтарное украшение⁸. Не исключено, что варвары, населявшие изучаемый регион, могли быть недостаточно хорошо знакомы с внешним видом янтаря, а потому намеренно вводились в заблуждение поставщиками бус, продававших им более дешевые стеклянные имитации. Правда, судя данным археологии, которыми мы располагаем, подобная практика вряд ли была систематической, так как бусы-имитации янтаря не получили широкого распространения на территории Центральной России: близкие аналогии изделию из Велегожа на территории лесной зоны России мне неизвестны.

Примечательно, что наряду с редкими находками янтарных и полихромных украшений, вероятно имевших для их владельцев определенную ценность, в кладе присутствуют и ординарные монохромные стеклянные бусы, в том числе красного глухого стекла, которые в могильниках окских и средневожских финнов представлены тысячами экземпляров.

Изделия красного стекла составляют более половины комплекса клада — 75 из 132 изделий (56,8%); кроме того, основу красного стекла имеют 2 из 5 полихромных украшений. Велика в кладе и доля золотостеклянных бус (14,4%). Преобладание бус красного цвета в сочетании с золотостеклянными характеризует традиционный женский убор жителей Среднего Поочья и бассейна Правобережья Средней Волги в эпоху римских влияний и Ве-

⁵ Фонды ГИМ, № 102380/А-211.

⁶ Благодарю автора раскопок, Григория Леонидовича Земцова за любезно предоставленную мне возможность ознакомиться с бусами поселения Мухино 2.

⁷ По цвету данная бусина отличается от янтарных украшений из Велегожского клада, однако в целом ее цвет типичен для янтарных изделий.

⁸ Данное наблюдение, сделанное Д. Бенеа на материалах мастерской в Тибискуме, было подтверждено при личном изучении коллекций бус из некрополей Северной Сербии. Материалы в настоящее время готовятся к публикации.

ликого переселения нарродов [Румянцева, 2010]. Данных о костюме населения бассейна Верхней Оки существенно меньше, тем не менее можно говорить о том, что на территории москворецкой группы дьяковской культуры среди стеклянных украшений бусы из красного стекла и с золотой металлической прокладкой занимают одно из ведущих мест [Розенфельдт, 1982; Кренке, Румянцева, 2008, там же см. ссылки на литературу]. Комплекс бус мощинской культуры — носителям которой принадлежало поселение, в слое которого был обнаружен Велегожский клад, — изучен недостаточно, поэтому выделить ведущие их типы, а также сопоставить находки с поселенческих памятников с набором бус из клада невозмож-

но. Кроме памятников обозначенного ареала (в первую очередь — погребальных), преобладание бус красного стекла в сочетании с золотостеклянными фиксируется также в кладах круга восточноевропейских выемчатых эмалей — в частности, Брянском и Мощинском [Ахмедов, Обломский, Радюш, 2015; Булычев, 1899]; последний, как известно, был обнаружен на эпонимном поселении мощинской культуры. Весьма вероятно, что «красно-золотая» гамма украшений из бус входит в обиход населения лесной и лесостепной зон Центральной России благодаря «западному» импульсу, в результате которого в лесную зону попадают и украшения в стиле восточноевропейских выемчатых эмалей [Румянцева, в печати-1].

Приложение

КАТАЛОГ СТЕКЛЯННЫХ БУС

Условные обозначения в каталоге: D — максимальный диаметр бусины; H — высота бусины (измеряется вдоль канала); d1, d2 — диаметры оснований канала; н/о — не определяется.

Монохромные

№ 1–19. Бисер, 19 экз. (рис. 36: 1–19; 47: 1–19).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: цилиндрическая

Размеры: H — 2–5 мм; D — 3–6 мм; d — до 1 мм

Канал: цилиндрический

Техника изготовления предмета: тянутая трубочка; деление на части отшибанием; края оплавлены (обработка в тепловом барабане — ?).

Цвет предмета: красный

Прозрачность предмета: непрозрачный

№ 20–21. Пронизи трехчастные, 2 экз. (рис. 36: 20–21; 47: 20–21).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: форма долей шаровидная или цилиндрическая

Размеры: H — 11–13 мм; D — 5 мм; d — 1 мм

Канал: н/о

Техника изготовления предмета: тянутая трубочка. Глубинные перемычки сформованы при помощи формочек или щипцов; основания канала без технологических следов (заглажены).

Цвет предмета: красный

Прозрачность предмета: непрозрачный

№ 22–25. Пронизи двухчастные, 4 экз. (рис. 36: 22–25; 47: 22–25).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: форма долей шаровидная или цилиндрическая

Размеры: H — 7–8 мм; D — 4,5–5,5 мм; d — 1 мм

Канал: н/о

Техника изготовления предмета: тянутая трубочка. Глубинные перемычки сформованы при помощи формочек или щипцов; основания канала без технологических следов (заглажены)

Цвет предмета: красный

Прозрачность предмета: непрозрачный

№ 26. Пронизи многочастной фрагмент, 1 экз. (рис. 36: 26; 47: 26).

Сохранность предмета: фрагмент

Форма предмета: форма сохранившейся доли цилиндрическая

Размеры: H — 4 мм (сохранившаяся часть); D — 5,5 мм; d — 1 мм

Канал: н/о

Техника изготовления предмета: тянутая трубочка

Дополнительная обработка: основание канала без технологических следов (заглажено)

Цвет предмета: красный

Прозрачность предмета: непрозрачный

№ 27–45. Бусы, 19 экз. (рис. 36: 27–45; 47: 27–45).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: шаровидная усеченная дважды; цилиндрическая

Размеры: H — 3–6 мм; D — 4–7 мм; d — 1,5–3,5 мм

Канал: н/о

Техника изготовления предмета: тянутая трубочка. Основания каналов без технологических следов (заглажены).

Цвет предмета: красный

Прозрачность предмета: непрозрачный

№ 46. Бусина, 1 экз. (рис. 36: 46; 47: 46).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: шаровидная усеченная дважды

Размеры: Н — 8 мм; D — 12 мм; d — 3 мм

Канал: цилиндрический

Техника изготовления предмета: тянутая трубочка. Основания канала без технологических следов

Цвет предмета: ярко-зеленый

Прозрачность предмета: непрозрачный

№ 47. Бусина, 1 экз. (рис. 36: 47; 47: 47).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: шаровидная усеченная дважды (с легкой деформацией в продольном сечении)

Размеры: Н — 9,5 мм; D — 10x11 мм; d — 3 мм

Канал: цилиндрический

Техника изготовления предмета: тянутая трубочка. Основания канала без технологических следов

Цвет предмета: ярко-зеленый

Прозрачность предмета: непрозрачный

№ 48. Пронизь двухчастная, 1 экз. (рис. 36: 48; 47: 48).

Сохранность предмета: полная (?)

Форма предмета: форма долей шаровидная усеченная дважды

Размеры: Н — 10 мм; D — 6 мм; d — 1,5 мм

Канал: н/о

Техника изготовления предмета: тянутая трубочка. У одного основания канала — «шейка»-закраина от щипцов; второе основание канала без технологических следов (заглажено — ?)

Цвет предмета: оливковый

Прозрачность предмета: прозрачный

№ 49–57. Бусы, 9 экз. (Рис. 36: 49–51; 47: 49–50).

Сохранность предмета: полная (?). Возможно, представляют собой фрагменты многочастных пронизей или внутренний слой стекла золотостеклянных украшений

Форма предмета: шаровидная усеченная дважды; цилиндрическая

Размеры: Н — 5–6 мм; D — 4,5–6 мм; d — 1–1,5 мм

Канал: н/о

Техника изготовления предмета: тянутая трубочка. У оснований каналов — «шейки»-закраины от щипцов

Цвет предмета: оливковый

Прозрачность предмета: прозрачный

№ 58–59. Бусы, 2 экз.

Сохранность предмета: фрагменты

Форма предмета: н/о

Размеры: н/о

Канал: н/о

Техника изготовления предмета: тянутая трубочка (?)

Дополнительная обработка: —

Цвет предмета: оливковый

Прозрачность предмета: прозрачный

№ 60. Бусина, 1 экз. (рис. 47: 51).

Сохранность предмета: полная (?). Возможно, представляет собой фрагмент многочастной пронизи или внутренний слой стекла золотостеклянных украшений

Форма предмета: цилиндрическая

Размеры: Н — 6–7 мм; D — 6 мм; d — 1,5 мм

Канал: н/о

Техника изготовления предмета: тянутая трубочка. У оснований каналов — «шейки»-закраины от щипцов

Цвет предмета: зелено-голубой

Прозрачность предмета: прозрачный

№ 61. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 1; 48: 1).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: эллипсоидная усеченная дважды

Размеры: Н — 18,5 мм; D — 13,5 мм; d — 4 мм

Канал: цилиндрический

Цвет предмета: красный

Техника изготовления предмета: тянутая палочка

Прозрачность предмета: непрозрачный

№ 62. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 2; 48: 2).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: шаровидная усеченная дважды; слегка деформирована в поперечном сечении

Размеры: H — 8–10 мм; D — 15 мм; d — 5 мм

Канал: цилиндрический

Техника изготовления предмета: тянутая палочка; основания канала заглажены до образования ровных площадок

Цвет предмета: красный

Прозрачность предмета: непрозрачный

№ 63. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 3; 48: 3).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: шаровидная усеченная дважды

Размеры: H — 5–7,5 мм; D — 14,5 мм; d — 6 мм

Канал: цилиндрический; у одного основания канала 2 насечки

Техника изготовления предмета: тянутая палочка; основания канала заглажены до образования ровных площадок

Цвет предмета: красный

Прозрачность предмета: непрозрачный

№ 64. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 4; 48: 4).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: шаровидная усеченная дважды

Размеры: H — 4,5–9 мм; D — 15 мм; d — 5,5 мм

Канал: цилиндрический

Техника изготовления предмета: тянутая палочка; основания канала заглажены до образования ровных площадок

Цвет предмета: красный

Прозрачность предмета: непрозрачный

№ 65. Бусина, 1 экз. (Рис. 37: 5; 48: 5).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: шаровидная усеченная дважды

Размеры: H — 7–11 мм; D — 15 мм; d1 — 4,5 мм; d2 — 5,5 мм

Канал: слабовыраженный конический; у одного основания канала насечка

Техника изготовления предмета: тянутая палочка; основания канала заглажены до образования ровных площадок

Цвет предмета: красный

Прозрачность предмета: непрозрачный

№ 66. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 6; 48: 6).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: шаровидная усеченная дважды

Размеры: H — 12 мм; D — 17,5 мм; d1 — 5,5 мм; d2 — 5 мм

Канал: слабовыраженный конический

Техника изготовления предмета: тянутая палочка; основания канала заглажены до образования ровных площадок

Цвет предмета: красный

Прозрачность предмета: непрозрачный

№ 67. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 7; 48: 7).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: шаровидная усеченная дважды

Размеры: H — 5,5–9 мм; D — 15 мм; d — 5,5 мм

Канал: цилиндрический

Техника изготовления предмета: тянутая палочка; основания канала заглажены до образования ровных площадок

Цвет предмета: красный

Прозрачность предмета: непрозрачный

№ 68. Бусина, 1 экз. (Рис. 37: 8; 48: 8).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: шаровидная усеченная дважды

Размеры: H — 5,5–9 мм; D — 14 мм; d — 6 мм

Канал: цилиндрический

Техника изготовления предмета: тянутая палочка; основания канала заглажены до образования ровных площадок

Цвет предмета: красный

Прозрачность предмета: непрозрачный

№ 69. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 9; 48: 9).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: шаровидная усеченная дважды

Размеры: Н — 10,5 мм; D — 17 мм; d — 5 мм

Канал: цилиндрический

Техника изготовления предмета: тянутая палочка; основания канала заглажены до образования ровных площадок

Цвет предмета: красный

Прозрачность предмета: непрозрачный

№ 70. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 10; 48: 10).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: шаровидная усеченная дважды

Размеры: Н — до 9 мм; D — 15,5 мм; d1 — 5 мм; d2 — 6 мм.

Канал: слабовыраженный конический

Техника изготовления предмета: тянутая палочка; основания канала заглажены до образования ровных площадок; с одной стороны участок бусины срезан

Цвет предмета: красный

Прозрачность предмета: непрозрачный

№ 71. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 11; 48: 11).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: шаровидная усеченная дважды

Размеры: Н — 9 мм; D — 15 мм; d — 5 мм

Канал: цилиндрический

Техника изготовления предмета: тянутая палочка или навивка; основания канала заглажены до образования ровных площадок

Цвет предмета: красный

Прозрачность предмета: непрозрачный

№ 72–79. Бусы средних размеров, 8 экз. (рис. 37: 13–20; 48: 13–20).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: шаровидная усеченная дважды; некоторые экземпляры имеют уплощенные бока

Размеры: Н — 6–7 мм; D — 7–9 мм; d — 2,5–3,5 мм

Канал: цилиндрический; слабовыраженный конический

Техника изготовления предмета: тянутая палочка; основания канала заглажены

Цвет предмета: красный

Прозрачность предмета: непрозрачный

№ 80–89. Бусы мелкие, 10 экз. (рис. 37: 21–30; 48: 21–30).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: шаровидная усеченная дважды; некоторые экземпляры имеют уплощенные бока

Размеры: Н — 3–4,5 мм; D — 4–6 мм; d — 2,5–3,5 мм

Канал: цилиндрический; слабовыраженный конический

Техника изготовления предмета: тянутая палочка; основания канала заглажены

Цвет предмета: красный

Прозрачность предмета: непрозрачный

№ 90. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 31; 48: 31).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: в поперечном сечении — подпрямоугольная, в продольном — прямоугольник со скругленными боковыми гранями

Размеры: Н — 7 мм; L1 — 8 мм; L2 — 3 мм; d — 1,5 мм

Канал: цилиндрический

Техника изготовления предмета: тянутая палочка; двустороннее прессование на плоскость

Цвет предмета: оливковый

Прозрачность предмета: прозрачный

№ 91. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 12; 48: 12).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: шаровидная усеченная дважды

Размеры: Н — 9 мм; D — 14 мм; d — 4 мм

Канал: цилиндрический

Техника изготовления предмета: однократное обертывание; основания канала заглажены до образования ровных площадок

Цвет предмета: красно-коричневый

Прозрачность предмета: непрозрачный

№ 92. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 32; 48: 32).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: в поперечном сечении — округлая, в продольном — неправильная

Размеры: Н — 7 мм; D — 8–8,5 мм; d — 3 мм

Канал: цилиндрический

Техника изготовления предмета: навивка; основания каналов заглажены

Цвет предмета: зелено-голубой
Прозрачность предмета: непрозрачный

№ 93. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 33; 48: 33).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: в поперечном сечении — округлая, в продольном — кольцевидная / неправильная

Размеры: Н — 7 мм; D — 15 мм; d — 4,5 мм

Канал: цилиндрический

Техника изготовления предмета: навивка. По разогретому стеклу инструментом нанесен декор в виде тонких насечек; заглажены основания каналов

Цвет предмета: зелено-голубой

Прозрачность предмета: прозрачный

№ 94. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 34; 48: 34).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: шаровидная усеченная дважды

Размеры: Н — 7–8 мм; D — 14 мм; d — 3 мм

Канал: цилиндрический

Техника изготовления предмета: н/о; основания канала заглажены до образования ровных площадок

Цвет предмета: желто-коричневый

Прозрачность предмета: прозрачный

Золотостеклянные

№ 95. Бусина, 1 экз. (рис. 38: 1; 49: 1).

Сохранность предмета: частично утрачен внешний слой стекла

Форма предмета: близка цилиндрической; с немного закругленными боками

Размеры: Н — 8 мм; D — 13 мм; d — 3 мм

Канал: цилиндрический

Техника изготовления предмета: тянутая трубочка?; наложение металлической прокладки; наложение защитного слоя стекла. Внутренний и внешний слой стекла плотно прилегают друг к другу. Основания канала заглажены до образования ровных площадок

Цвет предмета: стекло — бесцветное; металлическая прокладка — «золотой»

Прозрачность предмета: прозрачный

№ 96. Бусина двухчастная, 1 экз. (Рис. 38: 2; 49: 2).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: форма долей шаровидная усеченная дважды

Размеры: Н — 16 мм; D — 8 мм; d — 1,5 мм

Канал: цилиндрический

Техника изготовления предмета: тянутая трубочка; наложение металлической прокладки; наложение защитного слоя стекла. Формование переемычки между долями бусины; основания канала заглажены

Цвет предмета: стекло — бесцветное; металлическая прокладка — «золотой»

Прозрачность предмета: прозрачный

Примечание: к бусине «прикипел» корпус ведерковидной подвески медного сплава

№ 97–101. Бусы двухчастные, 5 экз. (рис. 38: 4–8; 49: 4–8).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: форма долей шаровидная усеченная дважды

Размеры: Н — 12–15 мм; D — 7–8 мм; d — 1–1,5 мм

Канал: цилиндрический

Техника изготовления предмета: тянутая трубочка; наложение металлической прокладки; наложение защитного слоя стекла. Формование переемычки между долями бусины; основания каналов заглажены или не имеют технологических следов

Цвет предмета: стекло — бесцветное; металлическая прокладка — «золотой»

Прозрачность предмета: прозрачный

№ 102. Бусина, 1 экз. (рис. 38: 3; 49: 3).

Сохранность предмета: с частично утраченным верхним слое стекла

Форма предмета: шаровидная усеченная дважды

Размеры: Н — 4,5 мм; D — 6 мм; d — 1,5 мм

Канал: н/о

Техника изготовления предмета: тянутая трубочка; наложение металлической прокладки; наложение защитного слоя стекла. Деление трубочки на части при помощи щипцов (?) (шейка-закраина у одного основания канала)

Цвет предмета: стекло — бесцветное; металлическая прокладка — «золотой»

Прозрачность предмета: прозрачный

№ 103–108. Бусы, 6 экз. (рис. 38: 9–14; 49: 9–14).

Форма предмета: шаровидная усеченная дважды

Размеры: Н — 6,5–7 мм; D — 7,5–8,5 мм; d — 1–1,5 мм

Канал: н/о

Сохранность предмета: 4 экз. — полная; 2 экз. — с частично утраченным верхним слоем стекла

Техника изготовления предмета: тянутая трубочка; наложение металлической прокладки; наложение защитного слоя стекла. Основания канала без технологических следов

Цвет предмета: стекло — бесцветное; металлическая прокладка — «золотой»

Прозрачность предмета: прозрачный

№ 109–113. Бус фрагменты, 5 экз. (рис. 49: 15–19).

Сохранность предмета: сохранился внутренний слой стекла со следами металлической прокладки; внешний слой стекла утрачен

Форма предмета: шаровидная усеченная дважды

Размеры: H — 5,5–6,5 мм; D — 5–6 мм; d — 1–1,5 мм

Канал: н/о

Техника изготовления предмета: тянутая трубочка; наложение металлической прокладки; наложение защитного слоя стекла. Деление трубочки на части при помощи щипцов (?) (шейки-закраины у оснований каналов)

Цвет предмета: стекло — бесцветное; металлическая прокладка — «золотой»

Прозрачность предмета: прозрачный

С накладным декором

№ 114. Бусина, 1 экз. (рис. 37: 35; 48: 35).

Сохранность предмета: полная

Форма предмета: эллипсоидная, уплощенная в поперечном сечении

Размеры: H — 19 мм; D — 7–8 мм; d — 2 мм

Канал: н/о

Техника изготовления предмета: тянутая палочка; обкатка на плоскости; прессование на плоскость (?); наложение декоративной полосы стекла. Одно основание канала заглажено.

Цвет предмета: основа — красный; накладной декор — синий

Прозрачность предмета: основа: непрозрачный; декор: прозрачный

Литература

Ахмедов И. Р. Рязано-окские могильники. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. / Отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2007. С. 137–185.

Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В. Хронология Кошибеевского могильника // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Сборник тезисов докладов конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Алексея Петровича Смирнова / Отв. ред. И. В. Белоцерковская. М.: Изд-во ГИМ, 1999. С. 56–58.

Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В. Рязано-окские могильники. Вводные замечания // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. / Отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2007. С. 133–136.

Ахмедов И. Р., Казанский М. М. После Атиллы: киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье / Ред. В. М. Горюнова, О. А. Щеглова. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2004. С. 168–202.

Ахмедов И. Р., Обломский А. М., Радюш О. А. Брянский клад вещей с выемчатыми эмальями (предварительная публикация) // РА. 2015. № 2. С. 146–166.

Белоцерковская И. В. Рязано-окские могильники. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2007. С. 186–213.

Белоцерковская И. В. Женский костюм окских финнов V–VII вв. Традиции и новации // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Ред. А. М. Обломский. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 15. М.: ИА РАН, 2014. С. 178–229.

Булычев Н. И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.

Воронцов А. М. Памятники типа Ново-Клейменово в первой четверти I тыс. н.э. на территории Волго-Донского водораздела // РА. 2007. № 3. С. 57–68.

Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. Сер. МИА. Вып. 11. М.: ИА РАН: Таус, 2009. 468 с.

Гавритухин И. О., Воронцов А. М. Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые подвязные и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1 / Под ред. А. Н. Наумова. Тула: Куликово поле, 2008. С. 28–89.

Гришаков В. В. Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Вып. 2. Пенза: ПИРО, 2008. С. 82–137.

Гришаков В. В., Зубов С. Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 173 с.

Засецкая И. П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV—первой половины V в. н.э. // МАИЭТ. Вып. III. Симферополь: Таврия, 1993. С. 23–104.

Земцов Г. Л. Липецкий край в III–V вв. Тула: Гриф и К, 2012. 200 с.

Кренке Н. А., Румянцева О. С. Бусы Дьякова городища // Российская археология. 2008. № 2. С. 95–106.

Кренке Н. А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э.—I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

- Львова З.А. Технология изготовления северокавказских бус второй половины I тыс. н.э. // Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.; Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2000. С. 257–271.
- Мастыкова А.В. Бусы // Гавритухин И. О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 3. М., 1996. С. 42–46.
- Мастыкова А.В. Раннесредневековые бусы могильника Брут 2 // Габуев Т.А., Малашев В.Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. Сер. МИА. Вып. 11. М.: ИА РАН: Таус, 2009. С. 438–452.
- Мастыкова А.В., Земцов Г.Л. «Княжеское» женское погребение на поселении Мухино 2 гуннского времени на Верхнем Дону // КСИА. Вып. 234. 2014. С. 200–222.
- Обломский А.М., Гороховский Е.Л. О дате Мощинского и Межигорского кладов // Проблемы древнейшей истории Верхнего Поочья. Тезисы докладов 1-й Калужской историко-археологической конференции. Калуга, 1986. С. 15–17.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III—начало V в. н.э.) / Отв. ред. А.М. Обломский. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 10. М.: ИА РАН, 2007. С. 113–141.
- Розенфельдт И.Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука, 1982. 179 с.
- Румянцева О.С. Хронология и периодизация стеклянных бус могильника Кораблино // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. Сер. Труды ГИМ. Вып. 145. М.: Изд-во ГИМ, 2005. С. 268–282.
- Румянцева О.С. Рязано-окские могильники. Бусы массовых типов // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2007. С. 214–246.
- Румянцева О.С. Некоторые особенности распространения бус в Поочье и Окско-Сурском междуречье в эпоху великого переселения народов // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э.: Проблемы и материалы / Отв. ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. Сер. Раннеславянский мир. Вып. 13. М.: ИА РАН, 2010. С. 277–300.
- Румянцева О.С., в печати-1. Наборы бус финнов Среднего Поочья как элемент костюма: вопросы происхождения // *Germania—Sarmatia*. Вып. 3.
- Румянцева О.С., в печати-2. Находки полихромных бус на территории Среднего Поочья: хронология, распространение, социокультурный контекст // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Часть 2.
- Benea D. Die Römischen Perlenwerkstätten aus Tibiscum. Timișoara: Editura Excelsior Art, 2004. 287 s.
- Deroy L. Linguistique et histoire du verre antique // *Annales du 8e Congrès International d'Etude Historique du Verre*. Londres—Liverpool, 18–25 septembre 1979. Liege: Edition du Centre de Publications de l'AIHV, 1981. P. 83–87.
- Ivanišević V., Kazanski M., Mastikova A. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance, 2006. 352 p.
- Kanungo A.K. Glass beads in ancient India: An Ethnoarchaeological Approach. BAR International Series 1242. Oxford. 2004.
- Stern E.M. Glass and rock Crystal: a multifaceted relation // *Journal of Roman Archaeology*. Vol. 10. 1997. P. 192–206.

ФИБУЛЫ, ПРЯЖКИ, РЕМЕННЫЕ НАКОНЕЧНИКИ, СВЯЗАННЫЕ С ГОРИЗОНТОМ МОЩИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРОДИЩА ВЕЛЕГОЖ

Указанная в названии данной статьи группа находок, наряду с бусами (о них см. статьи А. В. Мастыковой и О. А. Румянцевой в данном сборнике), — важнейшая для датировки слоев мощинской культуры на городище Велегож (о нем см. статью А. М. Воронцова и Е. В. Столярова в данном сборнике). Важна она и для изучения контактов и истории в целом носителей этой культуры, хотя нередко изделиям из металлов с этих точек зрения внимания уделяется меньше.

На городище Велегож найдены 4 фибулы (включая фрагменты), 2 пряжки и 2 обоймы (от одной — лишь верхняя пластина) от пряжек, 3 ременных наконечника (применимость данного термина к одному из них обосновывается в тексте). К сожалению, все они происходят из сборов на поверхности памятника. С мощинской культурой они соотносятся исходя из хронологических рамок бытования их аналогий. Две фибулы (тип окские в кнопкой) рассмотрены Алексеем Михайловичем Воронцовым в вышеуказанном тексте, посвященном публикации памятника, и лишь упоминаются в заключительной части. Характеристики материала, из которого изготовлены изучаемые здесь вещи, даны условно, по внешнему виду; анализы не производились, но планируются.

1. Фрагмент фибулы (рис. 1: 1; 5: 1 к статье А. М. Воронцова и Е. В. Столярова), от которой сохранились: полуциркульно выгнутая дужка треугольного сечения, с покатыми внешними боками; идущая от нее и расширяющаяся к своему концу пластина, покрывающая приемник (ножка), имеющая в сечении вид низкого треугольника; идущий от середины ножки сплошной приемник, более короткий, чем ножка, с пространством для вхождения иглы, более коротким, чем приемник (такой называют «закрытый», «колбовидный», «в виде пенала» и т.п.). Размеры: 29х14 мм, ножки — 13х14 мм, сечения дужки — 4х3 мм. Материал — цветной металл.

Схожие характеристики можно найти у фибул нескольких групп.

Среди двупластинчатых фибул (группа 21, подгруппа I, вариант IAB по: Амброз, 1966; наиболее полный, хоть ныне и требующий существенного дополнения, каталог и обзор литературы см.: Gavritukhin, 2003) точной аналогии найти не удалось. Однако у таких фибул, их прототипов или близких аналогий из других групп (атрибуция кон-

кретного образца не всегда однозначна даже на уровне группы) можно найти соответствия каждой из перечисленных выше основных характеристик рассматриваемой находки (некоторые примеры даны на рис. 1: 2, 4, 5 7, 9, 10). Такие фибулы показательны для черняховской культуры и связанных с ней культур. Датируются они (за исключением вероятных прототипов) от 2-й четверти IV до начала V вв. Причем в гуннское время (условно — после 375 г.), а в некоторых регионах и раньше, такие застёжки на основной территории их бытования вытесняются другими, далекими от интересующих нас, вариациями двупластинчатых фибул.

Нет полных аналогий интересующей нас вещи, хотя можно найти соответствия каждой из ее основных характеристик, и среди Т-образных пружинных фибул (некоторые примеры даны на рис. 1: 3, 6, 10; 2: 4, 6, 7; 3: 2, 3). Они связаны с культурной средой западной части европейского Барбарикума (в основном известны как *Bügelknopffibel*; посвященная им литература огромна, базовыми остаются своды и обзоры [Meyer, 1960; Schulze, 1977; Voss, 1998]), но распространяются и восточнее, в т.ч. в черняховской культуре, где некоторые из них и производились (группа 20 по: Амброз, 1966; наиболее полные подборки и обзоры см. в диссертации Е. Л. Гороховского¹ и в: [Щукин, Щербакова, 1986. С. 182–184; Петраускас, 2010; Петраускас, Синица, 2010]). Такие фибулы (в их «классических» формах) являются одним из индикаторов центральноевропейской фазы С3 по Ярославу Тейралу², начало которой датируется около 320/330-х гг., хотя бытуют они и много позже.

Т-образным пружинным по ряду характеристик близки не только двупластинчатые, но и двучленные «воинские» фибулы (наиболее полный свод западноевропейских находок — Schulze, 1977), являющиеся и одной из составляющих черняховского набора застёжек (группа 20 по: Амброз, 1966; недавний обзор и каталог для территории Украины см. в: Петраускас, 2010; одна из подгрупп рассмотрена в: Гавритухин, 2007. С. 20–22). Среди них есть образцы с расширенной ножкой, коротким и/или закрытым приемником, другими характеристиками, важными для нашей темы (например, рис. 1: 2, 8, 11, 12; 3: 4, 6). Однако сочетания таких характеристик у них встречается значительно реже, чем у застёжек двух

¹ К сожалению, она не опубликована, хотя и широко известна специалистам по рукописи, хранящейся в Архиве ИА НАНУ, копиям, предоставленным коллегам автором, а также по получившим в последнее время хождение электронным версиям. Я благодарю Евгения Леонардовича за разрешение использовать эту его работу, включая возможность привести некоторые иллюстрации оттуда.

² Здесь и далее по: Tejral, 1987; 1988; 1997; 2007.

упомянутых выше групп, то есть они явно типологически дальше от рассматриваемого экземпляра.

Интересующие нас характеристики, если брать каждую из них отдельно, распространены очень широко. Остановимся на их выборке, опираясь на обозначенные черняховские выборки, ведь именно фибулы черняховской культуры массово попадали в Поочье, где находится Велегожское городище [Гавритухин, Воронцов, 2008; Белоцерковская, 2012 см. там др. литературу].

Полуциркульно изогнутая дужка показательна для Т-образных пружинных фибул, но треугольное сечение дужки для них не характерно. Такое сечение не редкость у двупластинчатых фибул, но полуциркульный изгиб дужки у них встречается не часто. Треугольное сечение дужки показательно для ряда серий «воинских» фибул, однако во многих случаях оно сочетается с наличием площадок на дужке, кроме того, по ряду типологических схем, наличие такого изгиба служит аргументом, чтобы относить фибулу не к этой подгруппе, а к Т-образным. «Воинские» фибулы с ромбической ножкой, среди которых многие имеют полуциркульно выгнутую дужку треугольного сечения без площадок, для нашей темы исключаются, поскольку в Восточной Европе ни на одной из них пока не встречен приемник-«пенал» (см. выборки в: Гавритухин, 2007. С. 20–22. Рис. 11, среди образцов типа 4 по: Петраускас, 2010).

Интересующая нас форма ножки не характерна для любой из указанных групп фибул. «Околоромбические» ножки у них, как правило, имеют более вытянутое окончание. Трапециевидные ножки очень редко имеют выгнутое наружу основание, а если оно еще и приостренное, то можно уже говорить об «околоромбической» форме.

Приемник-«пенал» — явное свидетельство «западных» традиций, карта таких приемников, например, у Т-образных пружинных фибул [Schulze-Dörlamm, 1986. Abb. 113], даже если ее дополнить многими неучтенными находками на востоке, не перестанет быть показательной. Такие приемники — один из признаков ряда типов Т-образных шарнирных фибул (группа 19 по: Амброз, 1966), делавшихся в Римской империи. Обе эти традиции оказали существенное влияние на формирование и производство деталей убора черняховской культуры, включая «этнографичные» для нее. Известны приемники-«пеналы» и у фибул черняховского облика или производства (например, рис. 1: 3, 5, 6, 12; 2: 7; 3: 3), что дает один из многих примеров адаптации чужеродных элементов в черняховской культуре.

Итак, сочетание признаков, представленное на рассматриваемом велегожском экземпляре, не представлено в черняховской культуре сформировавшимися сериями или вариантами. Но оно и не чуждо ей. Судя по всему, это гибрид, сложившийся под влиянием традиций, связанных с черняховской культурой.

Массовые черняховские влияния показательны для горизонта 2 мощинской культуры (здесь и далее по: Гавритухин, Воронцов, 2008; Воронцов, 2013), однако в нем они представлены массовыми черняховскими импортными образцами или их имитацией. Единичные формы фибул, связанные и/или опосредованные в основном традициями черняховской культуры, показательны для горизонта 3 мощинской культуры. Рассматриваемый велегожский экземпляр более всего соответствует этому контексту. Нельзя исключить принадлежность этой находки и горизонту 4 мощинской культуры, в котором прослеживаются разнообразные связи с памятниками группы Чертовичское — Замятино, для раннего перио-

да которых показательно наличие черняховских компонентов, включая фибулы [Гавритухин, 2015]. Есть на памятниках мощинской культуры и примеры изделий черняховского круга, судя по всему, связанных с группой Чертовичское — Замятино [Воронцов, 2013. С. 39].

На фоне фибул, связанных с памятниками мощинской культуры, рассматриваемая находка не выглядит особняком. Среди них — «воинские» фибулы не только с узкой ножкой, но и с сильно расширенной к концу ножкой с коротким приемником, фибулы с треугольным сечением спинки (рис. 3; см. также: Гавритухин, Воронцов, 2008. Рис. 3; Воронцов, 2013; Ахмедов, 2008). Показательна недавняя находка (рис. 3: 3) в лесном массиве к северо-западу от д. Бутырки и востоку от д. Мишнево, на левом берегу нижнего течения р. Упы, в Белевском районе Тульской области, переданная в МЗКП (благодарю Алексея Михайловича Воронцова за информацию и возможность опубликовать находку). Двупластинчатых фибул в этом ареале пока не известно, но они не единичны в культуре рязано-окских могильников, связи которой с мощинской неоднократно обсуждались [Ахмедов 2008; Воронцов, 2013. С. 28, 32; Ахмедов, Воронцов, 2012].

Говоря о культурах Поочья, следует вспомнить и окские крестовидные фибулы [Ахмедов, 2008; 2012] (развернутая работа о них готовится Ильей Рафаэлевичем к печати). Для них характерна расширенная ножка с коротким приемником, треугольное сечение дужки, правда, большинство из них отличается от рассматриваемой велегожской находки большими размерами, пропорциями ножки, более коротким приемником (приемник-«пенал» не встречен ни разу), наличием площадок на дужке и т.д. Однако встречаются экземпляры, сравнительно близкие по ряду характеристик велегожскому экземпляру (некоторые приведены на рис. 2: 1–3, 5, 8). Конечно, он не относится к окским крестовидным, важнее другое. Из теорий о происхождении окских крестовидных фибул, мне представляется имеющей правильное ядро та, что сформулирована Анатолием Константиновичем Амброзом. Напомню, что среди их прототипов был назван ряд Т-образных пружинных фибул черняховской культуры (как на рис. 2: 4, 6, 7; [Амброз, 1966. С. 76]). Интересующая нас велегожская фибула вполне вписывается в этот круг.

Если окские крестовидные фибулы связаны с культурой рязано-окских могильников, хотя и известны шире, в том числе в ареале мощинской культуры [Ахмедов, 2012. Рис. 2–5], то непосредственно с мощинской культурой связаны фибулы типа Картавцево — Серенск (как на рис. 3: 1; [Ахмедов, 2008. Рис. 9: 2–4]). Они имеют ножки, близкие тем, что характерны для окских крестовидных фибул. Это вполне может рассматриваться как показатель влияния образцов среднеокского происхождения на формирование фибул типа Картавцево — Серенск. Однако последние обладают явным своеобразием, что позволяет рассматривать их не как дериват окских крестовидных фибул, а, вероятно, как испытавшую их влияние, особую линию развития фибул в Верхнем Поочье. Велегожский экземпляр вполне может относиться к прототипам или даже ранним вариантам фибул типа Картавцево — Серенск, особенно учитывая наличие на Верхней Оке Т-образных пружинных фибул, от которых была заимствована кнопка на конце дужки, показательная для типа Картавцево — Серенск (рис. 3: 1, 3).

Фибулы типа Картавцево — Серенск показательны для горизонта 4 мощинской культуры. Следовательно, рассматриваемый велегожский экземпляр может отно-

сится к его ранней части или к предшествующему горизонту 3, частично синхронному горизонту 4.

Подведем итог. Рассматриваемый фрагмент отражает влияние черняховских традиций в Поочье, хотя и является на фоне массовых черняховских фибул гибридным экземпляром. Скорее всего, подобные застёжки относятся к кругу прототипов или первых образцов для ряда местных окских фибул, в том числе типа Картавец—Серенск, связанного с мощинской культурой. Наиболее вероятная датировка — горизонт 3 или начало горизонта 4 мощинской культуры, то есть около 2-й половины IV—начала V в.

2. Фрагмент фибулы (рис. 2 к статье А. М. Воронцова и Е. В. Столярова), от которой сохранилась часть спинки (дужки), сегментовидная в сечении, с врезками на лицевой и обратной стороне конца, переходящая в сломанную вертикальную стойку для крепления оси пружины. Размеры: 18х7,5х6 мм, сечения дужки — 6х1,5 мм. Материал — цветной металл.

Такие характеристики показательны для ряда двучленных прогнутых фибул черняховской культуры: подвязных с узкой или расширенной ножкой (группа 16, подгруппа 2, серия I, вариант 3 или близкие вариации подгруппы 4 по: Амброз, 1966), или же схожих с ними «воинских» (группа 17 по: Амброз, 1966; см. о них выше).

В мощинской культуре многочисленные массовые образцы черняховских фибул показательны для горизонта 2, но единичные черняховские фибулы продолжали поступать и позднее, напрямую, характеризую горизонт 3, не исключая и начало горизонта 4, через ранние памятники группы Чертовик—Замятино (см. выше).

Судя по довольно широкой дужке, рассматриваемый экземпляр по хронологическим шкалам черняховской культуры датируется не ранее середины IV в., не исключая гуннское время, что совпадает с временем бытования таких фибул в мощинской культуре [Гавритухин, Воронцов, 2008; Воронцов, 2013].

Следует отметить, что обозначенный временной диапазон определен для производства и основного периода бытования фибулы, но в данном случае она явно фрагментирована еще в древности, то есть время ее использования могло быть и заметно более поздним, чем момент поступления. Возможно, врезки на дужке или некоторые из них были нанесены уже после поломки фибулы, например при вторичном использовании ее фрагмента.

3. Пряжка (рис. 4: 1 к статье А. М. Воронцова и Е. В. Столярова), сохранившаяся практически без утрат, лишь подвергшаяся коррозии. Рамка овальная, в сечении округлая, в задней части ее концы соединены «внахлест» и прокованы так, что стык почти не виден. Язычок сильно выступает вперед за очертания рамки (так называемый хоботовидный), спереди слегка загнут вниз; сечение у него трапециевидное в передней, прямоугольное в задней части, переход к которой сделан без уступа и площадок; кольцо, охватывающее заднюю часть рамки, отходит от основной части корпуса язычка с небольшим наклоном. Размеры: рамки — 31,5х25 мм, ее сечения — не более 5,5 мм; язычка — 34 мм общая длина и 11,5 мм высота кольца, он имеет сечения до 3х2,8 и 2,5х4 мм. Материал — железо.

Общепризнанно, что хоботовидные пряжки показательны для гуннского времени. В Центральной Европе они массово распространены начиная с фазы D2 по Я. Тейралу, то есть с 380/400 гг. Не исключено, что в Восточной Европе они появляются немного раньше. Здесь, в ряде регионов, включая лесную зону, традиция изготовления и бытование таких пряжек сохраняются и позднее,

вплоть до эпохи так называемых геральдических реманных гарнитуров, то есть, как минимум, до 2-й половины VI в. (некоторые примеры для Волго-Уральского региона см. в.: Гавритухин, 1996).

Рассматриваемый велегожский экземпляр — явно не круга «стильных» и широко распространенных. К сожалению, локальные серии пряжек с хоботовидным язычком никто не выделял. Пока такая работа не сделана, можно думать, что изготовить подобную довольно грубую имитацию могли где угодно.

По мощинской шкале такие пряжки должны соответствовать горизонту 4 или более поздним (хорошо изученным пока лишь на городище Акиньино, публикация и анализ находок с которого готовится к печати), то есть не ранее конца IV в.

4. Пряжка (рис. 4: 2 к статье А. М. Воронцова и Е. В. Столярова), сохранившаяся практически без утрат, лишь подвергшаяся коррозии. Рамка овальная, в сечении округлая, в задней части ее концы соединены «внахлест», но грубо, так что один из них «наезжает» на другой. Язычок сильно выступает вперед за очертания рамки (так называемый хоботовидный), очень слабо загнут вниз, сечение у него прямоугольное, переход к его задней части сделан без уступа и площадок. Размеры: рамки — 28х24 мм, ее сечения — до 4 мм; язычка — 27 мм общая длина и 7,5 мм высота кольца, он имеет сечение до 3х2,5 мм. Материал — железо.

Атрибуция этой пряжки в целом совпадает с той, что дана для находки №3. Следует учесть, что №4 сделан еще грубее, чем №3.

5. Обойма пряжки (рис. 4: 1; 4: 4 к статье А. М. Воронцова и Е. В. Столярова), сохранившаяся практически без утрат. Внешняя пластина обоймы (щиток), если не считать вырез для язычка и выступы для крепления рамки пряжки, овальная, с отогнутыми вниз краями (так называемая полая). Внутренняя пластина обоймы существенно уже и немного короче внешней; к задней части она сужается и имеет прогиб по середине боков, конец срезан прямо; вырез для язычка и выступы для крепления рамки пряжки здесь близки тем, что на внешней стороне обоймы. Обойма крепилась к ремню заклепкой, проходящей через обе ее пластины и расплюсченной с внешней и внутренней стороны; судя по пространству между пластинами обоймы, толщина ремня с этой пряжкой должна быть около 2 мм. Размеры: 41,5х37 мм (включая выступы) с внешней стороны, 32,5х12–19 мм с внутренней; толщина пластины около 1 мм, она чуть толще на выступах, утоньшается к концу внутренней пластины. Материал — цветной металл.

По разработкам Владимира Юрьевича Малашева, в культурах сарматского круга и связанных с ним культурах полые обоймы со скошенными краями появляются у пряжек типа П26 (с округлыми обоймами, как на рис. 5: 11), а полые овальные обоймы, схожие с рассматриваемой велегожской, особенно показательны для типа П9 (как на рис. 5: 5, 7–10), в меньшей степени для типа П10 (как на рис. 5: 4), то есть их появление датируется не позднее 1-й половины III в. (хронологическая группа реманных гарнитуров IIa; здесь и далее — по В. Ю. Малашеву), а бытуют они и в гуннское время, впрочем, последних мало и, судя по выборке В. Ю. Малашева и другим, доступным мне подборкам, они отличаются деталями от более ранних, наиболее близких рассматриваемой велегожской пряжке [Малашев, 2000].

Особенно много пряжек с интересующими нас обоймами и их наибольшее разнообразие приходит-

ся на группу IIIa (около конца III — первых десятилетий IV в.). Подавляющее большинство таких обоев (если не все — каталога нет) в комплексах сарматского круга — меньшего размера, чем интересующая нас. В гарнитурах сарматского круга есть и довольно крупные пряжки. Например, пара из могильника Центральный на Нижнем Дону, отнесенная к хронологической группе IIa [Малашев, 2000. Рис. 5.А: 1, 2], правда, у них обойма оформлена скосом-фасеткой, то есть они не полые. Однако появление полых обоев со скошенным краем В. Ю. Малашев справедливо рассматривает в связи со стилем ременных гарнитуров, для которого характерны фасетки. Отмечу и то, что для ряда комплексов сарматского круга характерно сочетание пряжек разного размера и с обоймами, отличающимися по форме (например, рис. 5: 4–5, 7–10; ряд примеров в: Малашев, 2000).

Есть в комплексах, связанных со степью, и полые обоймы пряжек, по размерам сопоставимые с рассматриваемой велегожской, например, Тугозвонovo и Брюхановский выселок (рис. 4: 7, 10; 5: 6). Обоймы этих пряжек украшены в полихромном стиле, но их основа по размерам и большинству других характеристик вполне сопоставима с велегожским экземпляром. Дата упомянутых комплексов — спорна. Многие исследователи относили их к гуннскому периоду, часто ссылаясь на «полихромный стиль», получивший в это время широкое распространение. Однако в рамках этого «стиля» выделяется ряд стилей, имеющих вполне определенный (зачастую «негуннский») культурно-исторический контекст (см. обзор и литературу в статье А. А. Красноперова в части 2 данного сборника). Оформление ременных гарнитуров из интересующих нас комплексов соотносится со стилистикой, не связанной с эпохой расцвета Гуннской державы в 1-й половине — середине V в. Впрочем, имеет контраргументы и «догуннская» датировка рассматриваемых комплексов, основанная прежде всего на аналогиях язычкам пряжек. Кроме язычков, не заходящих на переднюю часть рамки, характерных для пряжек типа П9 по В. Ю. Малашеву (IV в.), следует иметь в виду и позднеримские пряжки с такими язычками, бытовавшие, как минимум, и в начале эпохи Великого переселения народов (см. о них ниже). Причем рифленое окончание язычков (рис. 4: 10; 5: 6) — на римских пряжках не редкость, а находки элементов гарнитуров, относящихся к позднеримским воинским стилям, есть в Поволжье и Подонье [Gavritukhin, 2008; Гавритухин, 2004], не говоря уже о регионах, более близких Римской империи.

Влияние культур степного, в том числе сарматского круга, фиксируемое и ременными гарнитурами, на северных соседей (от Поочья, интересующего нас в первую очередь, до Прикамья) — общепризнанно. Среди близких аналогий рассматриваемому велегожскому экземпляру в Окско-Сурском регионе можно назвать обоймы пряжек из Селикса-Трофимовского могильника и ряда других памятников (например, рис. 4: 5, 6, 8, 9, 11). Показательно, что, несмотря на довольно большие размеры, некоторые из них крепились к ремню одной заклепкой (как и велегожская обойма; например, рис. 4: 6, 11), в отличие от многих других пряжек, сопоставимых с ними по размерам (в других культурах пряжки с 1 заклепкой на обойме, как правило, меньше, например, рис. 5: 2, 11, 12). Отмечу, что ничего похожего на рассматриваемый

велегожский экземпляр, нет в черняховской культуре и традициях, испытывавших ее влияние.

Еще один круг аналогий интересующей нас велегожской находке — обоймы дунайских провинциально-римских пряжек и крепежных колец (как на рис. 4: 2–4), относящиеся к одному из позднеримских воинских стилей (см. своды и обзоры в: Sommer, 1984; Barkóczy, 1994). Он получил широкое распространение около 2-й четверти IV в. и бытовал, как минимум, до конца этого столетия, а может быть и позднее (выборка поздних комплексов мала, так как в быту ромеев, включая погребальный обряд, начинает господствовать христианство, а большинство находок происходит из могильников).

Как было отмечено выше, влияние римских образцов на ременные гарнитуры, известные в Восточной Европе, несомненно, имело место. Однако во многих случаях оно быстро адаптировалось в соответствии с местными вкусами и технологиями. В качестве очень своеобразного примера цепочки адаптаций можно указать на фибулу, найденную на городище мощинской культуры Супруты, дальними прототипами которой являются провинциально-римские образцы (рис. 3: 2; [Гавритухин, 2005; Гавритухин, Воронцов, 2008. С. 38–39. Рис. 3: 4]).

Говоря о верхней хронологической границе пряжек с овальными или близкими по очертаниям полными обоймами, имеющими скошенные края, следует отметить, что они известны и во время расцвета Гуннской державы в середине V в. (например, рис. 5: 3), и позднее, например, по материалам могильника Дюрсо под Новороссийском (рис. 5: 1, 2)³. Однако в целом в эту эпоху господствуют пряжки с обоймами иных типов. Скос края у полых обоев пряжек и накладок очень распространен в гарнитурах так называемого геральдического стиля (с середины VI до VII в.). Правда, овальные очертания обоев пряжек для них не характерны.

Довольно крупные размеры рассматриваемой велегожской обоймы вызывают ассоциации и с тенденцией к увеличению размеров пряжек и фибул в эпоху Великого переселения народов, фиксируемой, прежде всего, по женским уборам так называемого восточногерманского круга и культур, связанных с ним. Однако, как мы видели, интересующий нас размер обоймы есть у пряжек из гарнитуров, допускающих и более раннюю дату. Уточнить датировку и культурный круг мешает отсутствие у рассматриваемой велегожской находки рамки и язычка пряжки.

Итак, возможный спектр датировки и культурного контекста интересующей нас обоймы пряжки с городища Велегож весьма широк. Наиболее вероятной все же представляется ее связь с контекстом пряжек степного, в том числе сарматского культурного круга, широко распространенных в Окско-Сурском регионе. Дата, скорее всего — от 2-й четверти IV в. и позднее, с «заходом» в V в., не исключая ее «удревнения» и, менее вероятно, — «омоложения».

6. Обойма пряжки (рис. 6: 2; 4: 5 к статье А. М. Воронцова и Е. В. Столярова), от которой сохранилась верхняя (внешняя) пластина. Она, если не считать вырез для язычка пряжки и сохранившийся (один из двух) выступ для крепления рамки пряжки, имеет практически прямоугольную форму; сделана из тонкой ленты; украшена врезными линиями; имеет 3 отверстия, в двух из которых сохранились остатки заклепок для сцепления

³ Приведенные вещи опубликованы [Дмитриев, 1982. Рис. 6: 65, 67]. Приведенные здесь прорисовки выполнены по фотографиям из материалов к отчету А. В. Дмитриева о раскопках могильника Дюрсо в 1975 г., хранящихся в Новороссийском государственном музее-заповеднике. Я благодарен Александру Васильевичу за разрешение ознакомиться с этими материалами и использовать некоторые из них в своих публикациях.

с нижней пластиной и крепления к ремню. Размеры: 42х20 мм. Материал — цветной металл.

Вытянутые прямоугольные обоймы, сделанные из тонкой пластины, весьма широко распространены как хронологически, так и географически.

Аналогии в культурах, близких по этим показателям мощинской, массово представлены на памятниках Окско-Сурского региона. Как правило, обоймы этих пряжек несколько отличаются от рассматриваемого велегожского экземпляра пропорциями (они часто длиннее и/или уже), украшением (например: Розенфельдт, 1982. С. 99-102; Белоцерковская, 2007. Рис. 9: 1-3, 5, 9, 23, 35, 36, 38, 44, 46, 48, 51, 52; 2014. Рис. 3: 37, 42; 6: 27; Ахмедов, 2007. Рис. 1: 172: 1; 3: 3, 7; 4: 6, 9; 6: 4; 10: 2; 17: 9; 19: 4; схема 1: 6, 10, 13, 24; Гришаков, 2008. Рис. 6: 1, 5; 8: 4; 16: 19; 18: 25; 20: 9). Однако есть и обоймы пряжек, близкие той, что нас интересует, по орнаментации и/или пропорциям, причем и за пределами обозначенного выше региона (например, рис. 6: 1, 4; [Розенфельдт, 1982. Рис. 22: 14; 23: 12; Ахмедов, 2007. Рис. 3: 3; 19: 4; Белоцерковская, 2007. Рис. 9: 1, 5, 9; Гришаков, 2005. Рис. 12: 1, 10; 2008. Рис. 20: 9; Мясников, 2013. Рис. 7: 8])⁴. Датируются такие пряжки в основном догуннским временем, позднее их меньше, важные для нас аналогии не характерны, хотя и встречаются.

Близкий аналог рассматриваемой велегожской обоймы, правда, меньших размеров, известен и из находок на городище Крутогорье в Верхнем Подонье (см. статью Д. Н. Акимова в данном сборнике). Эта обойма относится к горизонту памятников типа Чертовицкое — Замятино⁵, что дает хронологический репер в рамках конца IV — V в. Учитывая находки в Крутогорье пряслиц черняховской традиции, можно уверенно говорить о наличии здесь вещей ранней части этого отрезка, но нельзя исключить и его позднюю часть. Для культуры, представленной на памятниках типа Чертовицкое — Замятино, неоднократно отмечалось смешение многих традиций, в числе которых и окские. Судя по всему, упомянутая обойма пряжки из Крутогорья — еще одно свидетельство связей донских и окских культур.

В западной части бассейна р. Оки пряжки с обоймой интересующего нас типа известны на памятниках дьяковской культуры (например, рис. 6: 3; Розенфельдт, 1982. Рис. 22: 7, 9-11, 14, 17, 20; Кренке, 2011. Рис. 141: 1310-86)⁶. Связи культур этого региона, включая мощинскую, между собой и с культурами, расположенными восточнее их, неоднократно обсуждались (в число примеров тому входит и ряд находок из Велегожа, рассмотренные

здесь и в других статьях данного сборника, посвященных этому памятнику).

Итак, скорее всего, рассматриваемая велегожская обойма пряжки связана с культурами окско-сурских «финнов». Дата ее весьма широка, как минимум, от середины III до первых десятилетий V в.

7. Подвесной ременный наконечник (рис. 6: 5; 4: 9 к статье А. М. Воронцова и Е. В. Столярова), сохранившийся практически без утрат, если не считать коррозии и не предполагать наличие у него обоймы (см. ниже). Верхняя часть у него имеет прямоугольную форму, верху — отверстие, очевидно, для крепления к ремню или обойме, от орнаментации у верхней среза и на примыкающей к нему боковой части наконечника сохранились врезные линии, перпендикулярные линии абриса изделия; средняя часть — тоже прямоугольная, но уже и длиннее верхней, имеет по бокам скосы-фасетки; нижняя часть — дисковидная, она заметно шире средней и немного шире нижней части. Это довольно массивная пластина, сужающаяся в нижней части. Размеры⁷: общая длина — 50,5 мм, верхней части — 17,5х11,5 мм, средней — 20х8,5 мм, нижней — 13х14 мм, толщина — до 2 мм. Материал — железо.

В ареале мощинской культуры схожий наконечник (рис. 6: 6) найден на городище Щепилово в ходе раскопок А. М. Воронцова в 2004 г.; он происходит из раскопа V, слоя, соотносимого с горизонтом 2 мощинской культуры (по полевой описи — №34; благодарю Алексея Михайловича за информацию и возможность опубликовать эту вещь).

Концентрация ближайших аналогий этим вещам наблюдается в Москворечье, что и позволяет выделить особую серию, которую я предлагаю назвать «западно-окской». Кроме упомянутых велегожской и щепиловской, к ней относятся следующие находки.

С Дьякова городища позднедьяковской культуры происходит четыре таких наконечника, все из раскопок Н. А. Кренке (рис. 6: 9, 10, 12, 13)⁸. Среди них обращает на себя внимание массивный экземпляр (рис. 6: 10), у которого в верхней части не сделано отверстие и, судя по публикации, отсутствуют следы крепления к ремню другим способом. Вполне возможно, что это полуфабрикат или даже «мастер-модель».

Наконечник со Щербинского городища позднедьяковской культуры опубликован дважды, и эти рисунки заметно отличаются друг от друга (рис. 6: 7, 8; Дубынин, 1974. Табл. XIII: 7; Розенфельдт, 1982. Рис. 26: 3). Скорее всего, это одна вещь, но изображенная по-разному⁹.

⁴ Пряжки с обоймами, соотносимыми по пропорции и размерам с рассматриваемым велегожским экземпляром, к северу от Оки известны, например, из находок на Большедавыдовском могильнике, исследовавшемся Суздальской экспедицией ИА РАН. Благодарю Николая Андреевича Макарова и Ирину Евгеньевну Зайцеву за информацию. Памятник готовится к полной публикации.

⁵ Новейшие обзоры и литературу в отношении этих древностей см. в ряде глав коллективной монографии под редакцией А. М. Обломского: Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конца IV – V в.). Сер. Раннеславянский мир. Вып. 16. М., 2015)

⁶ Приведенная пряжка со Щербинского городища прорисована по оригиналу, хранящемуся в Музее Москвы, о. ф. 24665/1752, инв. № 8816, Щр-61/274. Благодарю за помощь в работе Екатерину Юрьевну Тавлинцеву.

⁷ Замеры и первоначальный рисунок сделаны до реставрации этого наконечника. Здесь публикуется изображение этой вещи после реставрационных работ с ней.

⁸ Благодарю Николая Александровича за возможность работать с коллекцией и ценные консультации о памятнике. Результаты раскопок, включая интересующие нас находки, опубликованы [Кренке, 2011. Рис. 141: 457-83, 336-83, 528-83, 1434-87]. Один экземпляр (рис. 5: 10) дан в моей прорисовке с оригинала, где четче переданы некоторые детали; еще один (рис. 5: 14) — по публикации, с небольшим уточнением (четче обозначены скосы по бокам средней части наконечника). С остальными наконечниками этой серии я не работал по оригиналам; они приводятся по публикации, поскольку в точности данных там рисунков я имел возможность убедиться в ходе работы со многими вещами из этой коллекции (это легко проверить и по фотографиям [Кренке, 2011. Рис. 69]).

⁹ На некоторый схематизм или неточности в рисунках к книге И. Г. Розенфельдт (1982 г.) многие исследователи обращали внимание, в том числе и в печати (например: Сыроватко, 2001. С. 88), что, конечно, не отменяет ряда достоинств этой работы.

Хотя нельзя исключить и наличия на памятнике двух похожих экземпляров, как на Дьяковом городище (см. выше) или на Палечком городище (Луховицкий район Московской области), где найдено 3 наконечника интересующей нас группы, явно входивших в один гарнитур [Сыроватко, 2001. С. 88. Рис. 5: 1–3].

У наконечника с Троицкого городища позднедьяковской культуры (рис. 6: 11; [Розенфельдт, 1982. Рис. 26: 7]) отсутствует нижняя часть. Однако принадлежность его рассматриваемой серии наиболее вероятна, судя по сохранившимся частям и учитывая частоту таких находок на позднедьяковских городищах.

Ближайший аналог рассмотренным наконечникам происходит из погр. 120 могильника Заречье в Среднем Поочье (рис. 7: 1; [Белоцерковская, 2007. Рис. 9: 6])¹⁰. Формально он вполне может относиться к западноокской серии, хотя верхняя часть у него несколько длиннее, чем у западноокских экземпляров. По ряду признаков близки ему наконечники из того же региона, происходящие из Шатрищенского могильника (рис. 7: 2; [Розенфельдт, 1982. Рис. 27: 2]) и погр. 8 мыса 2 могильника Кораблино (рис. 7: 6). От интересующих нас экземпляров эти два отличаются плавным переходом от верхней части наконечника к его средней части, а последний — и трапециевидной, а не прямоугольной формой верхней части.

Для среднеокско-сурских наконечников рассматриваемой группы (например, рис. 7: 3, 4; Розенфельдт, 1982. Рис. 27: 1, 3–5, 7, 9, 10, 15; Белоцерковская, 2007. Рис. 9: 14, 25, 26, 28, 29, 36; Гришаков, 2008. Рис. 18: 27; 2009. Рис. 4: 19) более характерна верхняя и средняя часть, имеющая единый абрис в форме трапеции, как у прототипов — наконечников сарматского круга типа Н5 и близких им по форме (например, рис. 7: 9; 10: 12; Малашев, 2000. Рис. 3А: 1; 4А: 2; 7Б: 2; 7В: 1–3), и выделение средней части фасетками, что также восходит к южным образцам (например, рис. 7: 11; 10: 10–13; многие образцы в: Малашев, 2000).

Стиль орнаментации (обильные точки, в том числе линия по оси симметрии), форма частей (вытянутая верхняя часть и др.) рассмотренных выше рязано-окских наконечников (рис. 7: 1, 2, 6) указывают на их принадлежность местным сериям (многие примеры приведены выше). Прямоугольная форма верхней и/или средней части у среднеокско-сурских наконечников встречается (например, рис. 7: 5; 10: 8, 9; Розенфельдт, 1982. Рис. 27: 6; Гришаков, 2008. Рис. 18: 28, 29), скорее, как единичные местные модификации или как показатель влияния южных образцов (например, рис. 7: 10, 11; 10: 10–13). Нельзя исключить, что выделенная абрисом средняя часть получилась у упомянутых рязано-окских экземпляров из-за утраты или неумелой имитации фасеток, которые в этом месте нередки у наконечников Среднеокско-Сурского региона. Тем не менее упомянутые наконечники из Корабли-

но, Шатриш, Заречья и подобные им могли относиться к кругу прототипов для изделий западноокской серии.

Ближайший аналог наконечникам интересующей нас западноокской серии известен и на Азелинском могильнике (рис. 8: 10), что заставляет обратиться к древностям азелинского круга¹¹. Здесь можно найти ряд наконечников со схожими размерами и другими характеристиками, включая важные для нашей темы выделенный абрис верхней части, прямоугольную верхнюю или нижнюю часть (например, рис. 8: 11–13, 16–17; возможно, рис. 8: 14, 15). Их объединяет наличие в разных сочетаниях таких особенностей, как использование косых фасеток, четырехчастная структура (выделение низа верхней или верха средней части, в том числе и рельефное), крепление к ремню не подвесной обоймой, как у многих окско-сурских экземпляров, а непосредственно, нередко усиливаемое задней пластиной и/или наличием двух заклепок. Очевидно, что они связаны с довольно представительным набором наконечников, близких тем, что приведены на рис. 8: 18. Судя по всему, мы имеем дело с особыми местными сериями наконечников, восходящими к южным образцам (круга тех, что приведены на рис. 7: 10; 10: 12; Малашев, 2000. Рис. 4А: 3; 5а: 16–17; 12И: 3; 12К; 12Л: 2 и т.п.).

В гарнитурах азелинского круга можно указать еще одну серию наконечников интересующего нас типа «прямоугольник — более узкий прямоугольник — диск»¹². Для нее (ряд образцов см. на рис. 8: 6–9) показательны сравнительно (с другими частями наконечника) крупный диск, зауженная средняя часть, форма части, примыкающей к отверстию для подвешивания, близкая квадрату. Очевидна связь таких наконечников с экземплярами, близкими тому, что представлен на рис. 8: 5, известным в тех же, что перечисленные экземпляры, или близких по составу азелинских комплексах.

Еще одна азелинская модификация наконечников рассматриваемого типа — маленькие, с удлинённой верхней частью (как на рис. 8: 2–4). Возможно, небезынтересный для нашей темы экземпляр из Селикса-Трофимовского могильника в верховьях р. Суры (рис. 8: 1; Розенфельдт, 1982. Рис. 27: 8), отличающийся от других окско-сурских более маленькими размерами¹³, отражает контакты сурского и азелинского населения.

Формальные соответствия интересующему нас типу есть и в мазунинской культуре (например, рис. 9: 1, 3 — второй слева, 4, 5 — снизу). Здесь они связаны главным образом с украшением ножен и других вещей местных серий, вплоть до фибул. Очевидно, что в данном случае важная для нашей темы форма — результат единичных отклонений от образцов, представленных на мазунинских изделиях массово (например, рис. 9; Останина, 1997. Рис. 4: 11; 5: 13; 6: 7; 8: 10, 11; 11: 27; 12: 15, 18, 20, 24, 25, 30; 15: 8, 21; 16: 2; 25: 15; 33: 9; 38: 12; 71: 3; 73: 5; 79: 27).

¹⁰ Благодарю Ирину Васильевну Белоцерковскую за ценные консультации о наконечниках интересующей нас группы из рязано-окских могильников и предоставление некоторых рисунков для публикации; Александра Анатольевича Красноперова — за указание на ряд находок вне Поочья и обмен мнениями, ценные для данной работы.

¹¹ Состав, ряд вопросов понимания, даже общее название памятников позднеиримского времени и начала эпохи Великого переселения народов в бассейне Вятки, Нижнего Прикамья и прилегающего Поволжья остаются предметом дискуссий. В них здесь нет возможности, да и сильной нужды участвовать, а употребляется (как и для мазунинской культуры) наиболее широко распространенное название.

¹² Наименование и иерархия таксонов зависит от традиции, вплоть до вкуса конкретного автора. В данной и ряде других работ я предпочитаю «типом» обозначать набор вещей, выделенных по набору признаков формально, а «серией» — ряд культурно и хронологически связанных вариантов, что близко словоупотреблению, например, в: Амброз, 1966.

¹³ Если, конечно, в публикации масштаб правильный — ср. прим. 8. По другим известным мне публикациям находок из этого могильника данный экземпляр опознать не удалось, однако памятник, к сожалению, полностью не опубликован.

Прямые контакты мощинской культуры с азелинской и мазунинской не зафиксированы. Это избавляет от необходимости разбора других находок волго-камского круга, представленных единичными или плохо сохранившимися экземплярами (рис. 7: 7–9; 8: 23–25). До появления новых материалов и исследований можно считать, что они имеют конвергентное сходство с наконечниками из Западного Поочья или это сходство опосредованно культурами среднеокско-сурского круга.

Все рассмотренные выше наконечники восходят к образцам, связанным с культурами более южного, степного круга. Нельзя исключить, что с ним напрямую связано и формирование интересующей нас среднеокской серии. Однако пока трудно назвать вещи, показывающие все этапы такой эволюции, а наконечники интересующей нас группы окско-сурских серий есть, по крайней мере, в позднедьяковской культуре [Розенфельдт, 1982. Рис. 26: 1].

С другой стороны, говоря о ременных наконечниках Западного Поочья, следует иметь в виду и центрально-европейский импульс, особенно учитывая, что он просматривается как в этом регионе, в том числе и по ременным наконечникам, так и восточнее его [Гавритухин, Воронцов, 2008. С. 28–32, 46–51; Ахмедов, 2010]. Сопоставления некоторым характеристикам западноокской серии можно найти на отдельных наконечниках висло-одрского круга (например, рис. 8: 20–22). На основе типа 4 по Ренате Мадыде-Легутко (как на рис. 8: 20), которому они в основном принадлежат [Madyda-Legutko, 2011], сложились и некоторые наконечники из лесной зоны Восточной Европы, в том числе круга древностей восточноевропейских выемчатых эмалей (как на рис. 8: 19), с которым западноокские мощинская и позднедьяковская культура, несомненно, имели прямые контакты, являясь фактически его периферией (см. также об окских фибулах с кнопкой: статья А. М. Воронцова и Е. В. Столярова в данном сборнике и Ахмедов, 2008). Эти «западные» наконечники, как правило, имеют систему крепления к ремню, отличающуюся от той, что представлена на наконечниках западноокской серии, и могут рассматриваться лишь в рамках одной из линий гипотетических прототипов. Сказанное, скорее, призвано подчеркнуть способность «мощинцев» адаптировать и перерабатывать в местные серии широкий круг прототипов.

Первоначально находки наконечников западноокской серии рассматривались как вещи, не имеющие точных аналогий [Дубынин, 1974. С. 237], затем — в контексте культур финского круга Окско-Сурского региона и датировались VI–VII вв. [Розенфельдт, 1982. С. 112]. По мере углубленного изучения находок (прежде всего, из рязано-окских могильников) было показано, что наконечники того же круга, что интересующие нас, распространенные в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы и особенно частые на памятниках от Поочья до Прикамья, восходят к прототипам, связанным с культурами сарматского круга.

Для нашей темы особенно важны наконечники, выделенные В. Ю. Малашевым в тип Н5 (как на рис. 7: 12), представленный в хронологических группах IIb и IIIa гарнитуров сарматского круга, датированных около 2-й половины III — 1-й трети IV в., а также единичные формы (как на рис. 10: 10–13), отнесенные к группе IIa (не позднее 1-й половины III в.) [Малашев, 2000]. Кстати, некоторые из последних имеют систему крепления к ремню такую же, как у образцов центральноевропейских серий и их дериватов (как на рис. 8: 19–21).

В рязано-окских и сурских могильниках наконечники рассматриваемой группы нередко происходят из женских обувных гарнитуров, но известны и среди других деталей убора. По разработкам И. В. Белоцерковской, они появились в комплексах конца группы 1 или начала группы 2a (здесь и далее — по ее периодизации становления и развития женского убора культуры рязано-окских могильников), массово представлены в группе 2a, но есть и в группе 2b [Белоцерковская, 2007. С. 198: № 3; 199–200: № 8; рис. 9: 6, 14, 36]. Отметим, что наиболее близкий западноокской серии экземпляр (рис. 7: 1) относится к ранним, правда, он единичен, то есть не дает представления о всем хронологическом отрезке бытования интересующих нас вещей.

По выкладкам специалистов по рязано-окским древностям, наконечники рассматриваемой группы датируются около последних десятилетий (возможно со 2-й половины) III — середины IV в. (возможно, позже, но не выходя за рамки этого столетия) [Белоцерковская, 2007. С. 198–200; Ахмедов, Белоцерковская, 2007]. По хронологической шкале, предложенной для Верхнего Посурья, такие наконечники датируются в рамках IV в., но до распространения вещей, характерных для эпохи Великого переселения народов (группы 3 и 4 по: Гришаков, 2008).

Основной репер для Москворечья — Дьяково городище, где интересующие нас наконечники (рис. 6: 9, 10, 12, 13) соотносятся с самым верхом среднего горизонта верхнего слоя («–210–260») и слоем «–160–210» [Кренке, 2011. С. 61, 64]. Н. А. Кренке датировал эти находки по рязано-окским и сарматским аналогиям «III в.», «1-й половиной III в.», «III в., не исключая конца II в.», учитывая лишь отчасти упомянутые выше работы И. В. Белоцерковской и В. Ю. Малашева, на которые он ссылается, и даже входя в противоречие с ними [Кренке, 2011. С. 61, 64, 91]. Сопоставление Н. А. Кренке «археологических» дат с радиоуглеродными не слишком проясняет ситуацию. Средний горизонт верхнего слоя Дьякова городища по C14 датирован II в. или около того, верхний горизонт верхнего слоя «начал накапливаться» в IV в., для горизонта «–160–200» названа ориентировочная дата — III — 1-я половина IV в., для верхней части среднего и нижней части верхнего горизонта — 2-я половина III — IV в. [Кренке, 2011. С. 143–145]. Учитывая, что признается некоторый сдвиг в древность радиоуглеродных дат по сравнению с «археологическими», получается хронологический отрезок, допускающий синхронность среднеокских и москворецких находок, но не исключая и более позднее появление последних.

В мощинской культуре мы имеем также не много хронологических реперов для датировки рассматриваемых наконечников. Упомянутая находка в Щепилово, как было сказано, происходит из слоя городища, соотносимого с горизонтом 2 мощинской культуры, который датируется рубежом III/IV — серединой IV в. или около 2-й и 3-й четвертей IV в. (о датах см.: Гавритухин, Воронцов, 2008; Воронцов, 2013). Не ранее того, а несомненно, судя по керамике — горизонтами 3 и 4, то есть не ранее середины или 2-й половины IV в., датируются отложения мощинской культуры на важном для нас в первую очередь городище Велегож (см. статью А. М. Воронцова и Е. В. Столярова в данном сборнике). В слоях, относящихся к горизонту 1 мощинской культуры, таких наконечников нет, хотя следует учитывать, что материалов из этих слоев пока не много.

Резюмируя сказанное, представляется, что западноокская серия рассматриваемых наконечников сложилась, скорее всего, под влиянием среднеокско-сур-

ских серий, бытовавших около последних десятилетий III—середины IV в. или в немного более широких хронологических рамках и восходящих к прототипам сарматского круга. Теоретически не исключено и самостоятельное формирование западноокской серии на основе прототипов, известных как на юге, так и на западе, по крайней мере, с III в. (более ранние даты не обсуждаются, исходя хотя бы из датировки мощинской культуры). Велегожская находка в этих рядах явно не ранняя. Несомненных данных о бытовании рассматриваемой группы наконечников в гуннское время нет.

8. Одночастный ремennyй наконечник (рис. 4: 10 к статье А. М. Воронцова и Е. В. Столярова) сохранился без видимых сломов, но явно имеет утраты, связанные с его коррозией. Он имеет форму, характеризующую часто как «мечевидная» или «языковидная»; крепился к ремню с помощью прорези, проходящей между его внешней и задней плоскостями, куда вставлялся ремень, и заклепки, проходившей сквозь обе эти плоскости наконечника и ремень. Размеры: 31х5,5 мм. Материал — цветной металл.

К сожалению, сохранность предмета не позволяет искать ему аналогии по ряду деталей. По разработкам Р. Мадыды-Легутко, наконечники такой формы и системы крепления к ремню относятся к типу 12, показательно для эпохи Великого переселения народов [Madyda-Legutko, 2011], что соответствует мнению, разделяемому большинством специалистов. Однако следует иметь в виду находки схожих наконечников в явно более раннем контексте (например: Малашев, Яблонский, 2008. Рис. 203: 13–14), не говоря уже об аналогиях отдельным характеристикам рассматриваемого наконечника (например: Малашев, 2000. Рис. 4А: 4; 4Б: 8; 12И: 3; Малашев, Яблонский, 2008. С. 56–57; рис. 203: 12; 205: 8–23; Madyda-Legutko, 2011. Тип 3, 9, в меньшей степени другие). Соотношение этих двух обширных массивов ремennых наконечников не изучено.

Плохая сохранность рассматриваемой вещи и неясности в понимании ее аналогов заставляют на время воздержаться от ее культурной и хронологической атрибуции.

9. Крепежный наконечник (рис. 11: 1; 4: 3 к статье А. М. Воронцова и Е. В. Столярова) сохранился практически полностью, хотя и деформирован в огне. Его верхняя часть, судя по всему, имела форму прямоугольной рамки с выступами, идущими вверх от двух ее верхних углов; сечение у нее, скорее всего, округлое. Нижняя, примыкающая к верхней (их разделяет желобок, опоясывающий наконечник), лучше сохранившаяся часть имеет форму овала, круглого в сечении. Размеры: около 21х15 мм верхней части, 24х16,5 — нижней, отделенной от верхней не менее чем на 1 мм; толщина — не более 5,5 мм. Материал — цветной металл.

Атрибуция таких изделий, как «подвесные крепежные наконечники», основана на ряде находок, где они сохранились с остатками ремня (например, рис. 10: 1, 2, 6, 7; 11: 12, 15; Gavritukhin, в печати; Kožomberdieva, Kožomberdiev, Kožemjako, 1998. Abb. 9: 4, 7, 9). В этих случаях видно, что аналогии интересующей нас вещи крепились на конце ремня, то есть являются наконечниками, а кольцо в нижней части подразумевает возможность использования его для крепежа, что подтверждает ряд аналогий (в том числе рис. 10: 5, 6)¹⁴.

Прототипы таких наконечников известны на памятниках Центральной Азии и Юга Сибири, по крайней мере с раннего железного века и связаны с конским снаряжением (например, рис. 10: 5; Степанова, 2006; Рябкова, 2013). В Европе они появляются вместе с волнами центральноазиатских кочевников. Одна из них, после довольно долгого перерыва в эпоху стабильности позднесарматской культуры, — гуннская, положившая в Европе начало эпохе Великого переселения народов и принесяшая наконечники интересующего нас облика (см. ниже). Возможно, новые импульсы для их развития принесли волны азиатских кочевников, связанные позднее, например, с савирами, потеснившими остатки объединений, связанных с гуннами (например, рис. 10: 3, 4, аналогов которым мне не известно в европейских комплексах гуннской эпохи, но можно найти в Азии, например, рис. 10: 6, 7), а с середины VI в. — с аварами и тюрками.

Таких наконечников в Восточной Европе в эпоху Великого переселения народов не мало, известны они и в синхронных, несомненно связанных с восточноевропейскими, древностях от Сасанидского Ирана до Западного Средиземноморья и Подунавья. Они довольно разнообразны. Из дальнейшего рассмотрения мы исключаем далекие от интересующего нас экземпляра крепежные наконечники, имеющие не кольцевидную нижнюю часть и/или верхнюю часть не в виде рамки, а, например, сплошную, как и сделанные не из металла, а, например, из кости или рога. Из остатка исключаем и полые наконечники (как на рис. 10: 2; благодарю Надежду Анатольевну Лещинскую за разрешение опубликовать эту вещь из ее раскопок) или те, у которых верхняя и нижняя части не примыкают друг к другу, а разделены разного рода перемычками, сглаженными или отчетливо выраженными (как на рис. 10: 1–4, 6, 7).

К типу 1.1.1.¹⁵ относятся наконечники без выступов (как на рис. 11: 5–8, 10–13, 19, 20). Они найдены на памятниках близ Пятигорска и Кисловодска на юго-западе Ставропольского края и близлежащих территорий Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии на Северном Кавказе (рис. 11: 5, 10, 12; 13, 19; Рунин, 1979. Рис. 1: 5; 7: 7; 1969. Табл. III: 13; L'Or ..., 2001. No 26,4)¹⁶; в кон-

¹⁴ Приведенные рисунки находок из Чми, полученных в ходе раскопок Дмитрия Яковлевича Самоквасова, сделаны на основе выкопировок А. К. Амброза из альбома Д. Я. Самоквасова, хранящегося в МГУ; они уточнены мною по оригиналам, хранящимся в ГИМ, за что я приношу благодарность сотрудникам этого музея. Обзор комплексов опубликован в: Гавритухин, Обломский, 1996. С. 79–81; рис. 83; Гавритухин, 2010. С. 411–413; рис. 3. В упомянутом альбоме приведены и находки их Харха.

¹⁵ Типы выделяются по наличию/отсутствию выступов у верхней или нижней части наконечника. Варианты можно выделять по пропорциям частей и другим характеристикам или их сочетанию, для чего выборка слишком невелика, да и детали у некоторых экземпляров не всегда ясны из-за сохранности или особенностей публикаций. Чтобы говорить о сериях (см. прим. 11), нужна специальная работа. Здесь я предлагаю заинтересованному читателю лишь эскиз для нее. В него не включены данные о находках в Среднем Подунавье и некоторых других регионах.

¹⁶ Находка из Кугульского склепа прорисована по оригиналу, хранящемуся в Ставропольском историко-культурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике, коллекция № 19888; за возможность работать с рядом коллекций я благодарен Игорю Владимировичу Отыцкому и Николаю Анатольевичу Охонько. Изображение комплексов из Хасаута любезно предоставил мне Юрий Анатольевич Прокопенко, сделавший копию подборки рисунков из архива В. А. Лученкова.

ских захоронениях на могильнике Дюрсо в Северо-Восточном Причерноморье (рис. 11: 7, 8; Дмитриев, 1979. Рис. 3: 3, 14); в Разграде или его окрестностях на севере совр. Болгарии (рис. 11: 10; контекст не ясен; я благодарю Георги Дзанева за возможность работать с коллекциями Исторического музея в Разграде и разрешение опубликовать оттуда ряд находок), в Курнаевке в Саратовском Поволжье (рис. 11: 6; Засецкая, 1994. Табл. 30: 3), в Залахтове на восточном берегу Чудского озера (север Псковской области) (рис. 11: 20; Хвошинская, 2004. Табл. 3: 3).

Значительная часть представленной выборки (Дюрсо, Кугульский склеп 4, погр. 118 в Зарагиче) связана с историко-культурным контекстом, наступившим после расцвета Гуннской державы в середине V в., и длившимся до эпохи распространения геральдических ремennых гарнитуров (не ранее середины VI в.), иногда этот продолжительный период называют «постгуннским» или «шиповским» «горизонтом». Находка у горы Развалка вполне может относиться к гуннскому времени, но следует иметь в виду, что склепы Северного Кавказа могли содержать десятки захоронений, а этот — разграблен. Как гуннским, так и постгуннским временем может, судя по сохранившимся вещам, датироваться разрушенное погребение из Курнаевки. О существовании этого типа наконечников в гуннское время свидетельствует комплекс из Унтрезибенбрунна [L'Or ..., 2001. No 9,24] (находки из Центральной и Западной Европы, как и из Азии, здесь не рассматриваются, но это важно для датировки). Склеп в Хасауте содержит вещи эпохи распространения геральдических ремennых гарнитуров и более поздние. Отметим, что и крепежный наконечник оттуда типологически дальше от велегожского, чем все упомянутые выше. Катакомба 8 Кугульского могильника 1 слишком бедна находками для узкой датировки, как и курганы из Залахтовы. Лишь наконечник из Залахтовы не связан со степными кочевниками и зоной их влияния. Однако он может датироваться и более поздним временем, чем интересующий нас период (в рамках V/VI—X вв., см. Хвошинская, 2004. С. 26, 133, 145).

К типу 1.1.2. относятся наконечники с выступами у верхних углов верхней рамки и без выступов на нижней рамке. Кроме рассматриваемого велегожского экземпляра (рис. 11: 1), к нему относятся наконечник из разрушенного погребения у станицы Здвиженская близ Ставрополя (рис. 11: 2; Засецкая, 1994. Табл. 11: 8) и из погр. 13 Петропавловского могильника на юге Удмуртии (рис. 11: 3; Семенов, 1976. Табл. II: 10; прорисован по оригиналу в Национальном музее Удмуртской республики (Ижевск), № 179/165; благодарю Таисию Ивановну Останину за благожелательную помощь в работе). Комплекс из Здвиженской относится большинством специалистов к гуннской эпохе, с чем я солидарен (аргументы о более поздней дате, приводившиеся, например, А. К. Амброзом, в свете новых находок слабы). Петропавловский могильник относится к эпохе распространения геральдических ремennых гарнитуров (не ранее середины VI в., а здесь, несомненно, позднее).

Плохо или частично сохранившиеся наконечники из погр. 56 на могильнике Ахмылово в Марийском Поволжье и погр. 177 мыса 1 в Кораблино из Среднего Поочья (рис. 11: 4, 9; Никитина, 1999. Рис. 13: 4; Ахмедов, 1995. Рис. 2: 18; ахмыловский экземпляр дан в прорисовке Алексея Владимировича Богачева, которому я благодарен за эту возможность) могут относиться как к типу 1.1.1., так и 1.1.2. Упомянутая находка из Кораблино

принадлежит к эпохе распространения геральдических ремennых гарнитуров (благодарю за консультации Илью Рафаэлевича Ахмедова), из Ахмылова — более ранняя, но в пределах эпохи Великого переселения народов.

Тип 1.2.1. включает наконечники без выступа в верхней части, но со слабым выступом-бородкой в нижней. Мне известна одна такая находка, происходящая из Херсонеса (рис. 11: 14; прорисована по оригиналу, хранящемуся в Эрмитаже, в секторе Византии, № X-1189; за благожелательную помощь в работе и позволение опубликовать ряд находок я благодарен Вере Николаевне Залесской).

Тип 1.2.2. представлен наконечниками с выступами как в верхней (аналогично типу 1.1.2), так и нижней (аналогично типу 1.2.1.) частях. Доступная мне выборка (рис. 11: 15–18) представлена находками из компактного региона в Северной Осетии, датированными не ранними этапами эпохи распространения геральдических гарнитуров и более поздним временем (подробнее об этих памятниках см.: прим. 14; Кадиева, 2012).

Как мы видим, ближайшие аналогии интересующему нас экземпляру из Велегожа (рис. 11: 2, 4–8, 10, 11), судя по датированным комплексам, относятся к гуннской или постгуннской («догеральдической») эпохе. В тех случаях, где комплекс понятен, эти наконечники могут быть связаны с конским снаряжением, как и многие другие экземпляры рассмотренных и других типов, а в ряде случаев (включая упомянутые прототипы) это не вызывает у специалистов сомнений.

Принятие такой атрибуции заставляет признать наличие в Велегоже конской узды конца IV—середины VI в. южного круга, связанной со степными кочевниками, предки которых пришли из Азии, или с культурами, испытывавшими их влияние. Учитывая, что рассматриваемый велегожский экземпляр частично оплавлен, он, скорее всего, связан с гибелью интересующего нас поселка мощинской культуры, а принадлежал либо его неординарному жителю, либо (более вероятно) агрессору, чей конь пострадал при разгроме в Велегоже.

Общие замечания. На Велегожском городище, в отличие от других памятников мощинской культуры (см. наиболее полную опубликованную выборку в: Воронцов, 2013), довольно много пряжек, их деталей и других составляющих ремennых гарнитуров. Отчего это так — особый вопрос, но это делает рассматриваемый памятник особенно важным для исследования ремennых гарнитуров в мощинской культуре.

Как мы видели, один из наконечников ремней, представленный в Велегоже, относится к серии, связанной с Западным Поочьем (см. часть 7 данной статьи). Эта серия, как и представленные в Велегоже обоймы пряжек (см. части 5 и 6), скорее всего, связаны с восточными соседями мощинской культуры из Среднего Поочья и Посурья, а их прототипы — с южными (по отношению к упомянутым) культурами степного круга или их соседями. Непосредственно к этому кругу относится один из ремennых наконечников (часть 9). Две пряжки и один наконечник (части 3, 4, 8) на современном уровне их изучения не могут быть использованы для культурной атрибуции с желаемой конкретностью.

Две фибулы из Велегожа вполне обычны для мощинской культуры. Одна из них (окская с кнопкой; см. статью А. М. Воронцова и Е. В. Столярова в данном сборнике) принадлежит к «этнографичным» деталям убора носителей этой культуры; третья (см. часть 2 данной статьи) — черняховской традиции, широко представленной

как в Верхнем, так и Среднем Поочье. Еще одна фибула (часть 1) относится к редкой модификации, скорее всего, являющейся гибридом, сформировавшимся на основе черняховских образцов, и принадлежит кругу прототипов местных верхне- и/или среднеокских серий.

Не менее трех из рассмотренных изделий (части 3, 4, 9) и окские фибулы с кнопкой указывают на наличие на Велегожском городище горизонта эпохи Великого переселения народов. Многие из рассмотренных находок (части 1, 2, 5, 6, 7) связаны с традициями предшествующего времени, хотя в разной степени эти вещи не исключают отнесение и к гуннскому периоду. Вопрос о датировке одного из ременных наконечников (часть 8) — открыт.

Судя по рассмотренным датированным находкам, мощный слой на Велегожском городище был сравнительно (в отношении многих других городищ мощинской культуры) недолговременным. Он соотносит-

ся с горизонтами 3 и 4 мощинской культуры, причем не исключено, что не охватывает их временной диапазон полностью.

Довольно большое число находок из металлов, пребывание как минимум одной из них (явно чужеродной для традиций лесной зоны Восточной Европы) в огне, наличие клада свидетельствует о потрясениях, скорее всего, военном разгроме поселения в Велегоже. Теоретически потрясение могло быть неоднократным, но прямых свидетельств этому нет; скорее наоборот, мощинский поселок в Велегоже просуществовал сравнительно недолго, а после гибели его место было вновь заселено только в древнерусское время.

Впрочем, узко датированных находок, соотносимых с мощинской культурой, на памятнике не так уж много, и высказанные впечатления должны быть проверены детальным анализом стратиграфии и керамического комплекса городища Велегож.

Литература

- Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н.э. — IV в.н.э. Сер. САИ. Вып. ДІ-30. М.: Наука, 1966.
- Ахмедов И. Р. Из истории конского убора и предметов снаряжения всадника рязано-окских могильников // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4 / Отв. ред. В. П. Челябинов. Рязань, 1995. С. 89–111.
- Ахмедов И. Р. Инвентарь мужских погребений. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Сер. РСМ. Вып. 9 / Отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М., 2007. С. 137–185.
- Ахмедов И. Р. Окские фибулы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. / отв. ред. А. Н. Наумов. Тула: МЗКП, 2008. С. 7–27.
- Ахмедов И. Р. Окские крестовидные фибулы как индикаторы этнокультурных процессов в Центральной России эпохи Великого переселения народов // Вояджер: мир и человек / Отв. ред. А. В. Богачев. Самара, 2012. №3. С. 107–123.
- Ахмедов И. Р. «Свев» из Мордовии. К изучению культурных контактов поволжских финнов в III в. н.э. // РА. 2010. №1. С. 26–37.
- Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В. К реконструкции исторических процессов. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Сер. РСМ. Вып. 9 / Отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М., 2007. С. 273–275.
- Ахмедов И. Р., Воронцов А. М. Узколезвийные проушные топоры римского времени и эпохи Великого переселения народов с территории верхнего и среднего Поочья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3 / Ред. А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: МЗКП, 2012. С. 9–54.
- Белоцерковская И. В. Инвентарь женских погребений. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Сер. РСМ. Вып. 9 / Отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М., 2007. С. 186–212.
- Белоцерковская И. В. О предметах черняховской культуры в женском инвентаре рязано-окских могильников // Евразия в скифо-сарматское время. Сер. Труды ГИМ. Вып. 191 / Отв. ред. Д. В. Журавлев, К. Б. Фирсов. М.: ГИМ, 2012. С. 27–37.
- Воронина Р. Ф., Зеленцова О. В., Энгватова А. В. Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. Сер.: Труды отдела охранных раскопок ИА РАН. М.: ИА РАН, 2005
- Воронцов А. М. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела. Тула: МЗКП, 2013.
- Гавритухин И. О. К изучению ременных гарнитур Поволжья VI–VII вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей, 1996. С. 115–133.
- Гавритухин И. О. Детали поясов «позднеримского воинского» стиля с поселения Замятни 10 // Острая Лука в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. Сер. РСМ. Вып. 6 / Сост. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2004. С. 14–15.
- Гавритухин И. О. Фибула с городища Супруты // Europa Barbarica. Ćwierć wieku archeologii w Maślomęczu. Сер.: Monumenta studia Gothica. IV / Red. P. Łuczkiwicz et al. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2005. С. 113–115.
- Гавритухин И. О. Финал черняховской культуры. Днепропольское лесостепное Левобережье // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Сер. РСМ. Вып. 9 / Отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М., 2007. С. 9–24, 39–43, 46–59, 65, 410–411.
- Гавритухин И. О. Фибулы могильника Мамисондон в контексте кавказских находок // Албегова З. Х., Веришинский-Бабайлов Л. И. Раннесредневековый могильник Мамисондон. Сер. Материалы охранных археологических исследований. ИА РАН. Т. 11. М.: ТАУС, 2010. С. 410–428.
- Гавритухин И. О. Фибулы эпохи Великого переселения народов, найденные в Ксизово // Острая Лука в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово. Сер. РСМ. Вып. 16 / Сост. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015. С. 212–240, 403, 404, 407, 420, 443, 459, 466, 469, 544, 570–574.

- Гавритухин И. О., Воронцов А. М. Фибулы верхнеокско-донского водораздела: двучленные прогнутые подвязные и со сплошным приемником // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1 / Отв. ред. А. Н. Наумов. Тула: МЗКП, 2008. С. 28–89.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его историко-культурный контекст. Сер. РСМ. Вып. 3. М.: ИА РАН, 1996.
- Горюнова Е. И. Мари-Луговской могильник и селище // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. №9–10. С. 171–186.
- Гришаков В. В. Население верховьев Мокши и Суры накануне средневековья. Саранск: Мордовский гос. педагогический институт, 2005.
- Гришаков В. В. Хронология мордовских древностей III — IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Вып. 2. 2008. С. 82–112.
- Гришаков В. В. Степановский могильник IV–V вв. // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 3. Саранск, 2009. С. 57–80.
- Дмитриев А. В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 1979. №4. С. 212–229.
- Дмитриев А. В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков / Отв. ред. А. К. Амброс, И. Я. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 69–107.
- Дубынин А. Ф. Щербинское городище // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 198–281.
- Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). Санкт-Петербург: Эллипс Лтд, 1994.
- Кадиева А. А., Хронологические индикаторы в погребальном инвентаре Галиатского склепа 1935 г. в Дигорском ущелье (Северная Осетия) // РА. 2012. №1. С. 100–111.
- Кренке Н. А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э.—I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011.
- Лешинская Н. А. Хронология и периодизация пьяноборских могильников I–V вв. н.э. бассейна р. Вятка // Древности Прикамья эпохи железа: хронологическая атрибуция. Сер. МИАКВАЭ. Т. 25 / Отв. ред. Р. Д. Голдина. Ижевск: Удмуртский гос. университет, 2012. С. 124–163.
- Лешинская Н. А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). Сер. МИАКВАЭ. Т. 27. Ижевск: Удмуртский гос. университет, 2014.
- Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Сер.: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1 / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: «Терра», 2000. С. 194–232.
- Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (по материалам могильника Покровка 10). Сер. Материалы и исследования по археологии России. №9. М.: Восточная литература, 2008.
- Мартыанов В. Н. Арзамасская мордва в I—начале II тысячелетия. Арзамас: Арзамасский гос. педагогический институт, 2001.
- Мясников Н. С. Этнокультурные процессы в Чувашском Поволжье в I–VIII вв. н.э. в свете археологических данных. Чебоксары: Чувашский гос. институт гуманитарных наук, 2013.
- Никитина Т. Б. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников). Йошкар-Ола: Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при правительстве Республики Марий Эл, 1999.
- Останина Т. И. Покровский могильник IV–V вв. Каталог археологических коллекций. Ижевск: Нац. музей Удмуртской республики, 1992.
- Останина Т. И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН; Нац. музей Удмуртской республики, 1997.
- Ошибкина С. В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм. Сер. Материалы охранных исследований. Т. 13. М.: ИА РАН, 2010.
- Петраускас О. В. Фібули «воїнського типу» черняхівської культури (за матеріалами пам'яток України) // Археологія і давня історія України. Вип. 2. Київ, 2010. С. 191–207.
- Петраускас О. В., Сеница Е. В., Фибулы «шиткового типа» черняховской культуры // Германия—Сарматия. II. Калининград; Курск, 2010. С. 113–132.
- Розенфельдт И. Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука, 1982.
- Рунич А. П. Аланские катакомбные могильники V–VIII вв. в городе Кисловодске и его окрестностях // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. 2. Ордженикидзе, 1969. С. 97–111.
- Рунич А. П. Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. 1979. №4. С. 232–247.
- Рябкова Т. В. Памирская I, курган 10: культурно-хронологическая позиция комплекса // Археологический сборник. Вып. 39. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2013. С. 59–99.
- Семенов В. А. Петропавловский могильник // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 3–50.
- Скрипкин А. С. Погребальный комплекс с узденным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // СА. 1989. №4. С. 172–181.
- Спицын А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы. Сер.: Материалы по археологии России. Т. 25. СПб, 1901.
- Старостин П. Н. Рождественский V могильник. Сер.: Археология евразийских степей. Вып. 9. Казань: Институт истории Академии наук Республики Татарстан, 2009.
- Степанова Е. В. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры // Археологические вести. №13. СПб., 2006. С. 102–150.
- Сыроватко А. С. Коллекция Палецкого городища из фондов Зарайского краеведческого музея // КСИА. Вып. 212. 2001. С. 81–89.
- Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан // Аланы: история и культура. III. Владикавказ, 1995. С. 184–258.
- Хвощинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли. Сер. Труды ИИМК РАН. Т. VI. СПб.: ИИМК РАН, 2004.

Щукин М. Б., Щербакова Т. А. К хронологии могильника Данчены // Рафалович И. А. Данчены. Могильник черняховской культуры III–IV вв. н.э. Кишинев: Штиница, 1986. С. 177–219.

Barkóczy L. Beiträge zur Geschichte der Provinz Valeria im IV–VI Jh. // *Saecimina nova universitates quinqueecclesiensis*. 1994. S. 57–135.

Diaconu Gh. Über die Fibel mit halbkreisförmiger Korfplatte und rautenförmigem Fuss aus Dazien // *Dacia*. N.S. XVII. 1973. S. 257–275.

Gavritukhin I. Double-plate fibels of subgroup I // *A nyíregyházi Jóna András Múzeum Évkönyve*. XLIV. Nyíregyháza, 2003. P. 113–184.

Gavritukhin I. O. Late Roman Military Style in the East of the Forest and Forest-Seppe Zone of Europe // *Journal of Roman Military Equipment Studies*. Vol. 16. 2008. P. 57–67.

Gavritukhin I. O. Belt sets // Härke H., Belinsky A. *Klin-Yar* В печати.

Kožomberdieva E. I., Kožomberdiev I. K., Kožemjako P. N. Ein Rftakombengrab aus der Schlucht Šamsi // *Eurasia Antiqua*, Bd. 4. Mainz am Rhein, 1998. S. 451–471.

L'Or des princes barbares. Paris: Musée des Antiquités nationales, 2001.

Madyda-Legutko R. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. *Cep. British Archaeological Reports. International Series*. Vol. 360. Oxford, 1987.

Madyda-Legutko R. *Studia nad zróżnicowaniem metalowych części pasów w kulturze przeworskiej: okucia końca pasa*. Kraków: Towarzystwo Wydawnicze Historia Iagellonica. 2011.

Schulze M. Die Spatkaiserzeitlichen Armbrustfibeln mit festem Nadelhalter (Gruppe Almgren VI. 2). *Cep. Antiquitas*. R.3. Bd. 19. Bonn: Rudolf Habelt Verlag GMBH, 1977.

Schulze-Dörrlamm M. 1986. Romanisch oder Germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust- und Bügelknopffibeln des 5. und 6. Jahrhunderts n. Chr. Weslich der Rheins und südlich der Donau // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. Bd. 33. S. 593–720.

Sommer M. Die Gürtel und Gürtelbeschläge des 4. und 5. Jahrhunderts im römischen Reich. *Cep. Bonner Hefte zur Vorgeschichte*. Nr. 22. Bonn: Rheinischen Friedrich-Wilhelms Universität, 1984.

Tejral J. Zur Chronologie und Deutung der südöstlichen Kulturelemente in der frühen Völkerwanderungszeit Mitteleuropas // *Anzeiger des Germanischen Nationalmuseums*. 1987. S. 11–46.

Tejral J. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donaauraum // *Archaeologia Austriaca*. 72. 1988. S. 223–304.

Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaauraum // *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donaauraum*. *Cep.*: Spisy AÚ AV ČR Brno. 8 / Hrsg. J. Tejral, H. Friesinger, M. Kazanski. Brno: AÚ AV ČR Brno, 1997. S. 321–392.

Tejral J. Das Hunnenreich und die Identitätsfragen der barbarischen «gentes» im Mitteldonaauraum aus der Sicht der Archäologie // *Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit*. *Cep.*: Spisy AÚ AV ČR Brno. 26 / Hrsg. J. Tejral. Brno: AÚ AV ČR Brno, 2007. S. 55–119.

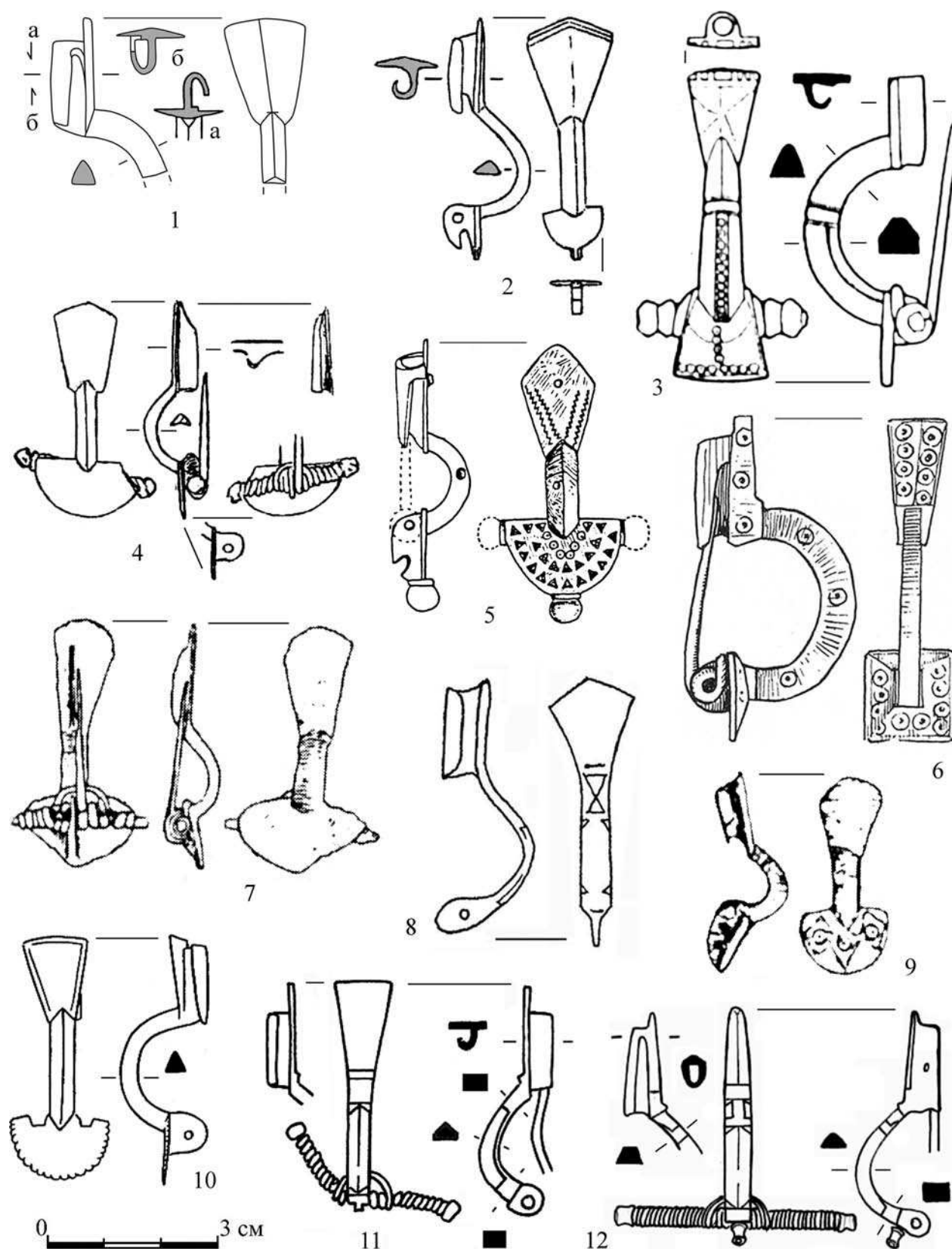

Рис. 1. Аналогии фибуле из Велегожа, относящиеся к черняховским и связанным с ними традициям.

1 — Велегож; 2 — Неслухов; 3 — Черкасссы, погр. 60; 4 — Петрешть, погр. 152; 5 — Каневский уезд Киевской губернии; 6 — Богданешть; 7 — Могошань, погр. 44; 8 — Градежск-Круча; 9 — Вербична; 10 — Боромля-2; 11, 12 — Великая Бугаевка, погр. 165 и 75.

1, 2 — рис. И. О. Гавритухина; 2, 4, 5, 7, 9 — по: Gavritukhin, 2003; 3 — по: Петраускас, Синица, 2010; 5, 8, 10 — по: Гавритухин, 2007; 6 — по: Diaconi, 1973; 11, 12 — по: Петраускас, 2010

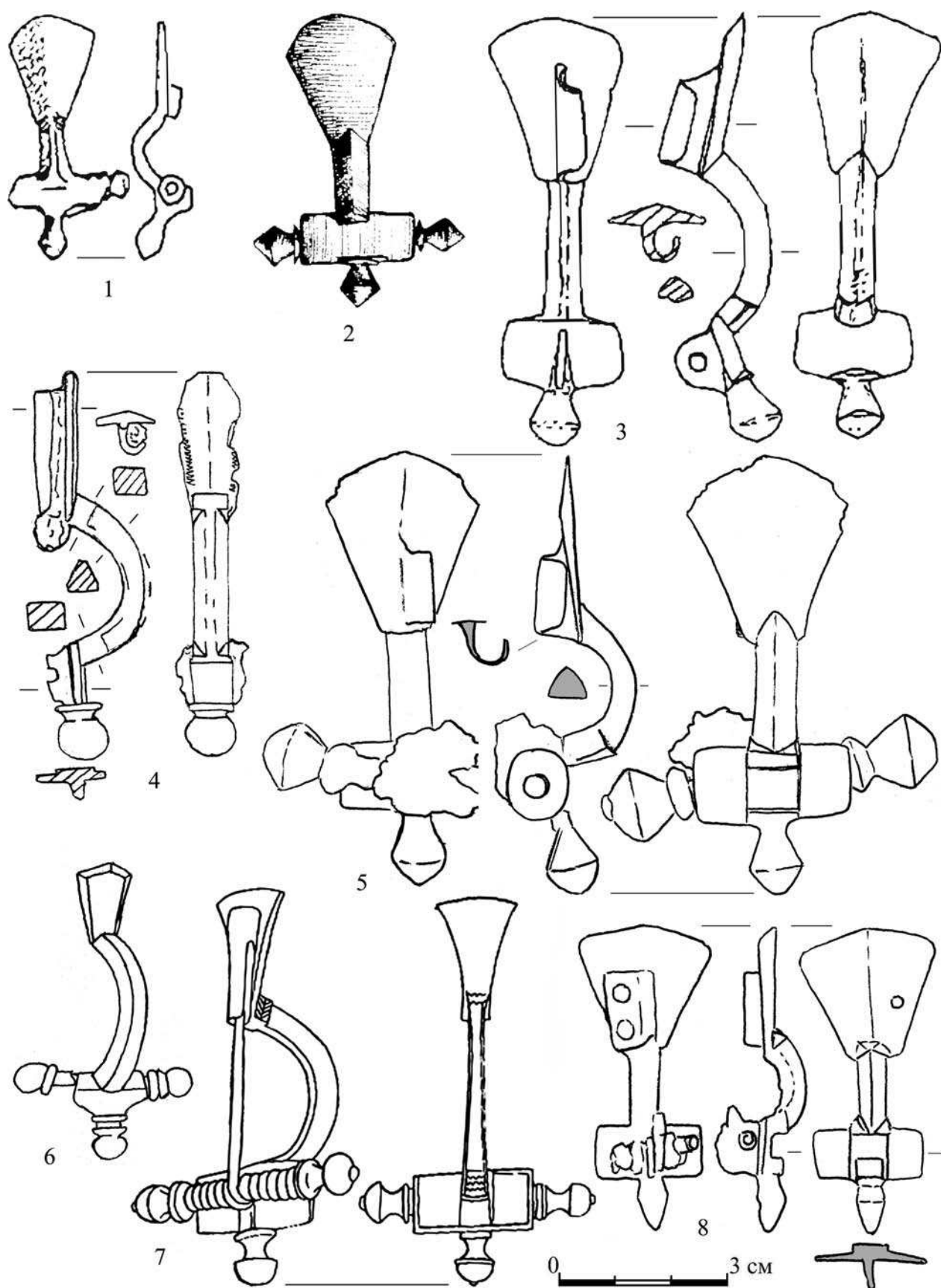

Рис. 2. Окские крестовидные фибулы и их прототипы.

1 — Введенское селище; 2 — Никитино, погр. 14; 3 — Брыкина гора (Можайск); 4 — Кошибеево, погр. 11; 5, 8 — Борки, погр. 91 и 37; 6 — Киевская губерния; 7 — Орловец.

1, 3 — по: Ахмедов 2008; 2 — по: Воронина, Зеленцова, Энгватова, 2005; 4, 5, 8 — рис. А.К. Амброза; 6, 7 — по: Амброз, 1966

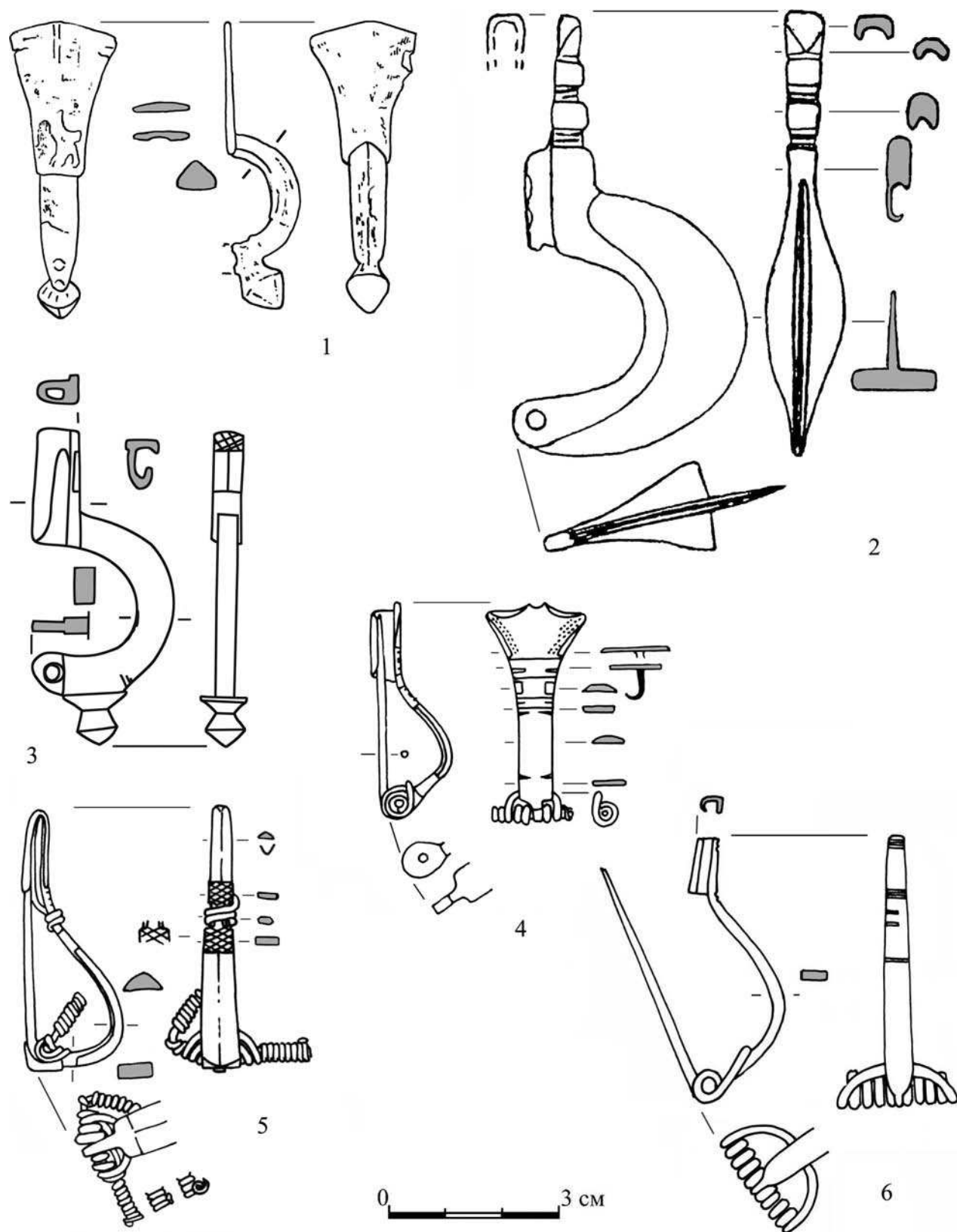

Рис. 3. Фибулы с памятников или из ареала мощинской культуры.

1 — Акиньино; 2, 5 — Супруты; 3 — Бутырки/Мишнево; 4 — Шепилово; 6 — Борисово.

1, 2, 4, 5 — рис. И. О. Гавритухина; 3, 6 — рис. А. М. Воронцова

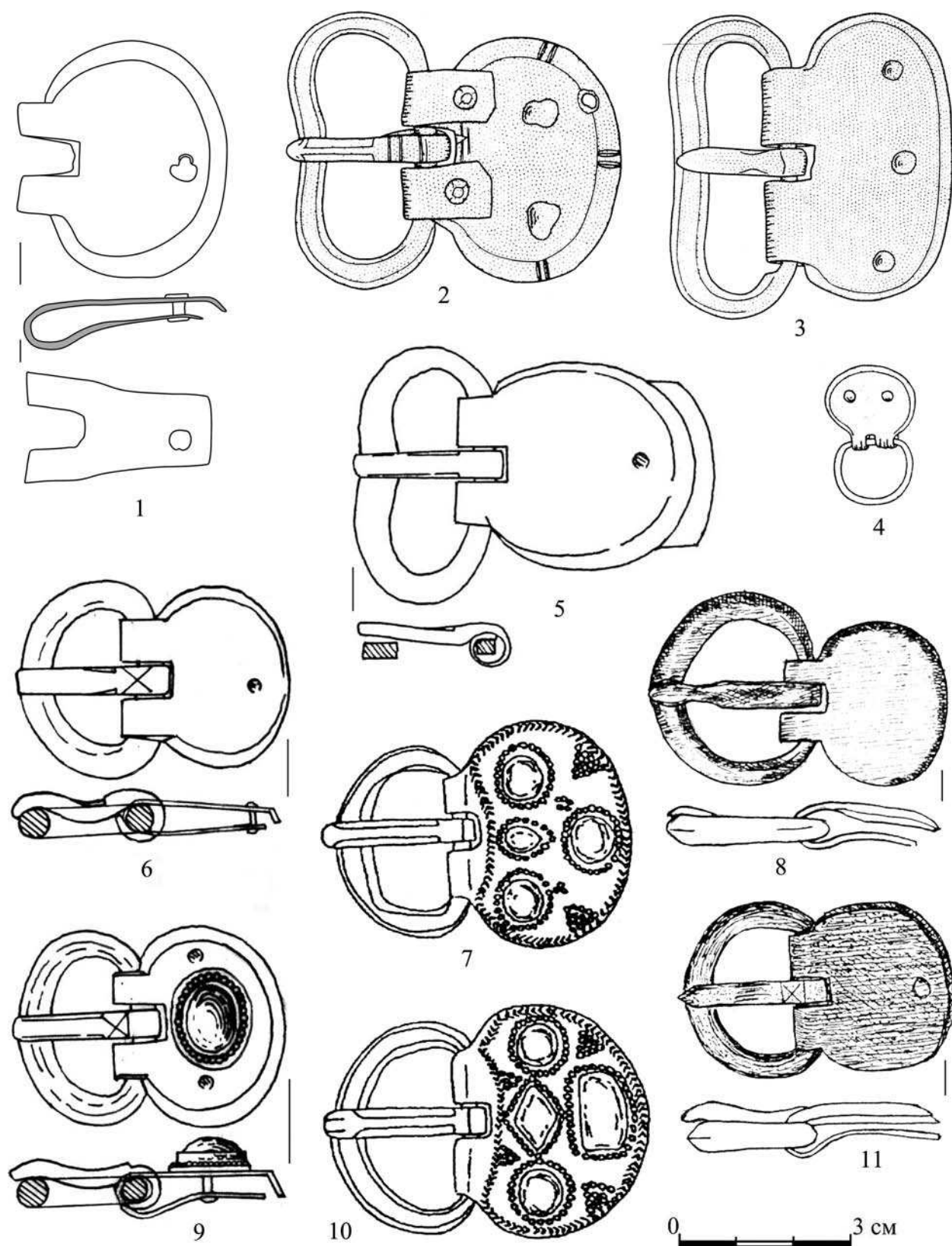

Рис. 4. Полые обоймы со скошенными краями.

1 — Велегож; 2–4 — Шагвар, погр. 257 и 198; 5 — Тезиковский могильник, погр. 34; 6, 9 — Селикса-Трофимовский могильник, погр. 8; 7, 10 — Тугозвонovo; 8 — Заречье 4, погр. 11; 11 — Кораблино, мыс 1, погр. 75.

1 — рис. И. О. Гавритухина; 2–4 — по: Sommer, 1984; 5, 6, 9 — по: Гришаков, 2008; 7, 10 — по: Малашев, 2000; 8 — по: Ахмедов, Воронцов, 2012; 11 — рис. предоставлен И. В. Белоцерковской

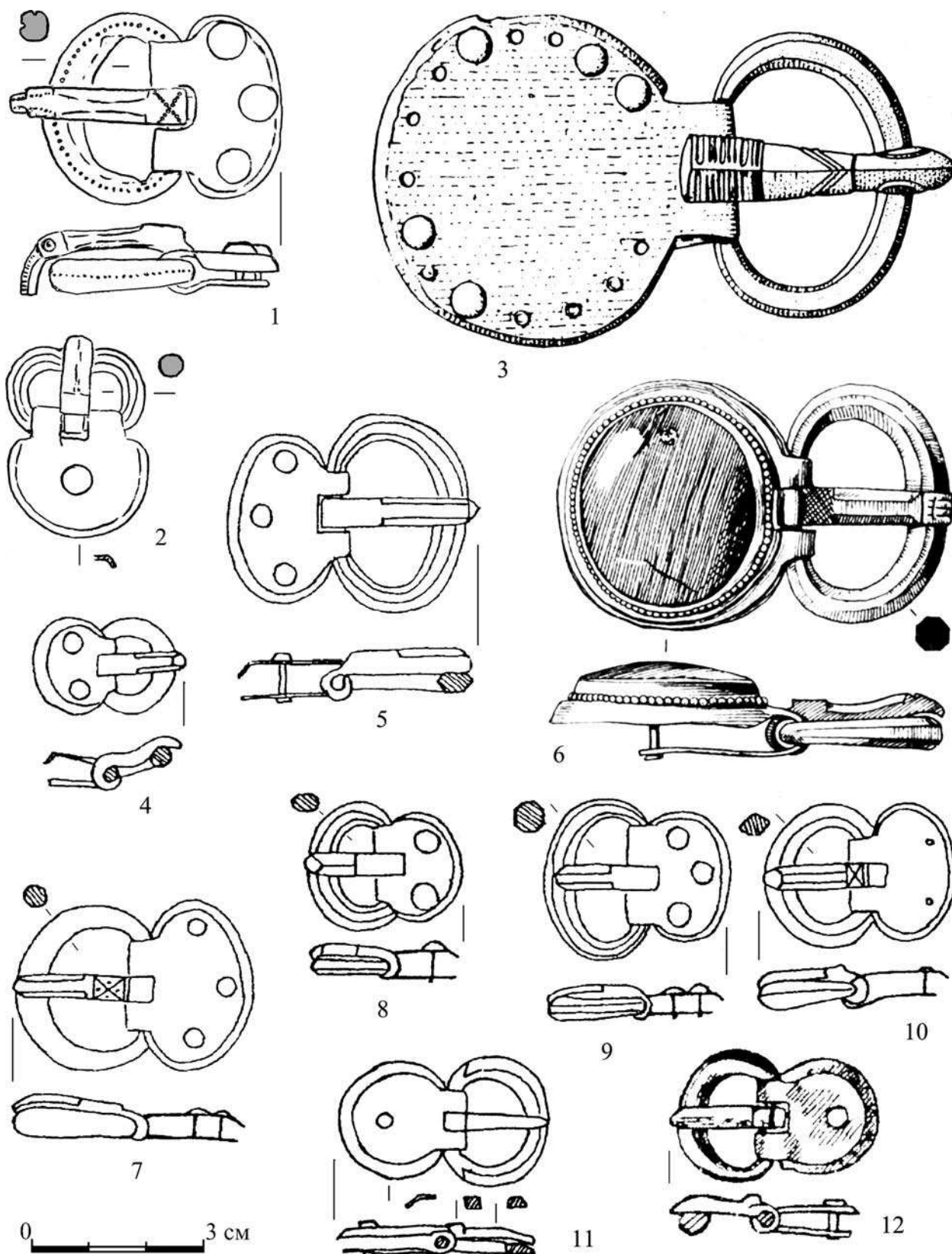

Рис. 5. Полые обоймы со скошенными краями.

1, 2 — Дюрсо, погр. 408; 3 — Смолин, погр. 32; 4, 5 — Градешка; 6 — Брюхановский выселок; 7–10 — Кишпек, курган 13; 11 — Конезавод I, курган 9; 12 — Рождественский могильник V, погр. 235.

1, 2 — рис. по фотографии; 3 — по: Madyda-Legutko, 1986; 4, 5, 7–11 — по: Малашев, 2000; 6 — по: Засецкая, 1994; 12 — по: Старостин, 2009

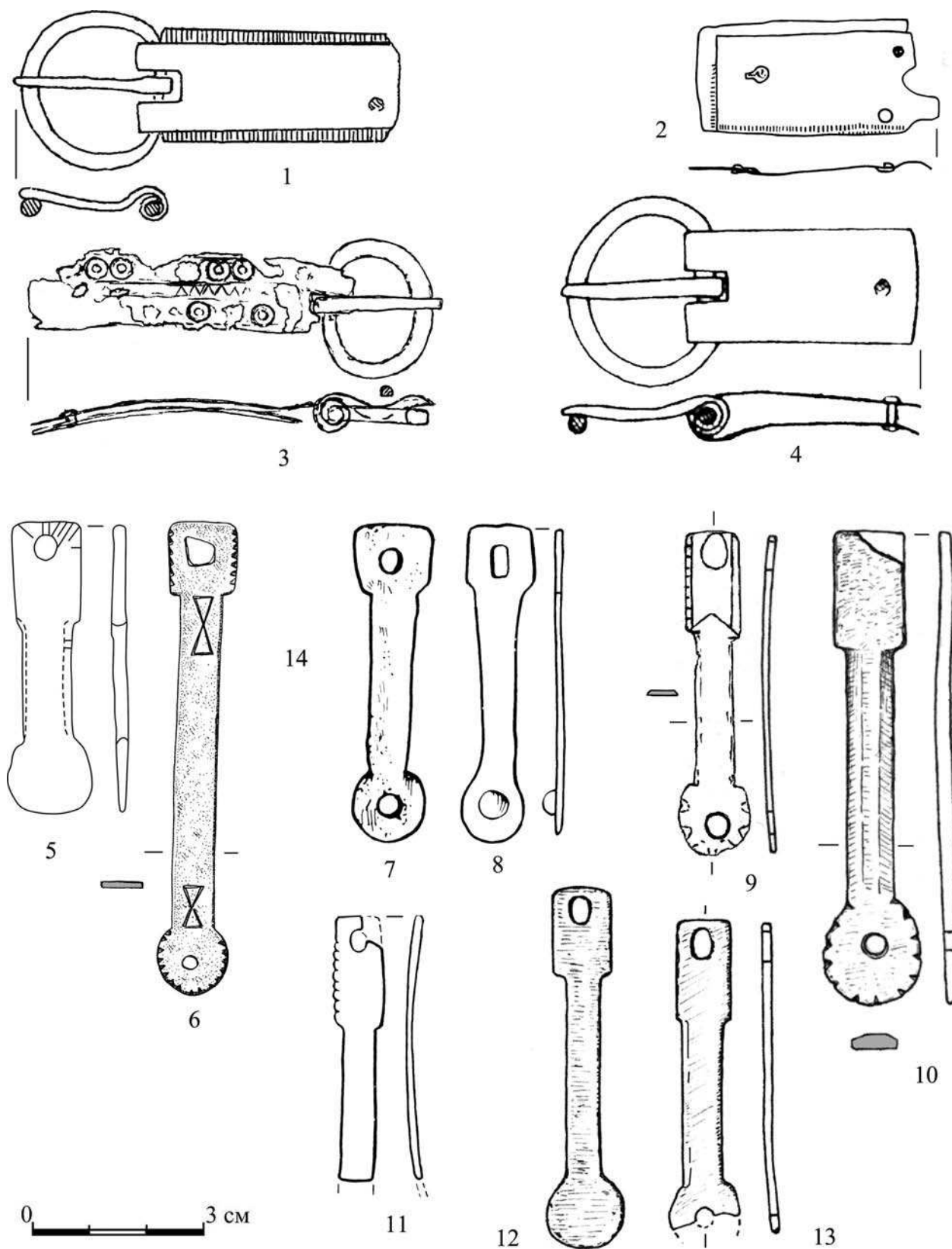

Рис. 6. Прямоугольные обоймы пряжек и наконечники ремней западноокской серии.

1 — Тезиковский могильник, погр. 37; 2, 5 — Велегож; 3, 7, 8 — Щербинское городище; 4 — Шемшийский могильник, погр. 11; 6 — Щепилово; 9, 10, 12, 13 — Дьяково городище; 11 — Троицкое городище.

1 — по: Гришаков, 2008; 2, 6 — рис. А. М. Воронцова; 3, 5, 9 — рис. И. О. Гавритухина; 4 — по: Гришаков, 2005; 7 — по: Дубынин, 1974; 8, 11 — по: Розенфельдт, 1982; 10, 12, 13 — по: Кренке, 2011 (13 — с уточнениями по оригиналу)

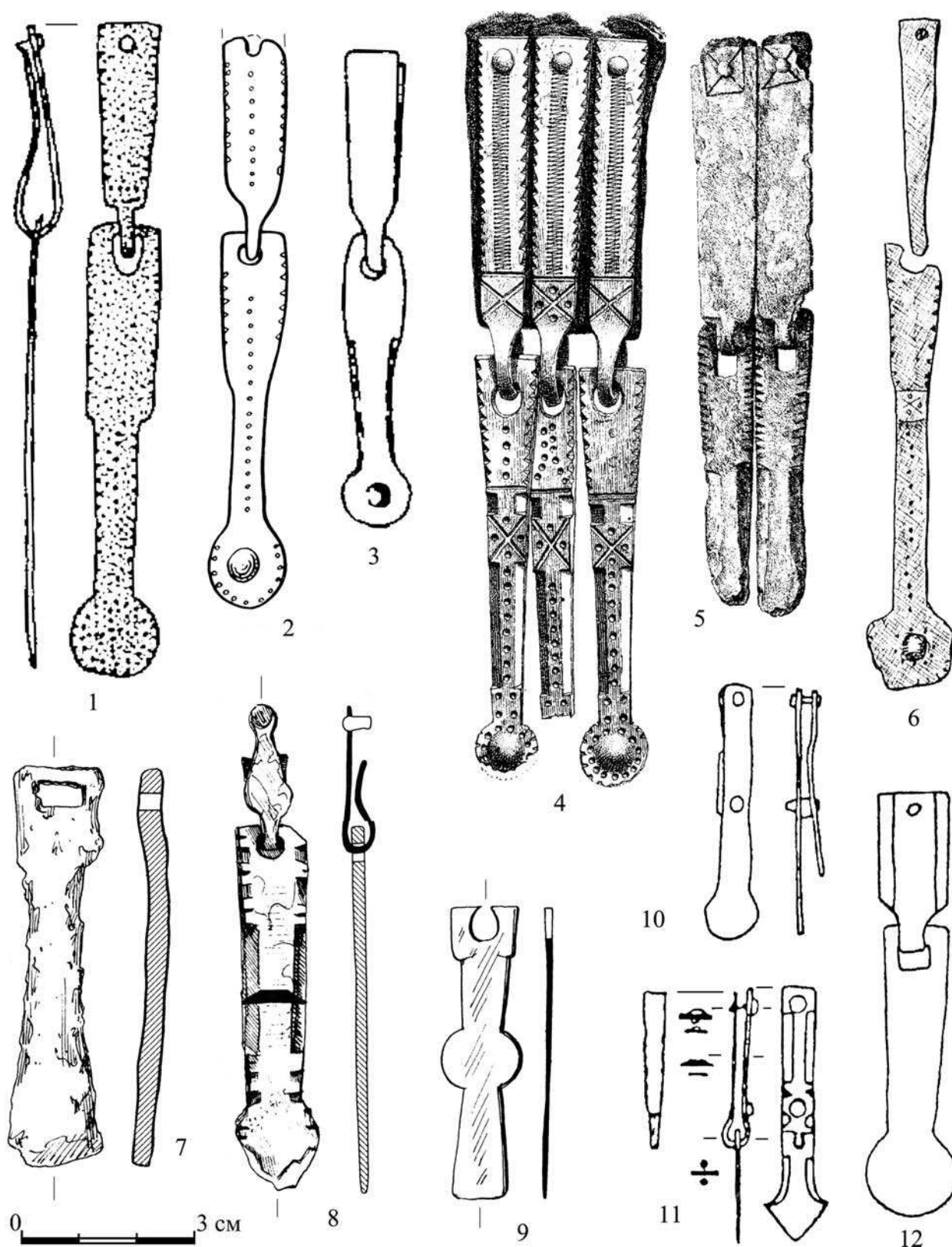

Рис. 7. Наконечники ремней.

1 — Заречье, погр. 120; 2 — Шатрище; 3 — Степановский могильник, погр. 7; 4 — Кузьминский могильник, погр. 69; 5 — Кошибеево, погр. 12; 6 — Кораблино, мыса 2, погр. 8; 7 — Ошкинский могильник, погр. 30; 8, 9 — Худяковский могильник, погр. 87; 9 — Виноградный, курган 2; 10 — Экажево 1, курган 1; 11 — Байрамгулово, курган 2, погр. 2.

1, 6 — рис. предоставлены И.В. Белоцерковской; 2 — по: Розенфельдт, 1982; 3 — по: Гришаков, 2009; 4, 5 — по: Спицын, 1901; 7–9 — по: Лешинская, 2014; 10–12 — по: Малашев, 2000 (10 — рис. И.О. Гавритухина)

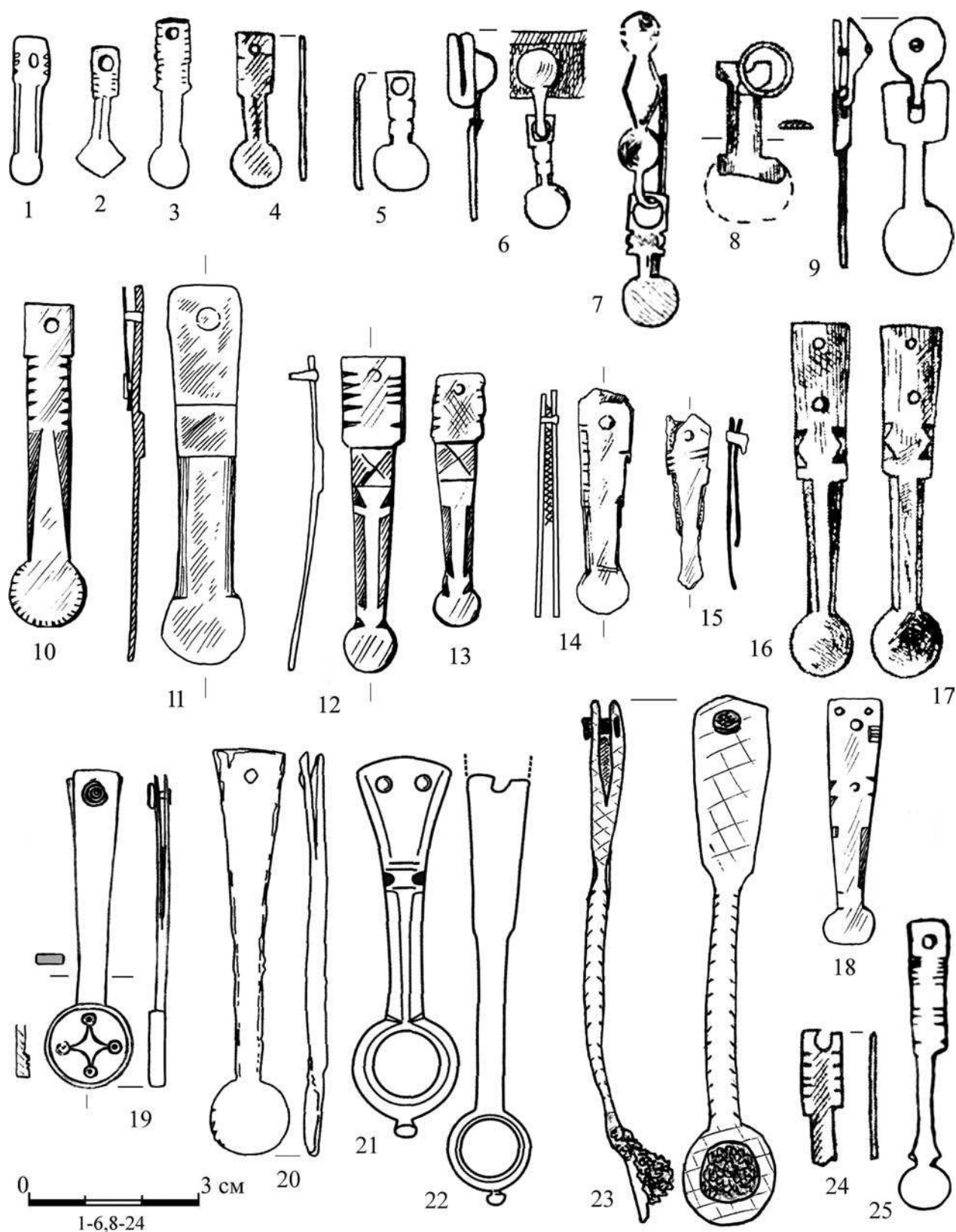

Рис. 8. Прямоугольные обоймы пряжек и наконечники ремней западноокской серии.

1 — Селикса-Трофимовский могильник; 2, 3, 5, 6, 9 — Тюм-Тюм, погр. 71, 102, 36; 4, 8, 16, 17, 24 — Рождественский могильник V, погр. 33, 235, 93, 24; 7, 25 — Мари-Луговской могильник; 10 — Азелинский могильник, погр. 11; 11, 15, 18 — Худяковский могильник, погр. 78, 107, 29; 12, 13 — Суворовский могильник, погр. 14, 5; 14 — Первомайский могильник, погр. 7; 19 — Зозоны; 20 — Лужец, погр. 88; 21 — Брест-Тришин, погр. 43; 22 — Прушь-Гданьски 10, погр. 206; 23 — Таутовский могильник.

1 — по: Розенфельдт, 1982; 2, 3, 5, 6, 9 — по: Ошибкина, 2010; 4, 8, 16, 17, 24 — по: Старостин, 2009; 7, 25 — по: Горюнова, 1934; 10, 12–14 — по: Лешинская, 2012; 11, 15, 18 — по: Лешинская, 2014; 19 — рис. И. О. Гавритухина; 20–22 — по: Madyda-Legutko, 2011; 23 — по: Мясников, 2013

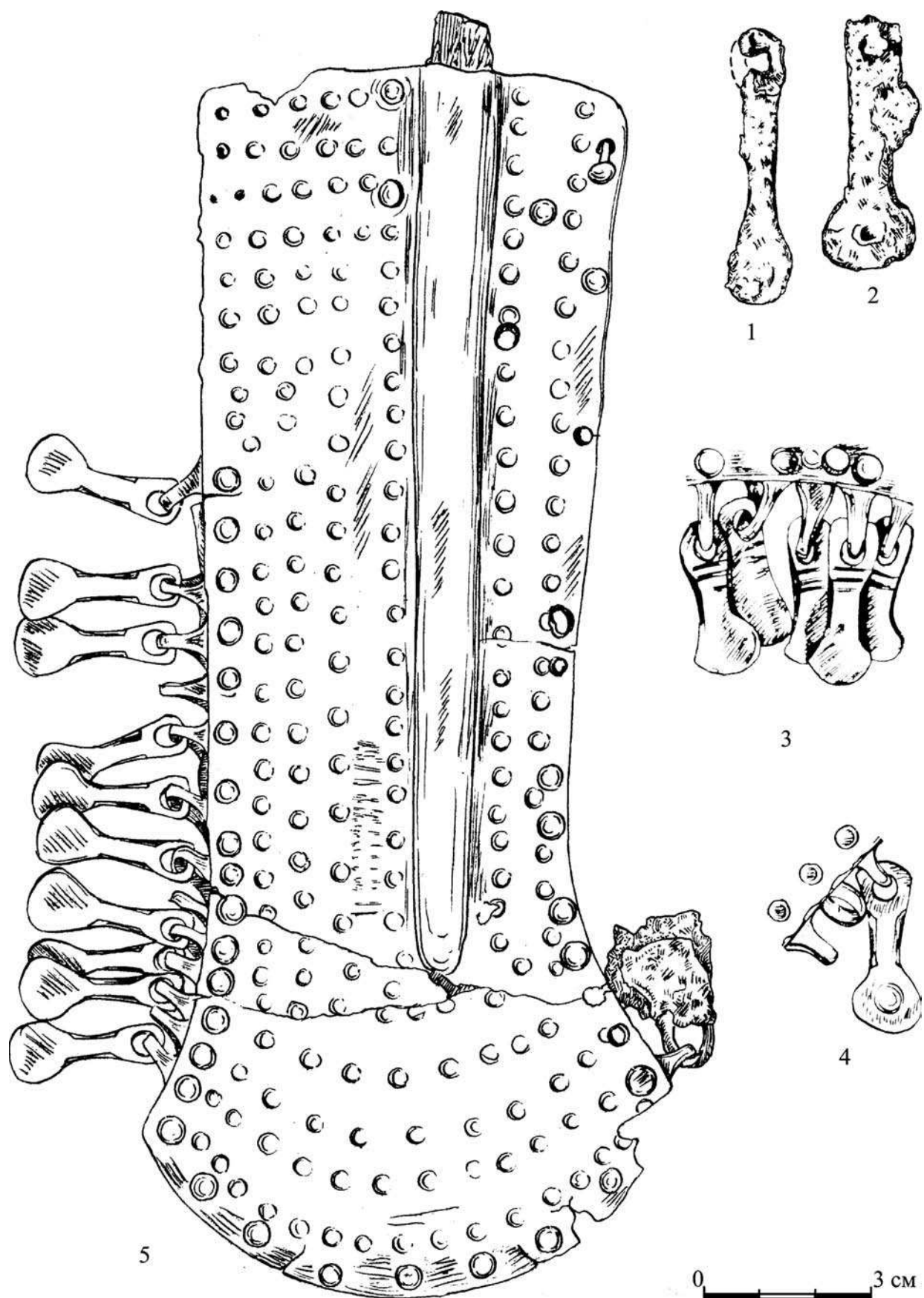

Рис. 9. Подвески мазунинской культуры из Покровского могильника.

1, 2 — погр. 71; 3 — погр. 109Б; 4 — погр. 95; 5 — погр. 135.

По: Останина, 1992

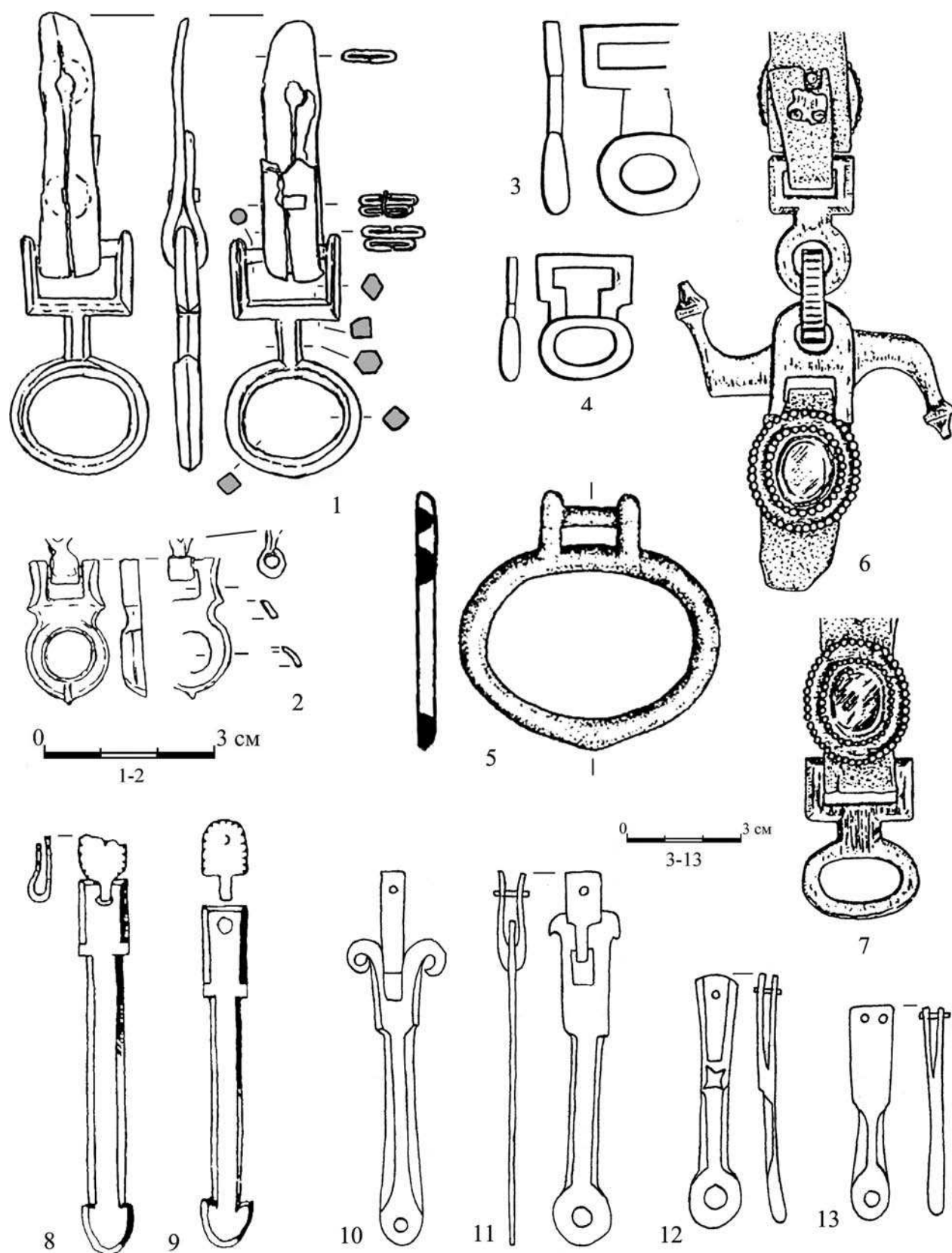

Рис. 10. Крепежные и подвесные ременные наконечники.

1 — Чми-Суаргом, катакомба 11; 2 — Тат-Бояр, погр. 17; 3, 4 — Дюрсо, конское захоронение 3; 5 — Бойтыгем II, курган 19; 6, 7 — Шамси; 8, 9 — Стёксово II; 10–13 — Котлубань, курган 2.

1, 2 — рис. И.О. Гавритухина; 3, 4 — по: Дмитриев, 1979; 5 — по: Степанова, 2006; 6, 7 — по: Kožomberdieva, Kožomberdiev, Kožemjako 1998; 8, 9 — по: Мартянов 2001; 10–13 — по: Скрипкин, 1989; Малашев, 2000

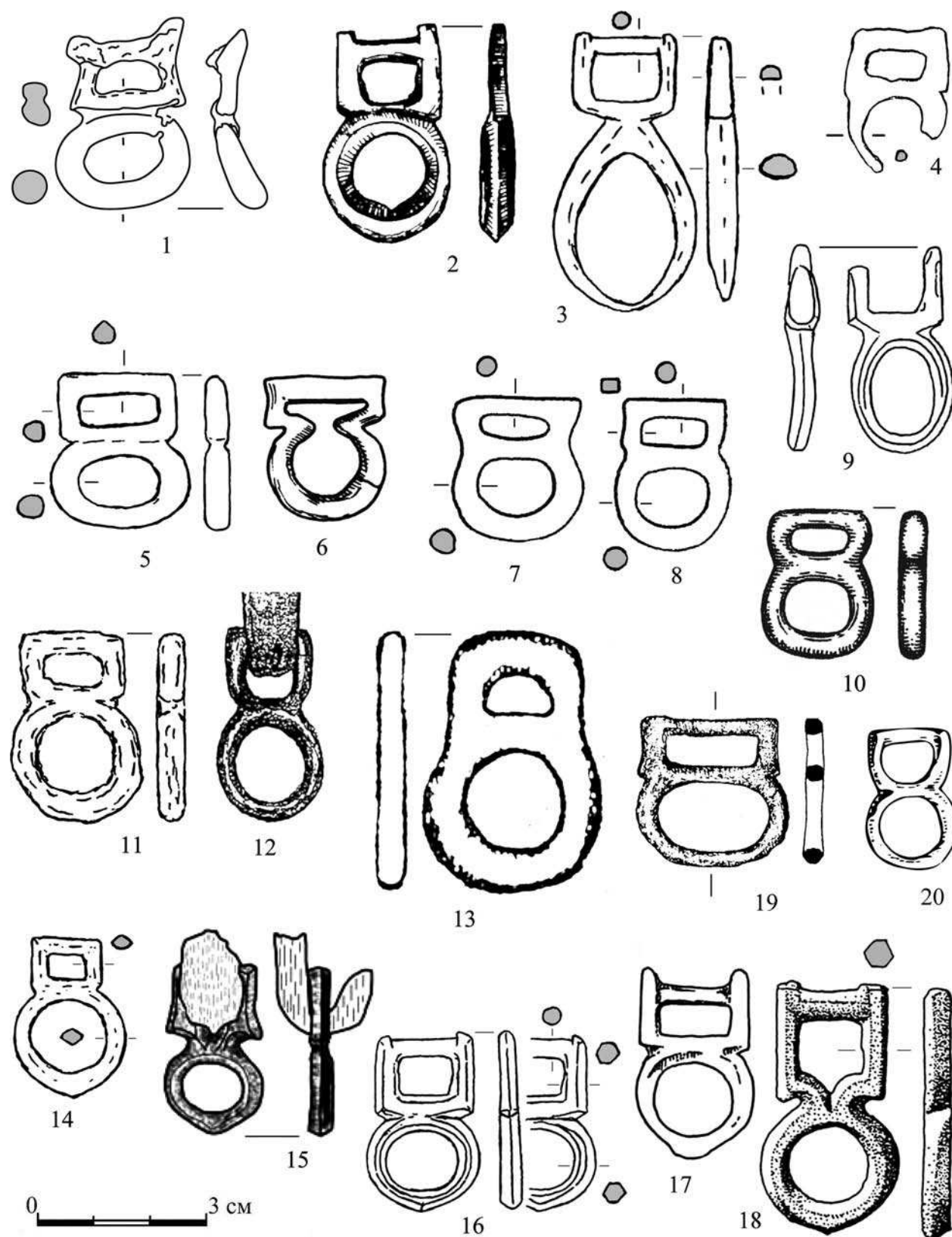

Рис. 11. Крепежные ременные наконечники.

1 — Велегож; 2 — погр. у станицы Здвиженской; 3 — Петропавловский могильник, погр. 13; 4 — Ахмылово, погр. 56; 5 — Кугульский склеп 4; 6 — Курнаевка; 7, 8 — Дюрсо, конское захоронения 4 и 11; 9 — Кораблино, мыс 1, погр. 177; 10 — склеп у горы Развалка; 11 — Разград или его окрестности; 12 — Хасаут, склеп 3; 13 — Кугульский могильник 1, катакомба 8; 14 — Херсонес; 15 — Галиат; 16 — Чми-Суаргом, катакомба 11; 17 — Харх; 18 — Чми, катакомба Б; 19 — Зарагиз, погр. 118; 20 — Залахтовы, курган 154, погр. 10.

1, 3, 5, 11, 14, 16 — рис. И.О. Гавритухина; 2, 6 — по: Засецкая, 1994; 4 — рис. А.В. Богачева; 7, 8 — по: Дмитриев, 1979; 9 — по: Ахмедов 1995; 10 — по: Рунич, 1979; 12 — рис. из архива В.А. Лученкова; 13 — по: Рунич, 1969; 15 — Кадиева, 2012; 17 — по альбому Д. Я. Самоквасова; 18 — по: Хайнрих, 1995; 19 — по: L'Or ..., 2001; 20 — по: Хвоцинская, 2004

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ВЕЛЕГОЖСКОГО КЛАДА

Химический состав металла предметов из клада, найденного на городище Велегож¹, исследовался неразрушающим методом безэталонного РФА на РФА-спектрометре M1 Mistral (Bruker). Обработка спектров проводилась на соответствующем программном обеспечении Xspect (Bruker). Ранжирование металлов и сплавов проводилось в соответствии с принятой методикой, где порог легирования принят за 1,0% [Ениосова и др., 2008. С. 131, табл. 2.8].

Анализ был выполнен для 20 металлических предметов из клада: исследовались три спиралевидные пронизи (рис. 33, 1–3), одна крупная проволоочная спираль (рис. 33, 9), две подвески-лунницы (рис. 34, 1–2), фрагмент спирального многовиткового браслета (рис. 35, 1), три круглые бусины (рис. 34, 20–22), три пластинчатые обоймы с кольцами (рис. 33, 11–13) и 7 ведековидных подвесок (рис. 34, 3–9). Для получения данных о химическом составе металла выполнялась съемка с нескольких разных точек на поверхности исследуемого объекта, предварительно реставрированного или очищенного; в отдельных случаях (к примеру, спиралевидные пронизи, пластинчатые обоймы) анализ выполнялся на патинированном слое и результаты исследования, скорее, относятся к типу качественного анализа. Результаты аналитического исследования приведены в таблице 1. В ней суммированы все элементы, зафиксированные в процессе анализа; разъяснения по поводу присутствия тех или иных элементов в сплавах приведены в тексте.

В составе клада из городища Велегож присутствуют предметы, изготовленные как из серебра, так и из сплавов на основе меди. Для данной публикации были исследованы не все предметы из клада, поэтому определение процентного соотношения предметов в кладах по типу металла преждевременно. Представляется, что следующим этапом изучения металлических предметов из клада, помимо увеличения аналитической выборки, будет также исследование их техники изготовления.

Изделия из серебра. Из серебра в выборке изготовлены крупная проволоочная спираль, две подвески-лунницы и две ведековидные подвески.

Проволоочная спираль изготовлена из «желтого» многокомпонентного серебра [Ениосова и др., 2008. С. 132. Табл. 2.11]; содержание драгоценного металла составляет 86,99–90,07%. Кроме серебра, зафиксировано наличие меди (5,6–9,02%), олова (1,66–1,78%) и свинца (1,46–1,71%). Содержание таких элементов, как золото,

цинк и висмут, крайне низко и не превышает половины процента (табл. 1, пробы 1–1b).

Серебро двух подвесок-лунниц, несмотря на некоторую вариативность результатов проведенного анализа, также относится к типу «желтого» многокомпонентного серебра; его содержание колеблется от 84,07 до 92,28% (табл. 1, пробы 2–3с). Можно отметить стабильно низкое содержание всех остальных зафиксированных элементов, в общем сопоставимое с металлом проволоочной спирали. Исключением является только серебро подвески-лунницы (рис. 34, 2), где содержание свинца повышено до 5% значения (табл. 1, пробы 3–3с). Анализом исследовался металл не только «тела» подвесок, но также «ушки» (табл. 1, пробы 2, 3) и крепежные элементы (штифты; табл. 1, пробы 2a, 3a) — принципиальных различий в химическом составе металла этих деталей выявлено не было.

Для двух ведековидных подвесок (рис. 34, 8–9) из-за сильного загрязнения поверхности было взято только по одной пробе (табл. 1, пробы 9–9a): предварительно серебро относится к типу многокомпонентного высокопробного серебра (табл. 1, проба 9a) и к типу «желтого» многокомпонентного серебра (табл. 1, проба 9), с присадками железа, меди и свинца (1–3%). Расширение этой выборки, вероятно, позволит скорректировать полученные данные и более четко определить тип серебра, из которого были изготовлены анализируемые предметы.

Изделия из сплавов на основе меди. Из сплавов на основе меди в исследуемой выборке изготовлены три спиралевидные пронизи, фрагмент спирального многовиткового браслета, 3 круглые бусины, 3 пластинчатые обоймы с кольцами, 5 ведековидных подвесок.

Исследованный фрагмент спирального многовиткового браслета, для которого было получено три пробы (табл. 1, пробы 4–4b), изготовлен из тройной латуни (CuPbZn), где содержание свинца составляет 4,09–6,39%, цинка 1,63–6,39% (среднее значение содержания цинка не превышает 2%). На уровне микропримесей зафиксированы такие элементы, как железо и серебро; зафиксированные кобальт и никель в одной из проб относятся, скорее всего, к «следовым» количествам и не отражают их реального присутствия в металле браслета, так как при пересчете спектра с помощью программной опции «Deconvolution» (повышение разрешения спектра) наличие Co и Ni в пробе не подтвердилось (табл. 2).

¹ В статье даются ссылки на рисунки предметов, помещенные в статью А. М. Воронцова и Е. В. Столярова в настоящем сборнике.

Круглые бусины изготовлены из многокомпонентного сплава (CuSnPbZn) (табл. 1, пробы 5–5с). В металле массивной бусины (табл. 1, пробы 5–5а) зафиксировано повышенное содержание олова (11,95–13,55%) по отношению к свинцу (4,43–4,99%) и цинку (3,58%), тогда как в металле более мелких бусин (табл. 1, пробы 5b–5с) преобладает повышенное содержание свинца (11,02%, 9,85%) по отношению к олову (8,41% и 4,62%) и цинку (3,92% и 5,21%). Во всех пробах зафиксировано «следовое» количество никеля и висмута; микропримесями к сплаву являются железо и серебро.

Пластинчатые обоймы также изготовлены из многокомпонентного сплава, и сама обойма, и крепежные кольца (табл. 1, пробы 6–6f). Во всех пробах зафиксировано повышенное по отношению к другим легирующим компонентам содержание свинца и стабильно низкое содержание олова; химический состав металла дрота и обоймы не имеет существенных отличий. Из сплава с аналогичными характеристиками изготовлены и спиралевидные пронизы (табл. 1, пробы 7–7e); однако здесь ясно виден эффект, который возникает при анализе патинированной (или загрязненной) поверхности по методу РФА. Для двух пронизей (табл. 1, пробы 7–7а и 7d–7e) анализ выполнялся на поверхностях с «чистым» металлом, который был найден при визуальном обследовании поверхности: здесь содержание свинца в пределах 4,94–6,37%, что разительно отличается от результатов анализа пронизей, где такую поверхность найти не удалось (пробы 7b–7с: Pb — 11,90–12,99%). Способность свинца к ликвации на поверхность усиливается при процессах коррозии, что необходимо учитывать при выполнении анализов, в частности, по методу РФА-спектроскопии.

Анализ пяти ведровидных подвесок (табл. 1, пробы 8–8-4а) выполнялся отдельно для «тела» подвески и отдельно для дужки; подвески не прошли реставрацию, но были предварительно очищены для большей корректности результатов анализа. Результаты следующие: «тело» подвесок выполнено из многокомпонентного сплава (табл. 1, пробы 8, 8-1, 8-2, 8-3, 8-4), ушки — из свинцовой бронзы (табл. 1, пробы 8а, 8-1а, 8-2а, 8-3а, 8-4а), причем содержание свинца здесь, судя по всему, также повышено по сравнению с истинным значением.

Проведенное исследование химического состава металлических предметов из Велегожского клада конца IV—1-й половины V в. позволило определить наличие в кладах предметов, выполненных из нескольких типов сплавов и металлов.

Часть предметов выполнена из многокомпонентного «желтого» и высокопробного серебра, дополнительно

легированного сплавом с крайне низким содержанием цинка. Значение таких «важных» для серебра примесей, как золото и висмут, в металле проанализированных предметов крайне низко, также отсутствуют сурьма и мышьяк, что может быть косвенным признаком принадлежности серебра к определенной рудной формации. Обращает на себя внимание в этой связи стабильно низкое содержание олова в серебре исследованных предметов (усредненное значение 1%), что может косвенно указывать на присутствие олова в серебре как микропримеси, а не искусственной присадки. Известно, что примеси олова в серебре маркируют добычу серебра из оловянно-цинковых руд, месторождения которых, к примеру, известны на Балканах, где рудники активно разрабатывались в римское и ранневизантийское время [Томовић, 1995. С. 120–123].

В составе клада также присутствуют изделия из свинцовой латуни и свинцовой бронзы, многокомпонентного сплава с пониженным содержанием цинка и с разным содержанием олова или свинца; предварительно можно сказать о наличии разных типов многокомпонентного сплава в Велегожском кладах. Обращает на себя внимание малое количество предметов, в металле которых содержится достаточно высокое количество олова (бусины), а также использование для изготовления ведровидных подвесок двух разных типов сплава (многокомпонентный сплав и свинцовая бронза). Преимущественное использование многокомпонентных сплавов имеет некоторую степень близости с данными, полученными для металла Троицкого городища в Москворечье [Сапрыкина, 2005. С. 530–533], Юго-Восточной и Восточной Прибалтики, а также для материалов могильника Суук-Су (Южный Крым) и предметов из Мошинского клада [Черных, Барцева, 1972. С. 57–58], однако материал Велегожского клада выделяется тем, что здесь содержание цинка стабильно низкое, в отличие от вышеперечисленных коллекций. Статистическое распределение по содержанию основных легирующих компонентов в сплавах на основе меди в велегожском кладах свидетельствует в пользу преимущественного использования многократно переплавленного цинкосодержащего сплава, при этом не ясно, вводился ли в него дополнительно свинец или полученные данные — ошибка анализа. Тем не менее расширение выборки (не только из состава изучаемого клада) и аналитическое исследование близких по хронологии материалов способны дать новую научную информацию о циркуляции металлов и сплавов на территории Европейской части России в IV–V вв.

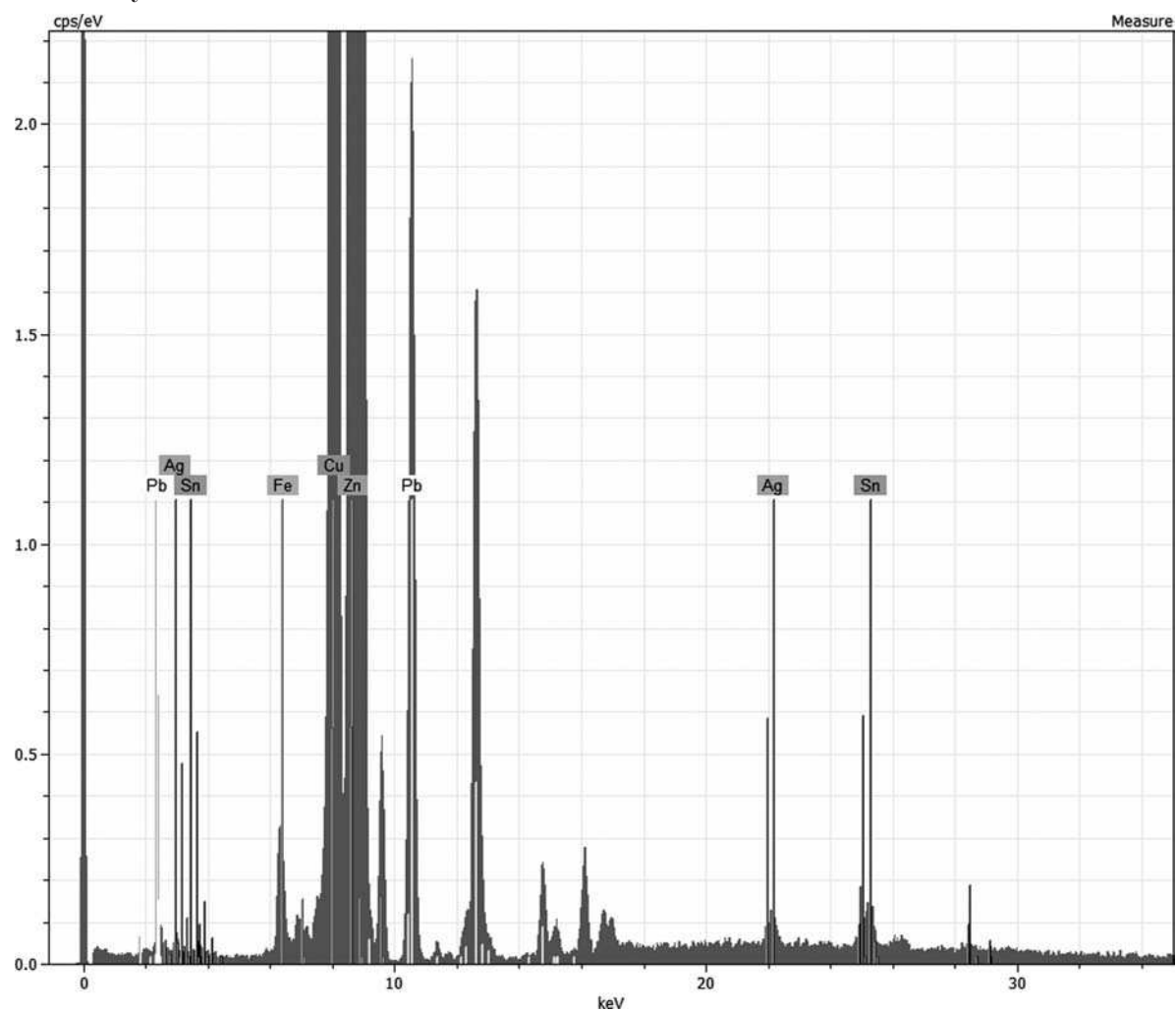
Литература

- Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / Отв. ред. Н. В. Рындина. М., 2008. С. 107–154.
- Сапрыкина И. А. Производственный ювелирный комплекс Троицкого городища дьяковской культуры // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. Сб. статей / Гл. ред. В. И. Гуляев. М., 2005. С. 521–534.
- Черных Е. Н., Барцева Т. Б. Сплавы цветных металлов // Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н. Металл черняховской культуры. МИА. № 187. М., 1972. С. 50–94.
- Томовић М. Римско рударство и металургија сребра у Горњој Мезији // Радионице и ковнице сребра (Silver workshops and mints). Кн. 9. Београд, 1995. С. 117–126.

Таблица 1. Результаты аналитического исследования металлических изделий из Велегожского клада

№ пробы	Наименование	Рисунок	Fe	Co	Ni	Cu	Zn	Ag	Sn	Au	Pb	Bi
1	Крупная проволочная спираль	33, 9	0	0	0	9,02	0,09	86,99	1,66	0,70	1,46	0,08
1a			0	0	0	6,81	0,10	88,87	1,77	0,78	1,58	0,09
1b			0	0	0	5,6	0,08	90,07	1,78	0,67	1,71	0,09
2	Подвеска-лунница	34, 1	0	0	0	10,73	1,21	84,84	0,96	0,49	1,60	0,15
2a			0	0	0	8,18	0,80	85,17	2,61	0,49	2,60	0,17
2b			0	0	0	6,08	1,35	90,83	0,07	0,39	1,11	0,17
2c			0	0	0	5,67	1,24	91,28	0,15	0,40	1,10	0,16
3	Подвеска-лунница	34, 2	0	0	0	4,14	0,92	89,36	0,86	0,50	4,07	0,16
3a			0,10	0	0	4,22	0,65	86,23	2,67	0,52	5,44	0,16
3b			0	0	0	8,26	1,38	84,07	0,20	0,34	5,58	0,17
3c			0	0	0	3,68	1,10	92,28	0,07	0,37	2,29	0,20
4	Спиральный многовитковый браслет	35, 1	0,18	0,02	0,04	88,99	6,39	0,10	0,19	0	4,09	0
4a			0,41	0	0	90,95	1,84	0,11	0,27	0	6,42	0
4b			0,14	0	0	93,52	1,63	0,10	0,25	0	4,35	0
5	Бусина	34, 20	0,51	0	0,06	78,69	3,58	0,24	11,95	0	4,99	0
5a			0,56	0	0,07	77,57	3,58	0,24	13,55	0	4,43	0
5b	Бусина	34, 21	1,76	0	0,03	74,53	3,92	0,23	8,41	0	11,02	0,10
5c	Бусина	34, 22	0,96	0	0,06	79,13	5,21	0,13	4,62	0	9,85	0,04
6	Пластинчатая обойма с кольцом	33, 12	0,26	0	0	81,41	3,38	0,19	2,69	0	11,97	0,05
6a			0,80	0	0	79,78	2,63	0,36	3,56	0	12,81	0,06
6b	Пластинчатая обойма с кольцом	33, 13	0,20	0	0,04	80,94	4,90	0,14	2,17	0	11,56	0,05
6c			0,48	0	0,03	81,39	6,27	0,16	1,78	0	9,86	0,03
6d	Пластинчатая обойма с кольцом	33, 11	0,60	0	0	87,47	4,24	0,21	1,57	0	5,85	0,05
6e			0,47	0	0,03	74,64	7,00	0,16	3,01	0	14,64	0,06
6f			0,48	0	0	74,17	6,58	0,17	3,24	0	15,30	0,05
7	Пронизь спиралевидная	33, 1	1,41	0	0,05	84,35	5,75	0,52	2,47	0	5,39	0,06
7a			1,82	0	0,04	82,96	5,61	0,56	2,58	0	6,37	0,06
7b	Пронизь спиралевидная	33, 2	0,93	0	0	80,07	3,16	0,12	2,68	0	12,99	0,05
7c			0,66	0	0	81,43	3,32	0,14	2,52	0	11,90	0,03
7d	Пронизь спиралевидная	33, 3	1,33	0	0,04	84,88	6,29	0,45	2,02	0	4,95	0,04
7e			1,19	0	0,05	85,02	6,26	0,47	2,03	0	4,94	0,05
8	Ведерковидная подвеска	34, 3	1,24	0,02	0,02	82,50	7,55	0,23	3,03	0	5,40	0
8a			0,13	0	0	92,56	0,74	0,17	0,13	0	6,27	0
8-1	Ведерковидная подвеска	34, 4	0,52	0	0,03	78,71	7,96	0,15	4,01	0	8,59	0,03
8-1a			0,25	0	0	93,45	0,67	0,21	0,12	0	5,30	0
8-2	Ведерковидная подвеска	34, 5	2,47	0	0	76,32	6,90	0,27	4,00	0	10,04	0
8-2a			0,21	0	0	94,10	0,56	0,18	0,06	0	4,89	0
8-3	Ведерковидная подвеска	34, 6	0,45	0	0	81,20	7,11	0,16	4,10	0	6,99	0
8-3a			0,78	0	0,03	91,58	0,57	0,41	2,01	0	4,63	0
8-4	Ведерковидная подвеска	34, 7	0,58	0	0	81,70	5,74	0,14	3,77	0	8,08	0
8-4a			0,43	0	0	95,06	0,34	0,07	0,41	0	3,70	0
9	Ведерковидная подвеска	34, 8	1,45	0	0	9,87	0,91	84,86	0,82	0	1,33	0,16
9a	Ведерковидная подвеска	34, 9	0,39	0	0	3,71	0,18	92,57	0,96	0,82	1,28	0,09

Таблица 2. Пример пересчета спектра пробы 4 (металл браслета) с помощью опции Deconvolution: отсутствие пиков кобальта и никеля

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Акимов Денис Валерьевич, Воронежский государственный университет;
e-mail: denisakimov@rambler.ru
- Белоцерковская Ирина Васильевна, Государственный исторический музей, Москва;
e-mail: beloc-irina@yandex.ru
- Воронцов Алексей Михайлович, Государственный музей-заповедник «Куликово поле», Тула
e-mail: amvorontsov@gmail.com
- Гавритухин Игорь Олегович, Институт археологии РАН, Москва; e-mail: gavritukhin@rambler.ru
- Гопкало Оксана Викторовна, Институт археологии НАНУ, Киев; e-mail: hopkalo@gmail.com
- Дробушевский Александр Иванович, Гомель; e-mail: adrobush@yandex.ru
- Кулаков Владимир Иванович, Институт археологии РАН, Москва.
- Любичев Михаил Васильевич, Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина;
e-mail: gsae@mail.ru
- Мастыкова Анна Владимировна, Институт археологии РАН, Москва; e-mail: amastykova@mail.ru
- Михайлова Елена Робертовна, Санкт-Петербургский государственный университет;
e-mail: yancharuk@mail.ru
- Мулкиджанян Яков Петрович, Воронежский государственный университет.
- Пьянков Алексей Васильевич, Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына; e-mail: a.v.pyankov@rambler.ru
- Румянцева Ольга Сергеевна, Институт археологии РАН, Москва; e-mail: o.roumiantseva@mail.ru
- Сапрыкина Ирина Анатольевна, Институт археологии РАН, Москва; e-mail: dolmen200@mail.ru
- Столяров Евгений Васильевич, Государственный музей-заповедник «Куликово поле», Тула;
e-mail: stolarov_e@mail.ru
- Хомякова Ольга Алексеевна, Институт археологии РАН, Москва; e-mail: olga_homsy@mail.ru
- Шультце Эрдмута, Германский археологический институт, Берлин; e-mail: ers@eurasien.dainst.de
- Янкович Джордже, Белградский университет; e-mail: djordjmil@gmail.com

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АБИЯЛИ — Абхазский институт языка, литературы и истории
 АИА — Архив Института археологии РАН, Москва
 АИИМК — Архив Института истории материальной культуры РАН, С.-Петербург
 АИУ — Археологические исследования на Украине
 АО — Археологические открытия
 АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР
 АС — Археологический съезд
 ВДИ — Вестник древней истории
 ВХНУ — Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна
 ГАЗ — Гістарычна-археалагічны зборнік, Мінск
 ГИМ — Государственный исторический музей, Москва
 ГМИНВ — Государственный музей искусства народов Востока, Москва
 ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Имп. Русского археологического общества
 ЗРАО — Записки Императорского Русского археологического общества
 ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
 ИА НАНУ — Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев.
 ИАН ЭССР — Известия Академии наук Эстонской ССР
 ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
 КЗ ВУАК — Короткі звітмлення Всеукраїнської археологічної комісії
 КОИХМ — Калининградский историко-художественный музей
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН)
 КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 ЛЛВЕ — Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула
 МАБ — Матэрыялы па археалогіі Беларусі, Мінск
 МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
 МАР — Материалы по археологии России
 МАК — Материалы по археологии Кавказа
 МЗКП — Государственный музей-заповедник «Куликово поле», Тула
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 МИАКВАЭ — Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции.
 МКАС — Международный конгресс археологов-славистов
 МНИИЯЛИЭ — Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории, экономики (в настоящий момент — Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия), Саранск
 НА ИА НАНУ — Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины
 ОН — Серия «Общественные науки»
 ОАК — Отчеты Императорской Археологической Комиссии, С.-Петербург.
 РА — Российская археология
 РАН — Российская академия наук
 РИАМЗ — Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
 РОКМ — Рязанский областной краеведческий музей
 РСМ — Раннеславянский мир
 СА — Советская археология
 САИ — Свод археологических источников
 СВУ — Середні віки на Україні
 ТАС — Тверской археологический сборник
 АВ — Archaeologia Baltica
 AÚ AV ĆR Brno — Archeologický Ústav Akademie věd České Republiky. Brno
 BAR — British Archaeological Reports
 BRGK — Berichte der Römische-Germanische Kommission
 МА — Materiały archeologiczne
 MAB — Monumenta Archaeologica Barbarica
 Prussia — Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia. Königsberg in Preußen: Gräfe und Unzer
 PM — Prussia-Museum
 RGK — Römische-Germanische Kommission
 SMB-PK/MVF — Staatliche Museen zu Berlin — Preußischer Kulturbesitz, Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие (А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин)</i>	5
<i>Воронцов А. М., Столяров Е. В.</i>	
Городище Велегож на правом берегу верхней Оки	9
<i>Мастыкова А. В.</i>	
Стеклянные полихромные и янтарные бусы из Велегожского клада	57
<i>Румянцева О. С.</i>	
Стеклянные бусы Велегожского клада: монохромные и с металлической прокладкой	68
<i>Гавритухин И. О.</i>	
Фибулы, пряжки, ременные наконечники, связанные с горизонтом мощинской культуры городища Велегож	80
<i>Сапрыкина И. А.</i>	
Химический состав металлических изделий из Велегожского клада	103
<i>Белоцерковская И. В.</i>	
Застежки-сюльгамы из рязано-окских могильников Заречье и Кораблино: опыт систематизации	107
<i>Акимов Д. В., Мулкиджанян Я. П.</i>	
Производственный комплекс городища Крутогорье: варианты реконструкции и интерпретации	132
<i>Михайлова Е. Р.</i>	
К реконструкции женского убора из погребений культуры псковских длинных курганов	142
<i>Дробушевский А. И.</i>	
Городища периода римских влияний на территории Республики Беларусь	163
<i>Кулаков В. И.</i>	
Методика раскопок старших представителей прусской археологической школы (могильники Dollkeim / Коврово и Warnikam / Первомайское)	178
<i>Хомякова О. А.</i>	
Стиль ажурной орнаментики римского времени в Юго-Восточной Прибалтике	190
<i>Шульце Э., Любичев М. В.</i>	
Культовый слой могильника черняховской культуры Войтенки (Восточная Украина): спектр находок и возможности интерпретации	231
<i>Пьянков А. В.</i>	
К вопросу о населении правого берега Нижней Кубани во второй половине III — третьей четверти IV в.	256
<i>Янкович Д.</i>	
Большой клад из Жидовара на Среднем Дунае	274
<i>Гопкало О. В.</i>	
Костюм «варваров» на диптихе из Хальберштадтского собора	292
Список авторов	309
Список сокращений	310

Научное издание

**ЛЕСНАЯ И ЛЕСОСТЕПНАЯ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В ЭПОХИ РИМСКИХ ВЛИЯНИЙ И ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ
Конференция 4
ЧАСТЬ 1**

Ответственный за выпуск Е. А. Телушкина
Технический редактор Н. Ф. Клёнова. Компьютерная верстка П. П. Гончаров

Подписано в печать 26.10.2015. Формат 60×90/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Прагматика». Усл.-печ. л. 39+1,5 цв. вкл. Тираж 300 экз. Заказ №

Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле»
300041, г. Тула, пр-т Ленина, 47. Тел./факс (4872) 36-18-40

Отпечатано с файлов PDF в ООО «Аквариус»